

2022

Том 13. № 3

2022. Vol. 13. No. 3

DOI: [10.19181/vis.2022.13.3](https://doi.org/10.19181/vis.2022.13.3)

ISSN 2221-1616 (online)

ВЕСТНИК *Института*
СОЦИОЛОГИИ

VESTNIK INSTITUTA SOTZIOLOGII

С Е Т Е В О Й
Ж У Р Н А Л

www.vestnik-isras.ru

Тема номера: **Миграция и идентичность**

/Российская идентичность

/Бюрократия как социальный феномен

/Цифровая покорность

/Факторы профессионального
выгорания

Вестник Института социологии Vestnik instituta sotziologii 3'2022

Рецензируемый сетевой научный журнал
Издаётся с 2010 г.
Выходит 4 раза в год

2022. Том 13. № 3

DOI: 10.19181/vis.2022.13.3

Учредитель: Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук

Издатель: Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук

Главный редактор: М. К. Горшков

Заместители главного редактора: П. М. Козырева, О. В. Аксенова

Ответственный секретарь: К. В. Подъячев

Журнал включён в Russian Science Citation Index (RSCI) на платформе Web of Science.
Журнал включён в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёных степеней кандидата и доктора наук.

Журнал открытого доступа

Доступ к контенту журнала бесплатный. Плата за публикацию с авторов не взимается.

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License

Все выпуски журнала размещаются в открытом доступе на официальном сайте журнала с момента публикации: <https://www.vestnik-isras.ru>

Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС77-51453:

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Год регистрации: 2010 г.

© Вестник Института социологии, 2022

© Vestnik instituta sotziologii, 2022

Состав Редколлегии

Главный редактор

ГОРШКОВ Михаил Константинович – академик РАН,
Научный руководитель ФНИСЦ РАН (Москва, Россия)

E-mail: director@isras.ru

Заместители главного редактора

КОЗЫРЕВА Полина Михайловна – доктор социологических наук, Первый заместитель директора Института социологии ФНИСЦ РАН, начальник Управления координации Программы развития ФНИСЦ РАН (Москва, Россия)

E-mail: pkozyreva@isras.ru

АКСЕНОВА Ольга Владимировна – доктор социологических наук, руководитель Отдела анализа социокультурных оснований политических процессов Института социологии ФНИСЦ РАН (Москва, Россия)

E-mail: illaio@yandex.ru

Ответственный секретарь

ПОДЪЯЧЕВ Кирилл Викторович – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН; доцент социологического факультета ГАУГН (Москва, Россия)

E-mail: vestnik@isras.ru

Члены редколлегии

БАРАБАНОВ Олег Николаевич – доктор политических наук, профессор РАН, заместитель директора по научной работе Европейского учебного института МГИМО МИД России, программный директор Международного дискуссионного клуба «Валдай» (Москва, Россия)

E-mail: drolegbarabanov@gmail.com

БАТАНИНА Ирина Александровна – доктор политических наук, профессор, директор Института гуманитарных и социальных наук Тульского государственного университета (Тула, Россия)

E-mail: batanina@mail.ru

ДУКА Александр Владимирович – кандидат политических наук, заведующий сектором Социологического института – филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: a_duka@mail.ru

ЖЕЛЕЗНЯКОВ Александр Сергеевич – доктор политических наук, руководитель Центра политологии и политической социологии Института социологии ФНИСЦ РАН (Москва, Россия)

E-mail: zhelezniakovas@yahoo.com

ЗАБОРОВА Елена Николаевна – доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой прикладной социологии Уральского государственного экономического университета (Екатеринбург, Россия)

E-mail: ezaborova@yandex.ru

КИВИНЕН Маркку – профессор, директор по исследованиям Алексантери института Университета Хельсинки (Хельсинки, Финляндия)

E-mail: Markku.kivinen@helsinki.fi

КОСТЕЛЕЦКИ Томас – профессор, директор Института социологии Чешской академии наук (Прага, Чехия)

E-mail: tomas.kostelecky@soc.cas.cz

МИХАЙЛЕНКО Олег Михайлович – доктор политических наук, профессор, руководитель Отдела исследований социально-политических отношений Института социологии ФНИСЦ РАН (Москва, Россия)

E-mail: m-oleg-m@yandex.ru

ПАТЕЛЬ Сажата – профессор социологии, научный сотрудник Индийского института перспективных исследований (Шимла, Индия)

E-mail: patel.sujata09@gmail.com

ПАТРУШЕВ Сергей Викторович – кандидат исторических наук, доцент, руководитель Отдела сравнительных политических исследований Института социологии ФНИСЦ РАН (Москва, Россия)

E-mail: servpatrushev@gmail.com

ПОКРОВСКИЙ Никита Евгеньевич – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия)

E-mail: nikita1951@yahoo.com

ПРОКАЗИНА Наталья Васильевна – доктор социологических наук, доцент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Алтайский филиал РАНХиГС (Барнаул, Россия)

E-mail: nvprokazina@mail.ru

ЧОЙ Ву Ик – профессор Института российских исследований Университета иностранных языков Ханкук (Сеул, Республика Корея)

E-mail: wooikchoi@yahoo.co.kr

Editorial Board

Editor in Chief

Mikhail K. GORSHKOV, Academician, Academic Coordinator of FCTAS RAS (Moscow, Russia)

E-mail: director@isras.ru

Deputy Chief Editors

Polina M. KOZYREVA, Doctor of Sociological Sciences, First Deputy Director of the Institute of Sociology of FCTAS RAS (Moscow, Russia)

E-mail: pkozyreva@isras.ru

Olga V. AKSENOVA, Doctor of Sociological Sciences, Head of the Department of Analysis of Sociocultural Foundations of Political Processes of the Institute of Sociology of FCTAS RAS (Moscow, Russia)

E-mail: illaio@yandex.ru

Executive secretary

Kirill V. PODYACHEV, Candidate of Political Sciences, Scientific Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS (Moscow, Russia)

E-mail: vestnik@isras.ru

Members of the Editorial Board

Irina A. BATANINA, Doctor of Political Sciences, Professor, Director of the Institute of Humanitarian and Social Sciences, Tula State University (Tula, Russia)

E-mail: batanina@mail.ru

Oleg N. BARABANOV, Doctor of Political Sciences, Professor of the Russian Academy of Sciences, Deputy Director of the European Studies Institute, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of International Affairs of Russia (MGIMO University) (Moscow, Russia)

E-mail: drolegbarabanov@gmail.com

Wooik CHOI, Professor, The Institute of Russian Studies, Hankuk University of Foreign Studies (Seoul, Republic of Korea)

E-mail: wooikchoi@yahoo.co.kr

Aleksander V. DUKA, Candidate of Political Sciences, Head of the Department of the Sociological Institute – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (St. Peterburg, Russia)

E-mail: a_duka@mail.ru

Markku KIVINEN, Professor of Sociology, Research Director of the Aleksanteri Institute of the University of Helsinki (Helsinki, Finland)

E-mail: Markku.kivinen@helsinki.fi

Oleg M. MIKHAILENOK, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department for Research of Social and Political Relations of the Institute of Sociology of FCTAS RAS (Moscow, Russia)

E-mail: m-oleg-m@yandex.ru

Sergei V. PATRUSHEV, Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of Comparative Political Researches of the Institute of Sociology of FCTAS RAS (Moscow, Russia)

E-mail: servpatrushev@gmail.com

Nikita E. POKROVSKY, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of General Sociology of the Faculty of Social Sciences, National Research University “Higher School of Economics” (Moscow, Russia)

E-mail: nikita1951@yahoo.com

Natalya V. PROKAZINA, Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Russian Academy of National Economy and Public Administration Under the President of the Russian Federation, Altai Branch, Central Russian Institute of Management (Barnaul, Russia)

E-mail: nvprokazina@mail.ru

Sujata PATEL, Professor of Sociology, National Fellow at the Indian Institute of Advanced Studies (Shimla, India)

E-mail: patel.sujata09@gmail.com

Elena N. ZABOROVA, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Applied Sociology, Ural State University of Economics (Ekaterinburg, Russia)

E-mail: ezaborova@yandex.ru

Aleksandr S. ZHELEZNYAKOV, Doctor of Political Sciences, Head of the Center of Politology and Political Sociology of the Institute of Sociology of FCTAS RAS (Moscow, Russia)

E-mail: zhelezniakovas@yahoo.com

Содержание

О выпуске	8
Тема номера:	
Миграция и идентичность	13
<i>Рыжова С. В.</i> Российская идентичность в региональном разнообразии: роль доверия	13
<i>Эндрюшко А. А.</i> Представления россиян о влиянии этничности на социальное продвижение (на примере сферы труда)	32
<i>Толмачева А. Ю.</i> Семьи мигрантов из постсоветских государств: между родиной и Россией	49
<i>Актамов А. Г., Винокурова А. Ю., Григорьева Ю. Г.</i> Миграционные процессы в условиях пандемии: кейс Монголии.....	70
Гражданская активность и права человека в условиях цифровизации	87
<i>Назаров М. М.</i> Приватность в сети и цифровая покорность: исследование аудитории интернет.....	87
Современная белорусская социология.....	108
<i>Рубанов А. В.</i> Бюрократия как социальный феномен	108
Система образования в меняющемся обществе.....	122
<i>Мансуров В. А., Ломбина Т. Н., Юрченко О. В.</i> Проблемы понимания текста школьниками: социологический взгляд	122
<i>Шаброва Н. В.</i> Институциональные возможности и практики участия американских родителей в системе школьного образования.....	142
Трибуна молодого учёного	162
<i>Калинин Р. Г.</i> Метод виньеток в онлайн-исследовании: измерение восприятия справедливости.....	162
<i>Самсонова Е. А.</i> Социологические факторы влияния образовательной среды на профессиональное выгорание преподавателей вузов	179

Contents

About the Issue	8
Topic of the Issue:	
Migration and Identity	13
<i>Ryzhova S. V.</i> Russian Identity in Regional Diversity: The Role of Trust	13
<i>Endryushko A. A.</i> Perceptions of Russians of the Impact of Ethnicity on Social Advancement (On the Example of the Labour Sphere)	32
<i>Tolmacheva A. Yu.</i> Families of Migrants from Post-Soviet States: Between Homeland and Russia.....	49
<i>Aktamov I. G., Vinokurova A. V., Grigoreva Yu. G.</i> Migration Processes in the Context of the COVID 19 Pandemic: The Case of Mongolia	70
Civic Activism and Human Rights in the Context of Digitalisation	87
<i>Nazarov M. M.</i> Online Privacy and Digital Submissiveness: A Study of the Internet Audience.....	87
Modern Belarusian Sociology	108
<i>Rubanov A. V.</i> Bureaucracy as a Social Phenomenon	108
The Education System in a Changing Society	122
<i>Mansurov V. A., Lombina T. N., Yurchenko O. V.</i> Problems of Understanding the Text by Schoolchildren: A Sociological View.....	122
<i>Shabrova N. V.</i> Institutional Opportunities and Practices for the Participation of American Parents in the School System	142
Young Researcher's Tribune	162
<i>Kalinin R. G.</i> Vignette Method in Online Research: Measuring Perceptions of Fairness	162
<i>Samsonova E. A.</i> Sociological Factors of the Influence of the Educational Environment on the Professional Burnout of University Teachers	179

0 выпуске

EDN: WABRFZ

Тема данного выпуска [Миграция и идентичность](#) в наши дни особенно актуальна по причине сложности и крайней противоречивости протекающих в России и по всему миру социальных трансформаций. Глобализация исчезает и остаётся одновременно. Её видимое политическое разрушение происходит при сохранении глобальных экономических потоков. Не исчезли и тенденции социализации индивида как космополита, «человека мира», обусловленные глобальным характером части производительных сил, прежде всего IT технологий.

Массовая трудовая миграция в этих условиях не выглядят случайной и устранимой флуктуацией экономического и социального развития. Она имеет множество измерений, может быть внутренней или внешней, постоянной или временной и т. п., но в любом случае она неизбежно влияет на социокультурные характеристики принимающего и «отправляющего» социума. Проблема идентичности также связана с миграционными процессами, но значима не только для тех, кто меняет место жительства. В России поиск баланса идентичности российской и этнической (а в иных случаях – региональной) есть задача экзистенциальная, от её решения во многом зависит само существование страны. По этой причине важно выявлять факторы, способствующие интеграции российского общества, искать причины сохраняющихся представлений об этнических предубеждениях, в особенности в сфере труда.

Выпуск открывает статья [Рыжовой С. В. \(Москва\) «Российская идентичность в региональном разнообразии: роль доверия»](#), в которой представлены результаты исследования динамики российской идентичности и уровня обобщённого (генерализованного) доверия в России и российских регионах. Особое внимание уделяется Республике Кабардино-Балкария (как пилотному образцу этнического субъекта РФ). В статье рассматриваются вопросы соотношения российской и этнической идентичностей в регионах, отмечается, что их баланс отражает успешность региональной и федеральной политики управления этнокультурным разнообразием. Автор на основании анализа полученных данных приходит к выводу о том, что в современных условиях дефицита интеграционной политики государства культура доверия выступает в качестве «локомотива», продвигающего становление российской нации. Сила этого «локомотива» пока невелика, тем не менее, он оказывает позитивное влияние на формирование российской идентичности: во всех исследованных регионах актуализация российской идентичности выше среди тех, кто демонстрирует установки обобщённого доверия, полагая, что большинству людей можно доверять.

В статье [Эндрюшко А. А.](#) (Москва) [«Представления россиян о влиянии этничности на социальное продвижение \(на примере сферы труда\)»](#) оценивается распространённость мнений о влиянии национальности на возможности социального продвижения (на примере трудовой сферы) в общероссийском контексте. Показано, что далеко не все социально-демографические характеристики связаны с формированием представлений об этнической обусловленности сферы труда. В общероссийском измерении не выявлено связи с образованием, материальным положением, а также структурой занятости респондентов. Значимыми факторами оказались возраст, тип поселения, тип собственности предприятия, на котором трудится респондент. Гораздо сильнее оказалось влияние установок респондентов в сфере межэтнических отношений, наличие этнической предубеждённости, а также реальная практика восприимчивой дискриминации по национальному признаку. Однако, распространённость последней в России крайне мала, поэтому автор делает весьма важный, с нашей точки зрения, вывод о том, что сформированные у значительной части россиян мнения об этнической маркированности трудоустройства стоит рассматривать как сложившиеся в силу исторических предпосылок стереотипы, а не как результат реального ущемления прав людей в данной сфере жизни.

Статья [Толмачевой А. Ю.](#) (Москва) [«Семьи мигрантов из постсоветских государств: между родиной и Россией»](#) представляет результаты социологических опросов, проведённых весной 2017 г. и осенью 2020 г. В ней рассматриваются внутрисемейные отношения мигрантов, приехавших в Россию из стран постсоветского пространства (Азербайджана, Армении, Белоруссии, Грузии, Казахстана, Киргизии, Молдовы, Таджикистана, Узбекистана, Украины). Выявлено, что транснациональная коммуникация в большей степени сохраняется у иностранцев, которые изначально не планируют менять место жительства и постоянно проживать в России. Их цель состоит в зарабатывании средств для обеспечения более высокого уровня жизни в стране происхождения, тогда как приезжие, которые нацелены остаться в России навсегда, чаще проживают вместе со своими близкими родственниками и в меньшей степени поддерживают транснациональные контакты. Автор показывает, что миграция трансформирует и традиции конкретных этносов, например, когда женщина-мусульманка отправляется на заработки и содержит семью на родине, становясь таким образом более независимой и самодостаточной.

В статье [Актамова А. Г.](#) (Улан-Удэ), [Винокуровой А. Ю.](#) (Владивосток), [Григорьева Ю. Г.](#) (Улан-Удэ) [«Миграционные процессы в условиях пандемии: кейс Монголии»](#) предпринята попытка дать характеристику миграционных процессов в Монголии в условиях распространения новой коронавирусной инфекции в контексте внутренней и внешней миграции. Авторы полагают, что пример Монголии можно рассматривать как типичный с точки зрения мер по противодействию распространения COVID-19, но в том, что касается мер социальной помощи своим

гражданам, пример Монголии не имел аналогов в мире, поскольку правительство страны и ряд крупных компаний взяли расходы на коммунальные услуги на себя. Процессы внутренней миграции в Монголии имеют сформировавшиеся характерные тенденции, которые определяются резким разрывом между столицей – Улан-Батором и районами (аймаками) страны. В целом, характер и причины миграции монголов носят типичный характер и обусловлены: поиском более оплачиваемой работы, перспективами карьерного роста, улучшением благосостояния, а также связаны с расширением образовательных, культурных, досуговых возможностей и в целом обеспечения будущего детей. Однако пандемия послужила стимулом к обратной миграции жителей из столицы в аймаки страны. Это объясняется индивидуальными стратегиями граждан – стремлением исключить контакт с потенциальными больными и изолироваться в условиях монгольской степи.

В рубрике [«Гражданская активность и права человека в условиях цифровизации»](#) представлена статья [Назарова М. М. \(Москва\) «Приватность в сети и цифровая покорность: исследование аудитории интернета»](#) Эмпирическую основу работы составляют данные исследования, проведённого в Москве в 2021 г. Показано, что в практику российской аудитории интернет широко вошли действия, связанные с оставлением персональных данных в сети. Большинство респондентов (84%) разделяет представления о том, что доступ к их персональным данным, их обработка и использование должны осуществляться только при согласии пользователей. Подобные установки сочетаются с низкой информированностью о сути использования персональных данных, а также с опытом их нелегитимного использования со стороны третьих лиц. В рамках исследования зафиксированы проявления феномена цифровой покорности, сопряжённого с установкой на «неизбежность» принятия новых координат приватности, которые несёт с собой мир интернета. Отсутствие действий по защите персональных данных (при общей обеспокоенности этим вопросом) оказывается сопряжённым с неверием в возможность защиты онлайн-приватности. В целом 40% респондентов были согласны с тем, что «слишком поздно защищать персональные данные, вся информация обо мне уже есть в интернете».

В постоянной рубрике [«Белорусская социология»](#) представлена статья [Рубанова А. В. \(Минск\) «Бюрократия как социальный феномен»](#). Объектом научного анализа в данной статье является двойственная природа феномена бюрократии. С одной стороны, она рассматривается как наиболее рациональная форма организации и управления в традициях М. Вебера. С другой стороны, показаны основные проявления патологии бюрократизма и их причины. Отмечается, что общесистемные меры в государственном управлении связаны с оптимизацией полномочий и деятельности бюрократии, недопущением её влияния как самостоятельной общественно-политической силы, контролем гражданского общества. Автор подчёркивает, что в процессе дебюрократизации важно наладить диалог и обратную связь с населением, повысить культуру

управленческой деятельности и общения чиновников с людьми, создать электронное правительство и институционализировать службу «одного окна», которая становится частью этого правительства. Автор указывает, что в Республике Беларусь положительный эффект даёт работа по созданию электронного правительства и институционализации службы «одного окна», которая становится частью этого правительства.

Рубрика [«Система образования в меняющемся обществе»](#) содержит две работы, которые могли бы послужить отправным пунктом дискуссии о складывающихся в современном образовании тенденциях. Статья [Ломбиной Т. Н. \(Москва\), Мансурова В. А. \(Москва\), Юрченко О. В. \(Москва\) «Проблемы понимания текста школьниками: социологический взгляд»](#) посвящена проблемам понимания текста современными школьниками. Она носит скорее междисциплинарный характер, рассматривает важные для социологов педагогические и психологические аспекты грамотности. Чтение рассматривается авторами не просто как набор когнитивных навыков, но и как социальное действие. На читательские навыки и осмысление новых знаний школьниками влияют социальные практики, прежде всего социально-экономический статус семьи, принятые в ней установки и принципы. В статье показано также, что длительное время, проводимое школьниками в интернете, негативно влияет как на осмысление ими текстов, так и на эмпатию. Авторы также формулируют интересную, с нашей точки зрения, гипотезу: социальное расслоение между школьниками с разным уровнем грамотности можно уменьшить, используя ранее обучение смысловому чтению.

Статья [Шабровой Н. В. \(Екатеринбург\) «Институциональные возможности и практики участия американских родителей в системе школьного образования»](#) посвящена весьма дискуссионной теме участия гражданского общества в школьном образовании. Автор рассматривает её на примере практик участия родителей в управлении системой школьного образования в США. Исследование показало зависимость институциональных возможностей реализации американскими родителями потребностей и интересов в сфере школьного образования от особенностей системы школьного образования региона (штата); сохраняющееся неравенство в доступе к качественному школьному образованию и его влияние на возможности защиты детско-родительских прав и интересов в сфере школьного образования и целый ряд других проблем. Автор полагает, что в России существуют схожие трудности во взаимодействии родителей и школы, потому важно учитывать конструктивные практики, сложившиеся в американском обществе.

Традиционная рубрика [«Трибуна молодого учёного»](#) представлена двумя статьями. Работа [Калинина Р. Г. \(Москва\) «Метод виньеток в онлайн-исследовании: измерение восприятия справедливости»](#) посвящена использованию метода виньеток в онлайн-исследовании. Демонстрируются возможности метода на примере измерения восприятия справедливости и проводится оценка разработанного для этих целей инструментария. Отдельное внимание уделено особенностям примене-

ния данного метода онлайн при помощи участников, рекрутируемых из коммерческой панели испытуемых. Рекрутирование участников из онлайн-панели для исследования, в котором используется метод виньеток, продемонстрировало ряд ограничений, которые стоит учитывать при планировании исследования. С учётом выявленной невнимательности участников при выполнении заданий с мобильных устройств, рекомендуется ограничивать заполнение анкет использованием настольных устройств — компьютеров и ноутбуков. Рекомендуются также ограничение количества уровней факторов в экспериментальном плане для уменьшения когнитивной сложности заданий в условиях невозможности контролировать внимательность их выполнения.

Статья [Самсоновой Е. А.](#) (Новосибирск) [«Социологические факторы влияния образовательной среды на профессиональное выгорание преподавателей вузов»](#) носит междисциплинарный характер, сделана на стыке социологии, психологии и профпатологии (область медицины). В статье представлены результаты авторского исследования, проведённого в вузах города Новосибирска. Автор приходит к выводу, что профессиональное выгорание преподавателя как синдром ответной реакции, проявляющийся в истощении, снижении продуктивности деятельности, деперсонализации является следствием действия целого ряда факторов, среди которых сверхинтенсивная рабочая нагрузка; новые требования с повышенным уровнем ответственности; негативная атмосфера в коллективе, отсутствие сплочённости, дружелюбности, коллективизма; «размытость» обязанностей и ответственности, перекладывание ответственности на тех, кто ниже по должности; низкая оплата труда, недооценивание труда преподавателей и качества оказываемых услуг и т. п. Усложнение условий профессиональной деятельности приводит к увеличению числа преподавателей с выраженной степенью профессионального выгорания вне зависимости от уровня занимаемой должности, однако автором установлена зависимость степени выгорания от стажа преподавательского труда.

ТЕМА НОМЕРА

МИГРАЦИЯ И ИДЕНТИЧНОСТЬ

DOI: 10.19181/vis.2022.13.3.828

EDN: TPBYIX

Российская идентичность в региональном разнообразии: роль доверия

Ссылка для цитирования: Рыжова С. В. Российская идентичность в региональном разнообразии: роль доверия // Вестник Института социологии. 2022. Т. 13. № 3. С. 13–31. DOI: 10.19181/vis.2022.13.3.828; EDN: TPBYIX

For citation: Ryzhova S. V. Russian Identity in Regional Diversity: The Role of Trust. *Vestnik Instituta sotziologii*. 2022. Vol. 13. No. 3. P. 13–31. DOI: 10.19181/vis.2022.13.3.828; EDN: TPBYIX

Рыжова Светлана Валентиновна¹

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН;
Москва, Россия

Silica2@yandex.ru

AuthorID ПИНЦ: 75912

Аннотация. В статье представлены результаты исследования динамики российской идентичности и уровня обобщённого (генерализованного) доверия в России и российских регионах. Эмпирической базой исследования выступают всероссийские опросы (2020 г. и 2018 г.) и опросы в республиках РФ – Кабардино-Балкарии, Саха (Якутии) и Татарстане (2019–2021 гг.); для сравнения привлекаются данные региональных исследований (2016–2018 гг.). Особое внимание уделяется Республике Кабардино-Балкария. Во всех опросах использовался одинаковый блок вопросов, направленный на выявление актуализации российской идентичности и уровня обобщённого доверия и недоверия. Российская идентичность исследуется с позиций теории психосоциальной идентичности Э. Эриксона и социальной идентичности Г. Тэжфела и Дж. Тернера; обобщённое доверие – с опорой на концепции П. Штомпки и Р. Инглхарта. К анализу эмпирических данных применяется концепция «поточковой консолидации» и «социальных конъюнкторов» О.А. Кармадонова. Дискутируются вопросы соотношения российской и этнической идентичностей в регионах, отмечается, что их баланс отражает успешность региональной и федеральной политики управления этнокультурным разнообразием. Данные социологических исследований позволяют предполагать, что широкое распространение в региональном социуме российской и этнической идентичностей и «равновесность» их актуализации говорят об оптимальном балансе этнокультурных и общероссийских государственно-гражданских трендов нациестроительства.

Российскую идентичность и культуру доверия можно рассматривать в качестве эффективных социальных конъюнкторов, активно вовлечённых в процессы формирования российской государственной, политической общности. Актуализированная российская идентичность

поддерживает вертикальный «поток консолидации», объединяющий полиэтничное пространство страны, а формирующаяся культура доверия (наиболее чутким показателем которой является уровень обобщённого (генерализованного) доверия) поддерживает горизонтальный поток консолидации. Эмпирические данные позволяют сделать вывод, что в современных условиях дефицита интеграционной политики государства культура доверия выступает в качестве «локомотива», продвигающего становление российской нации. Отмечается, что хотя сила этого «локомотива» пока невелика, тем не менее, он оказывает позитивное влияние на формирование российской идентичности: во всех исследованных регионах актуализация российской идентичности выше среди тех, кто демонстрирует установки обобщённого доверия, полагая, что большинству людей можно доверять.

Ключевые слова: российская идентичность, этническая идентичность, доверие, консолидация, Республика Кабардино-Балкария, регионы России

Исследование общественных вызовов и рисков, сопряжённых с проблемами внутривосточной консолидации, наиболее актуально в полиэтничных, поликонфессиональных регионах. Этническое и региональное разнообразие по-разному проявляется в субъектах Российской Федерации. В республиках, в отличие от иных российских регионов, этничность закреплена институционально, поэтому в процессах общенациональной интеграции особая роль принадлежит консолидирующим идентичностям, не отменяющим сложившиеся этнокультурные идентичности. Вызовом концепту полиэтничной российской нации может стать наличие в российских республиках «этнически мобилизованных групп» [10] и риски политизации этничности [1], что проблематизирует вопросы о механизмах формирования российской гражданской нации.

Среди факторов, способных противостоять дезинтегрирующим тенденциям, важная роль принадлежит общенациональной российской идентичности и культуре доверия. По мнению ряда отечественных исследователей (В.А. Тишков, Л.М. Дробижина, М.К. Горшков, И.С. Семенов и др.), российская идентичность, её актуальность и распространённость, наполненность позитивными смыслами выступает наиболее общим индикатором формирующейся в России национально-гражданской общности. Горизонтальные связи общественной солидарности поддерживаются формирующейся культурой доверия, проявлением которой служат «круги» межличностного, межгруппового, обобщённого доверия. Институционализация этничности в республиках создаёт риски вовлечения этнического фактора в процессы политической мобилизации, что обуславливает актуальность исследования российской идентичности и культуры доверия в республиках РФ.

Интегрирующая роль российской идентичности и культуры доверия хорошо описывается теоретической моделью «поточной консолидации» и «социальных конъюнктов» [7], которая рассматривает механизмы воспроизводства общества в его целостности и перспективе исторической и культурной преемственности.

Российская идентичность в существенной мере конструируется потоком макросоциальной консолидации, идущим от власти к обществу. Инициатива воссоздания и конструирования российской идентичности принадлежит высшему руководству страны: понятия «российская нация», «россияне» вошли в публичный дискурс благодаря выступлениям высших лиц государства; Стратегией государственной национальной политики российская идентичность рассматривается в качестве важнейшего параметра общенациональной консолидации¹.

Культура доверия формируется на повседневном уровне потоком микросоциальной консолидации, который «совершает круговорот внутри сообщества и между сообществами» [7, с. 8], обеспечивая локальный и интегральный уровень обобщённого (генерализованного) доверия. Таким образом, российская идентичность и культура доверия обеспечивают соответственно вертикальный и горизонтальный «потоки консолидации» и могут рассматриваться как «социальные конъюнкторы», выполняющие роль механизмов, обеспечивающих национальное единство.

В данной статье представлены результаты исследования российской идентичности и обобщённого доверия по России в целом (2020 г.) и в российских республиках – Кабардино-Балкарии, Татарстане, Саха (Якутии), осуществлённые в 2019–2021 гг.

Особое внимание уделяется Республике Кабардино-Балкария. Северный Кавказ – особый регион, наиболее «этнически насыщенный», с высокой плотностью населения. Экспертами отмечается, что типичные социальные проблемы России наиболее выпукло и остро проявляются именно на Северном Кавказе, где низкий уровень социально-экономического развития вкупе с высокой полиэтничностью провоцирует проблемы межэтнической напряжённости, молодёжного этнического и религиозного радикализма, экстремизм, создавая риски социальной дезинтеграции.

В Кабардино-Балкарской Республике сложный этнический состав населения и высокая плотность межэтнических контактов. Кабардинцы (57%), русские (22,5%) и балкарцы (12,7%) представляют основные национальности, доля других национальностей не превышает 2%². Социокультурное пространство республики сложилось в условиях мусульманско-православного пограничья: кабардинцы и балкарцы соотносят себя с мусульманской традицией, русские – с православной. Эксперты отмечают проблемы «этнического представительства», дисбаланс в участии во власти основных этнических сообществ КБР, вопросы землепользования [4]. В целях борьбы с экстремизмом и терроризмом в республике действует программа «Профилактика терроризма и экстремизма в Кабардино-Балкарской Республике (2021–2025 гг.).

¹ Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» (с изменениями на 6 декабря 2018 года) [Электронный ресурс]. Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902387360> (дата обращения: 10.03.2022).

² По данным переписи 2010 г. Источник <http://severnykavkaz.ru/naselenie-kabardino-balkarii/> (дата обращения: 14.03. 2022)

В общественном пространстве республики актуален дискурс, связанный с исторической памятью основных этнических сообществ, с различающимися версиями исторических событий, связанных с Кавказской войной (1817–1864 гг.), депортацией балкарцев [17]. Этническое разнообразие и психология травмы, присутствующие в общественном дискурсе республики вкупе с сохраняющимися проблемами экономического развития, высоким уровнем безработицы, трудностями, связанными с вопросами земельных отношений и рисками радикализации ислама обуславливают актуальность исследования тенденций формирования и укрепления в Кабардино-Балкарии процессов общероссийской консолидации.

Теоретико-методологические основания исследования

Российская идентичность в Стратегии государственной национальной политики определяется как «осознание гражданами Российской Федерации их принадлежности к своему государству, народу, обществу, ответственности за судьбу страны, необходимости соблюдения гражданских прав и обязанностей, а также приверженность базовым ценностям российского общества»¹. Данное определение маркирует синкретическую, почти эмпатическую причастность к территориальному, культурному, ментальному, государственному и гражданско-правовому «телу» России и в методологическом плане скорее соотносится с категорией «идентификация», отражающей процессуальный характер российской идентичности. Такому пониманию российской идентичности наиболее релевантны социально-психологическая теория идентичности Э. Эриксона [19] и теория социальной идентичности Г. Тэжфела и Дж. Тёрнера [20]. Российская идентичность формируется в процессе личностного отождествления с Россией; она постоянно обновляется, подразумевая историческую и культурную преемственность с советской, постсоветской и имперской Россией как страной, государством, территорией и культурой, внутреннюю солидарность с российским обществом. Как *социальная идентичность* (по Тэжфелу и Тёрнеру), российская идентичность формируется процессами социальной категоризации и дифференциации – ментальным (с активным участием эмоций и ценностей) созиданием, «воображением» (по Б. Андерсону) общности россиян и идентификации с ней.

Для определения уровня российской идентичности Центром исследования межнациональных отношений ИС ФНИСЦ РАН традиционно используется вопрос о том, насколько «часто», «иногда» или «никогда» респондент испытывает *чувство общности, близости* с гражданами

¹ Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» (с изменениями на 6 декабря 2018 года) [Электронный ресурс]. Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902387360> (дата обращения: 10.03.2022).

России¹. Данный вопрос был предложен социологами группы В.А. Ядова ещё в 1990-х гг. для исследования новых социальных макро-идентичностей, пришедших на смену идентичности «советского человека». Ответ «часто» позволяет оценить долю респондентов с актуализированной российской идентичностью, а сумма ответов «часто» и «иногда» – общий уровень последней.

Наравне с актуализацией *российской* идентичности мы оцениваем также уровень актуализации *этнической* идентичности, поскольку именно благодаря сильной этнической идентичности сохраняется этнокультурное разнообразие РФ, и возникают риски политизации этничности. Взаимовлияние, совместимость и конкурентность этнической и российской идентичности всегда были в фокусе внимания Центра исследований межнациональных отношений ИС ФНИСЦ РАН. Масштабные эмпирические исследования, проведённые в 1990-х гг., первом десятилетии 2000-х гг. позволили заключить, что именно *актуализация* идентичности («часто» или «в значительной степени» переживаемое чувство) общности с той или иной большой категориальной группой/макрообщностью отражает динамику самоотождествления, потребность в принадлежности к данному макросообществу и соответствующие мотивации [13]; именно актуализированная, субъективно значимая идентичность может подвергаться рискам политизации.

Культура доверия наиболее выразительно проявляется в уровне обобщённого (генерализованного) доверия, которое выражает доверие к людям в целом. Обобщённое доверие (доверие большинству людей) есть один из ключевых индикаторов социальной, гражданской солидарности. Оно служит основой сотрудничества и коопераций различного уровня и формируется постепенно как результат длительных доверительных отношений, складывающихся на повседневном уровне [18; 6].

В условиях полиэтничного социального пространства уровень обобщённого доверия отражает меру общественной безопасности, эффективность и качество социальных связей. Обобщённое доверие – достаточно устойчивая характеристика общественного сознания (и социального бессознательного), как элемент социальных отношений оно трудно восстанавливалось в последние 30 лет и в известной мере наследует позитивный социальный опыт советского и постсоветского развития России.

Обобщённое доверие исследовалось нами с помощью простой 4-х балльной шкалы доверия/недоверия². Традиционно в международных и отечественных исследованиях обобщённое доверие исследуется через противопоставление доверия к людям («большинству людей можно доверять») и «осторожности в отношении с людьми», последняя трак-

¹ В некоторых регионах, например, в Татарстане вопрос звучал: «В какой степени Вы ощущаете близость, единство...» с вариантами ответов «в значительной степени», «в некоторой степени», «не ощущаю близости»

² Респондентам задавался вопрос «Как Вы считаете, можно ли доверять большинству людей?» с вариантами ответов «большинству людей точно можно доверять», «большинству людей скорее можно доверять», «большинству людей скорее нельзя доверять», «большинству людей точно нельзя доверять».

туется как недоверие. Однако осторожность в отношениях с людьми не является, на наш взгляд, полным синонимом недоверия, и поэтому данный вопрос не позволяет зафиксировать уровень обобщённого недоверия. Расхождения в трактовке феномена обобщённого доверия в теоретических и эмпирических исследованиях отмечается многими исследователями [см., напр., 12].

Для россиян, переживших серьёзные социально-экономические и политические преобразования, вполне возможно формирование осторожного доверия. Нами применялась простая 4-балльная шкала: уровень обобщённого *доверия* складывается из суммы ответов «большинству людей точно можно доверять» и «большинству людей скорее можно доверять»; уровень обобщённого *недоверия* – из суммы ответов «большинству людей скорее нельзя доверять» и «большинству людей точно нельзя доверять».

Эмпирической базой исследования служат данные общероссийских социологических опросов, проведённых в 2020 г.¹ и в 2018 г.², данные социологических опросов в Республике Кабардино-Балкария (2021 г.³), Республике Татарстан (2019 г.⁴), Республике Саха (Якутия) (2019, 2020 гг.⁵), данные опросов в регионах РФ (2015–2018 гг.⁶), осуществлённые Центром исследования межнациональных отношений ИС ФНИСЦ РАН, материалы экспертных интервью и групповых дискуссий в Республике Кабардино-Балкария. Во всех проведённых исследованиях в изучении российской идентичности и обобщённого доверия использовался одинаковый блок вопросов.

¹ Опрос в рамках проекта «Общероссийская идентичность и межэтнические отношения: социальная практика, публичный дискурс и управленческие решения» по программе научных исследований РАН. Выборка объёмом 2000 респондентов репрезентирует население РФ от 18 лет по полу и возрасту. Опрос проводился методом интервьюирования (face to face) в 22 субъектах Российской Федерации.

² Данные мониторингового исследования ФНИСЦ РАН 2018 г.

³ Социологический опрос в Республике Кабардино-Балкария репрезентирует взрослое население по полу и возрасту. Выборочная совокупность 713 чел. Опрос проводился методом интервьюирования (face to face).

⁴ Репрезентативный республиканский опрос в рамках совместного исследования Центра исследований межнациональных отношений ФНИСЦ РАН и РОО «Центр по изучению дискриминаций, экстремизма и ксенофобии в Республике Татарстан. Объем выборочной совокупности 2000 чел.

⁵ Опросы в Республике Саха (Якутия) в рамках совместного проекта Центра исследования межнациональных отношений ИС ФНИСЦ РАН и Государственного автономного учреждения Республики Саха (Якутия) «Центр стратегических исследований при Главе Республики Саха (Якутия) методом личного интервью (face-to-face). Выборочная совокупность составила 1494 чел. в 2020 г.(1480 чел. в 2019 г.)

⁶ Астраханская, Калининградская области, Ставропольский край, Республики Карелия. В каждом субъекте федерации выборка включала 1000–1200 единиц наблюдения; метод сбора информации – индивидуальное интервью по месту жительства, «face-to-face».

Российская идентичность: данные общероссийских и региональных исследований

Российская идентичность лабильна, её уровень во многом определяется текущей политической и экономической повесткой, общественными настроениями. В условиях эмоционального подъёма, связанного с Олимпиадой 2014 г. и вхождением Крыма в состав РФ фиксировался её рост [5], но в 2020 г. в условиях пандемии и сопутствующего ей спада общественного оптимизма уровень российской идентичности заметно снизился (см. табл. 1).

Таблица 1 (Table 1)

Российская и этническая идентичности в РФ, 2018–2020 г., %
Russian and ethnic identity in the Russian Federation, 2018–2020, %

Идентичности	РОССИЯ, 2018	РОССИЯ, 2020
Ощущают общность, близость с гражданами России		
Часто	29	16
Иногда	45	52
Общий уровень российской идентичности	74	68
Никогда	19	16
Ощущают общность, близость с людьми своей национальности		
Часто	23	34
Иногда	47	46
Общий уровень этнической идентичности	70	80
Никогда	21	9

В 2020 г., на фоне социальных ограничений и общественных опасений, психологами и социологами фиксировались усиление тревожности в обществе, всплеск недоверия к власти, распространение в социальных сетях конспирологических версий происхождения COVID-19 [11]. Эти обстоятельства оказали влияние на резкое снижение актуализации российской идентичности в 2020 г. в сравнении с доковидным 2018 г. (с 29 до 16%) и сопутствующий этому процессу рост этнической идентичности.

В условиях, представляющих угрозу консолидированной общероссийской общности, в обстоятельствах социальной дистанцированности и общественных страхов этническая идентичность проявила себя как более значимая идентичность, поскольку она аккумулирует примордиальные основы общественной солидарности и поддерживает чувство безопасности. Общий уровень этнической идентичности в 2020 г. составил 80%, её актуализация – 34%, в то время как в 2018 г. – 70% и 23% соответственно (см. табл. 1). Взаимозависимость и взаимное влияние этнической и общероссийской идентичностей проявляет себя на протяжении всего постсоветского развития России, и соотношение актуализации российской и этнической идентичностей можно рассматривать в качестве индикаторов гражданско-политических и социокультурных трендов внутрироссийской консолидации.

Каждый регион России отличается специфическими процессами и стратегиями нациестроительства. В республиках складываются различные «модели» сосуществования общероссийской и этнической идентичностей, и их соотношение и характер взаимного влияния можно рассматривать как один из ключевых индикаторов успешности федеральной и региональной политики управления этнокультурным разнообразием.

Основываясь на данных репрезентативных социологических исследований, можно заключить, что равнозначность и широкая актуализация этих макро-идентичностей свидетельствует об оптимальном балансе этнокультурных и общероссийских государственно-гражданских оснований консолидации. Значительное превышение актуализации этнической идентичности над соответствующим показателем идентичности российской может косвенно свидетельствовать о плотном укоренении этнокультурных основ общественной самоорганизации, в той или иной мере противостоящих общенациональным трендам государственной, гражданской, политической интеграции.

В ходе исследования в республиках выявлены следующие особенности: 1) общий уровень российской идентичности здесь выше среднероссийских показателей. В Кабардино-Балкарии, Татарстане и Респ. Саха (Якутии) он составляет соответственно 88, 85 и 84% (против 68% по России в целом). *Актуализация* российской идентичности в республиках (доля *часто* ощущающих общность с гражданами России) также существенно выше среднероссийских показателей (45, 47 и 52% против 16% в среднем в РФ) (см. табл. 2). При этом в Саха (Якутии) она почти одинакова среди саха (якутов) и русских (43 и 40% соответственно), в КБР также одинакова среди кабардинцев, балкар и русских, а в Татарстане среди русских она выше (53%), чем среди татар (41%).

2) соотношение российской и этнической идентичностей в изучаемых республиках имеет свои особенности: если в Татарстане фиксируется «равновесная» актуализация российской и этнической идентичностей (47 и 45% соответственно), то в Кабардино-Балкарии и Респ. Саха (Якутии) актуализация этнической идентичности выше, чем российской (77 против 45% в КБР, 68 против 52% в РС (Я), см. табл. 2). Основной вклад в актуализацию этнической идентичности в КБР и РС (Я) вносят национальности, давшие название республикам.

Зафиксированная в Кабардино-Балкарии и Республике Саха (Якутии) высокая актуализация *этнической* идентичности, превышающая соответствующий показатель идентичности *российской*, отражает важность и силу этнокультурных основ республиканских сообществ. Этот дисбаланс обусловлен как историко-культурными, так и социально-экономическими факторами. В рейтинге российских регионов по *качеству жизни*, отражающем экономическое развитие региона, уровень доходов населения, развитость инфраструктуры, безопасность жизни и другие важные показатели, Татарстан занимает 4-е место, а Саха (Якутия) и Кабардино-Балкария – соответственно, 70-е и 75-е места¹, размещаясь в конце рейтинга.

¹ Сайт РИА Рейтинг. URL: <https://riarating.ru/infografika/20220215/630216951.html>? (дата обращения: 25.04.2022)

Таблица 2 (Table 2)

**Российская и этническая идентичности
в Кабардино-Балкарии, Татарстане и Саха (Якутии), %**
*Russian and ethnic identity
in Kabardino-Balkaria, Tatarstan and Sakha (Yakutia), %*

Идентичности	Кабардино-Балкария, 2021	Татарстан, 2019	Саха (Якутия), 2020
Ощущают общность, близость с гражданами России			
Часто	45	47	52
Иногда	43	38	32
Общий уровень российской идентичности	88	85	84
Никогда	10	11	6
Ощущают общность, близость с людьми своей национальности			
Часто	77	45	68
Иногда	20	42	24
Общий уровень этнической идентичности	97	87	92
Никогда	3	8	2

Характер межэтнических отношений в Кабардино-Балкарии вписан в плотный политико-экономический контекст и осложнён шлейфом травмированной исторической памяти: балкарцы помнят депортацию 1944 г., кабардинцы – массовое выселение черкесов (как итог Кавказской войны 1817–1864 гг.)¹, русские – претензии со стороны титульных этнических групп в период «парада суверенитетов». Приведём высказывания, озвученные в ходе групповой дискуссии в Нальчике в 2021 г. (приведён текст расшифровки устной речи без редактуры, убраны только междометия):

«До сих пор более старшее поколение, они вспоминают про события депортации балкарцев в 1943 году. И кабардинцы к балкарцам в этом плане жёстче относятся... И это до сих пор вспоминается, и, когда кабардинцы занимали земли балкарцев, и эти аспекты играют роль. А потом [балкарцы] вернулись, потом начались территориальные споры»

«...кабардинцам нужно, чтобы их признали хотя бы пострадавшими в ходе русско-кавказской войны»

«[Русским] не хватает, я думаю, представительства. Ну, на мой взгляд, потому что у нас кабардинцы и балкарцы, скорее всего, представлены в органах государственной власти»

Поводом к этнической мобилизации в республике стали нерешённые земельные вопросы, проблемы территориальной реабилитации репрессированного балкарского народа [4]; в 2008 и 2018 гг. произошли межнациональные столкновения между кабардинцами и балкарцами² в связи с разной трактовкой исторических событий, связанных с Канжальской битвой 1708 г.

¹ Черкесы – адыгские народы, в состав которых входят кабардинцы [См. 17]

² Проход кабардинских всадников через балкарское село в сторону горы Канжал, где, по версии кабардинцев, состоялась битва кабардинцев с войсками крымского хана, прибывших для сбора дани. Подробнее см. <https://lenta.ru/news/2018/09/19/konflikt/?ysclid=123f9vtnpw> (дата обращения: 22.03.2022)

Материалы интервью дают основание считать, что русские в КБР также испытывают последствия мобилизованной этничности и помнят о сложных 1990-х гг., когда на волне «суверенизации» на русских перекладывалась ответственность как за текущие кризисные общественно-политические трансформации, так и за травматичные события прошлого. Отток русского населения из республики обусловлен общим изменением «этнических пропорций в пользу населения титульных этносов» [3], а также переживанием русскими статусных потерь, слабой представленностью в органах власти.

Вместе с тем, исследование показывает, что в Кабардино-Балкарии сильны центростремительные тенденции. Актуализация *российской* идентичности в республике высока у представителей основных национальностей – кабардинцев, балкарцев и русских (46, 42, 41% соответственно) и общий её уровень среди них одинаково высок. В сравнении с общероссийскими данными, в Кабардино-Балкарии выше значимость государства в формировании представлений о российской общности (68% против 58%). Высокая актуализация российской идентичности, значительно превышающая среднероссийские показатели, говорит о преобладании в республике мотивов принадлежности к российской макрообщности, присутствие в массовых настроениях в КБР чувств сопричастности с Россией. При этом среди русских республики, в сравнении с кабардинцами и балкарцами чаще отмечается «дистанцированность» от России: 17% русских никогда не ощущают общности с гражданами России (см. табл. 3). Актуализация *этнической* идентичности в КБР (доля «часто» ощущающих общность с людьми своей национальности) в два раза выше, чем в среднем в России в 2020 г. (77 против 34%), но при этом у русских её уровень также существенно ниже (61%), в сравнении с кабардинцами (81%) и балкарцами (87) (см. табл. 3).

На протяжении последних десятилетий «общее государство» выступает наиболее сильным консолидатором, поддерживающим формирование российской идентичности [5]. Если рассмотреть важность идентификационных оснований российской идентичности среди основных этнических групп КБР, то можно заметить, что «*общее государство*» чаще выбирается кабардинцами, «*историческое прошлое*» в качестве идентификатора чаще выбирается русскими, а «*родная земля, территория, природа*» – балкарцами (см. табл. 4; сумма по столбцу больше 100%, так как вопрос допускал выбор нескольких ответов). Подобная конфигурация значимости идентификационных оснований российской идентичности обнаруживает чувствительные зоны межэтнических отношений и этносоциальных статусов основных национальностей в КБР: большую представленность кабардинцев в органах власти республики, важность вопросов территориальной реабилитации для балкарского народа и исторического прошлого для русских¹, связывающего русский народ с территорией Кабардино-Балкарии, историей освоения Россией Кавказа.

¹ Русское освоение Кавказа шло казаками (великороссами и малороссами), русскими крестьянами-колонистами и советскими специалистами, активно участвовавшими в создании промышленной инфраструктуры республики [15]

Таблица 3 (Table 3)

**Российская и этническая идентичности
среди основных национальностей Кабардино-Балкарии, %**
*Russian and ethnic identity
among the main nationalities of Kabardino-Balkaria, %*

Идентичности	Кабардино-Балкария, 2021			
	Кабардинцы	Балкарцы	Русские	В целом в КБР
Ощущают общность, близость с гражданами России...				
Часто...	46	42	41	45
Иногда ...	43	49	39	43
Общий уровень российской идентичности	89	91	80	88
Никогда...	8	8	17	10
Ощущают общность, близость с людьми своей национальности				
Часто...	81	87	61	77
Иногда...	16	15	32	20
Общий уровень этнической идентичности	97	98	93	97
Никогда...	1	1	5	3

Таблица 4 (Table 4)

**Идентификационные основания российской идентичности
среди основных национальностей Кабардино-Балкарии, %**
*Identification bases of Russian identity
among the main nationalities of Kabardino-Balkaria, %*

Что больше всего объединяет Вас со всеми гражданами Российской Федерации, со всеми россиянами?	Кабардино-Балкария, 2021				Россия, 2020
	Кабардинцы	Балкарцы	Русские	В целом в КБР	
Общее государство	71	65	61	68	58
Ответственность за судьбу страны	25	25	28	26	22
Историческое прошлое	21	19	32	23	32
Родная земля, территория, природа	41	51	41	42	44
Русский язык	46	50	40	46	43
Культура, обычаи, праздники	29	27	27	28	29
Общие символы (флаг, герб)	11	18	9	12	15
Ничего не объединяет	1	0	2	1	3

Обобщённое доверие в России и регионах

Обобщённое (генерализованное) доверие является наиболее абстрактным видом доверия, выражающим доверие к людям вообще, вне зависимости от их конкретных характеристик и условий взаимодействия – групповой принадлежности, знакомства, родства. Оно является фундаментом социального капитала, служит основой гражданской самоорганизации и наиболее выразительным показателем формирующейся в республиках локальной культуры доверия. Доверие помогает налаживать горизонтальные связи сотрудничества поверх этнических, религиозных границ. Обобщённое доверие в потенциале – один из эффективных «социальных конъюнкторов», обеспечивающих поток горизонтальной консолидации.

Согласно данным общероссийских опросов RLMS-HSE, уровень обобщённого доверия в России в период 2006–2018 гг. постепенно возрастал [8]. Опросы Центра исследования межнациональных отношений ФНИСЦ РАН также фиксируют, что в период, предшествовавший пандемии, в регионах России шло постепенное восстановление подорванной кризисными социальными преобразованиями 1990-х гг. культуры доверия [14]. В период 2015–2018 гг. в российских регионах (Астраханская, Калининградская области, Ставропольский край, Респ. Карелия) уровень обобщённого доверия фиксировался на уровне 45–48% (см. табл. 5).

В 2019 году, ещё не затронутым социальными ограничениями, связанными с распространением коронавируса, уровень обобщённого доверия в Татарстане и в Респ. Саха (Якутия) был такой же – 45 и 48%. Однако на фоне пандемии происходит снижение уровня обобщённого доверия, и среднероссийский его уровень в 2020 г. составил 39%.

В Кабардино-Балкарии, по данным опроса 2021 г. уровень обобщённого доверия ещё ниже – 33% (см. табл. 5).

Таблица 5 (Table 5)

Уровень обобщённого доверия и недоверия в регионах и России в целом, %
The level of generalised trust and distrust in the regions and Russia as a whole, %

Большинству людей...	Россия, 2020	Кабардино-Балкария, 2021	Саха (Якутия), 2019	Татарстан, 2019	Астраханская область, 2015	Калининградская область, 2015	Ставропольский край, 2016	Карелия, 2016
Точно можно доверять	4	9	11	6	10	12	15	14
Скорее можно доверять	35	24	34	42	35	36	30	31
В целом доверяют	39	33	45	48	45	48	45	46
Скорее нельзя доверять	32	25	26	29	25	30	22	30
Точно нельзя доверять	15	39	19	12	29	19	31	22
В целом не доверяют	47	64	45	41	54	49	53	52
Затруднились ответить	14	3	10	11	1	3	2	2

Как показали исследования, обобщённое доверие является универсальным социальным конъюнктом, поскольку его уровень не зависит от национальности. В полиэтничных регионах – республиках и областях, где проходили исследования в 2019–2021 гг. и 2015–2018 гг., – его уровень одинаков среди представителей «титულных» и «нетитулных» этнических групп, между русскими и людьми других национальностей¹. В Кабардино-Балкарии уровень обобщённого доверия одинаково невысок среди кабардинцев, балкарцев и русских (31, 33 и 35% соответственно) (см. табл. 6).

Локальная культура доверия в Кабардино-Балкарии формируется сложно. Почти 2/3 населения в КБР (64%) полагают, что большинству людей доверять нельзя, уровень обобщённого *недоверия* здесь выше, чем в других регионах (см. табл. 5). Столь высокие показатели обобщённого *недоверия* (64%) означают дефицит горизонтальной солидарности социума и побуждают ставить вопросы о латентных комплексных факторах, сдерживающих формирование в республике общественной атмосферы открытости и безопасности.

Таблица 6 (Table 6)

Уровень обобщённого доверия и недоверия
среди основных национальностей Кабардино-Балкарии, %
*The level of generalised trust and distrust
among the main nationalities of Kabardino-Balkaria, %*

Большинству людей...	Кабардинцы	Балкарцы	Русские
Точно можно доверять	7	9	12
Скорее можно доверять	24	24	23
В целом доверяют	31	33	35
Скорее нельзя доверять	24	24	28
Точно нельзя доверять	41	40	35
В целом не доверяют	65	64	63
Затруднились ответить	4	3	2

Практически одинаковые показатели обобщённого *недоверия* среди кабардинцев, балкарцев и русских (65, 64, 63% соответственно, см. табл. 6) позволяет говорить о существовании социокультурных и этнополитических факторов, поддерживающих среди населения Кабардино-Балкарии установки настороженности и недоверия. Возможно, в этой тенденции сказываются социальные последствия этнополитической напряжённости 1990-х гг., когда в республике возник этнополитический раскол между кабардинцами и балкарцами в связи намерением отделения Балкарии в качестве суверенной республики и сопутствующие террито-

¹ Исключение составляет Ставропольский край, где обобщённое доверие среди нерусского населения существенно ниже, чем среди русского. Объяснением этому может служить сложная этнополитическая обстановка в Ставропольском крае в момент проведения исследования [подробнее см: 2; 9, с 157–159]

риальные споры между кабардинцами и балкарцами [17]. В качестве ещё одной веской причины дефицита обобщённого доверия можно назвать травмированную историческую память, различные её версии среди основных этнических сообществ КБР.

Вместе с тем, сниженному, в сравнении с другими регионами (и в сравнении с Россией в целом), уровню обобщённого доверия в Кабардино-Балкарии сопутствует очень высокий уровень российской идентичности и столь же высокая степень *актуализации* последней, которая служит стабилизирующим фактором в межэтнических отношениях. В республике зафиксирован очень высокий уровень солидарности с Россией: 78% в КБР полностью поддерживают суждение «в наше время человеку нужно ощущать себя частью общероссийской нации» (и ещё 13% «скорее согласны» с ним).

Проведённые исследования позволяют заключить, что обобщённое доверие – важный индикатор внутрироссийской интеграции. Оно одинаково успешно проявляет себя как в республиках с институционально закреплённой этничностью, так и в областях, где этничность институционально не закреплена. Есть основание рассматривать его в качестве социокультурной основы российской идентичности. И хотя потенциал обобщённого доверия и в России и её регионах ещё невелик, в перспективе локальная культура доверия может стать эффективным социальным конъюнктором, вносящим свой вклад в обеспечение общероссийской интеграции. Подтверждением этому служит следующая тенденция: во всех регионах, где проводились наши исследования, *актуализация* российской идентичности выше среди тех, кто полагает, что большинству людей можно доверять. Например, в Астраханской области уровень актуализации российской идентичности составляет 57% среди тех, кто доверяет большинству людей и 39% среди тех, кто не доверяет; в Калининградской области это соотношение составляет 57 и 49%, в Ставропольском крае – 48 и 36%, в Карелии – 40 и 30%¹.

В республиках Татарстан, Саха (Якутия), где исследования проходили в 2019–2020 гг., а также в общероссийском исследовании 2020 г. [14] нами также зафиксирована связь актуализированной российской идентичности и уровня обобщённого доверия: актуальная российская идентичность выше среди тех, кто считает, что большинству людей можно доверять (см. табл. 7).

В Кабардино-Балкарии в 2021 г. фиксируется такая же устойчивая тенденция – актуализация российской идентичности вырастает (до 54%) среди тех, кто считает, что большинству людей можно доверять и снижается (до 40%) среди тех, кто считает, что большинству людей доверять нельзя.

¹ Здесь и далее статистическая значимость выявленных различий проверялась критерием связи χ^2 ($p \leq 0,01$)

Таблица 7 (Table 7)

Актуализация российской идентичности в регионах России
в зависимости от установок обобщённого доверия, %
*Actualisation of Russian identity in the regions of Russia depending
on the attitudes of generalised trust, %*

Интенсивность русской идентичности	Кабардино- Балкария, 2021		Саха (Якутия), 2019		Татарстан, 2019		Астраханская область, 2015		Калининградская область, 2015		Ставропольский край 2016		Карелия, 2016	
	Доверяют	Не доверяют	Доверяют	Не доверяют	Доверяют	Не доверяют	Доверяют	Не доверяют	Доверяют	Не доверяют	Доверяют	Не доверяют	Доверяют	Не доверяют
Часто ощущают общность, близость с гражданами России	54	40	50	33	50	42	57	39	57	49	48	36	40	30

Примечание. В таблице представлены данные, объединяющие ответы «полностью доверяю» и «скорее доверяю».

Заключение

Учёт «региональных траекторий» процессов общероссийской консолидации [16] и стратегий нациестроительства предполагает внимательное изучение социокультурных и социально-психологических оснований подобной консолидации, мониторинг общероссийской и этнической идентичностей, уровня регионального обобщённого доверия, ценностных ориентаций. Подобный мониторинг поможет определить возможные риски консолидационных процессов и позитивные ресурсы вертикальных и горизонтальных потоков общероссийской консолидации.

В республиках, входящих в состав РФ складываются собственные модели сосуществования и взаимодействия этнической и русской идентичностей; уровень их *актуализации* позволяет изучать процессы «балансирования» между этнокультурными и государственно-гражданскими основами общенациональной интеграции, направление и успешность региональной и федеральной политики управления этнокультурным разнообразием. Данные репрезентативных социологических исследований позволяют предполагать, что широкое распространение в региональном социуме русской и этнической идентичностей, «равновесность» их актуализации говорят об оптимальном балансе этнокультурных и общероссийских государственно-гражданских трендов нациестроительства.

В русле концепции потоковой консолидации русскую идентичность и культуру доверия можно рассматривать в качестве эффективных социальных конъюнктов, активно вовлечённых в процессы формирования русской государственной, политической общности. Актуализированная русская идентичность поддерживает вертикаль-

ный «поток консолидации», объединяющий полиэтничное пространство страны, а формирующаяся культура доверия (наиболее чутким показателем которой является уровень обобщенного доверия) поддерживает горизонтальный поток консолидации. В условиях дефицита государственной интеграционной политики культура доверия выступает в качестве «локомотива», продвигающего формирование, становление российской нации. Уровень обобщенного доверия пока невелик (от 33 до 48% в регионах, 39% в среднем в РФ), тем не менее, он оказывает позитивное влияние на формирование российской идентичности: во всех исследованных нами субъектах РФ: республиках и областях актуализация российской идентичности выше среди тех, кто демонстрирует установки обобщенного доверия, полагая, что большинству людей можно доверять.

Библиографический список

1. Авксентьев В. А., Аксюмов Б. Л., Гриценко Г. Д. Этничность в политических конфликтах: этнизация политики и политизация этничности // Политическая наука. 2020. № 3. С. 74–97. DOI: 10.31249/poln/2020.03.04
2. Авксентьев В., Шульга М. Ставрополье: проблемы, риски, прогнозы // Вестник российской нации. 2016. № 1. С. 171–186.
3. Аккиева С. И. Русские в Кабардино-Балкарии: миграционные установки и этнокультурные потребности // Белые пятна российской и мировой истории. 2013. № 5–6. С. 9–20
4. Аккиева С. И. Конфликтогенные факторы социально-политических процессов в Кабардино-Балкарии // Кавказские чтения (памяти проф. В. В. Черноуса). Материалы Круглого стола. Ростов-на-Дону, 2021. С. 71–84. DOI: 10.31249/rimm/2021.03.03
5. Дробижева Л. М. «Российская идентичность: дискуссии в политическом пространстве и динамика массового сознания // Полис. Политические исследования. 2018. № 5. С. 100–115. DOI: 10.17976/jpps/2018.05.09
6. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011. 464 с.
7. Кармадонов О. А. Солидарность, интеграция, конъюнкция // Социологические исследования. 2015. № 2. С. 3–12.
8. Козырева П. М., Смирнов А. И. Доверие в нестабильном российском обществе // Полис. Политические исследования. 2019. № 5. С. 134–147. DOI: 10.17976/jpps/2019.05.10
9. Межнациональное согласие как ресурс консолидации российского общества / Отв. ред. Л. М. Дробижева). М.: ИС РАН, 2016. 400 с.
10. Миллер А. И. Нация, или могущество мифа. СПб.: Изд. ЕУ в СПб, 2016. 146 с.
11. Нестик Т. А., Дейнека О. С., Максименко А. А. Социально-психологические предпосылки веры в конспирологические теории происхождения COVID-19 и вовлеченность в сетевые коммуникации // Социальная психология и общество. 2020. Т. 11. № 4. С. 87–104. DOI: 10.17759/sps.2020110407

12. Ромашкина Г. Ф., Давыденко В. А., Ушакова Ю. В. Обобщённое доверие: концептуализация и измерение // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2018. Т. 11. Вып. 4. С. 464–486. DOI: 10.21638/spbu12.2018.406
13. Рыжова С. В. Этническая идентичность в контексте толерантности. М.: Альфа-М, 2011. 280 с.
14. Рыжова С. В. Обобщённое доверие и чувства к России как компоненты общероссийской идентичности // Социологическая наука и социальная практика. 2021. Т. 9. № 2 (34). С. 27–41. DOI: 10.19181/snspr.2021.9.2.8101
15. Тхамокова И. Х. Русское население и модернизация в Кабардино-Балкарии // Russian Journal of Education and Psychology. 2013. №6 (26). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkoe-naselenie-i-modernizatsiya-v-kabardino-balkarii> (дата обращения: 05.05.2022).
16. Узунов В. В. Методологические особенности анализа траекторий социальной консолидации в условиях полиэтнических регионов Юга России // Гуманитарий Юга России. 2022. Т. 11. № 1 С. 88–98. DOI: 10.18522/2227-8656.2022.1.6
17. Шнирельман В. А. Быть аланами: интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. М.: НЛО, 2006. 696 с.
18. Штомпка П. Доверие – основа общества. М.: Логос, 2014. 440 с.
19. Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис / Пер с англ. А. Д. Андреевой, А. М. Прихожан, В. И. Ривош, Н. Н. Толстых; под ред. А. В. Толстых. М.: Флинта; МПСИ; Прогресс, 2006. 352 с.
20. Tajfel H., Turner J. C. The Social Identity Theory of Intergroup Behavior // Worchel S., Austin V. G. (eds) Psychology of Intergroup Relations. Chicago: Nelson-Hall, 1986. P. 7–24.

Получено редакцией: 15.05.22

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Рыжова Светлана Валентиновна, кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, Центр исследования межнациональных отношений, Институт социологии ФНИСЦ РАН

DOI: 10.19181/vis.2022.13.3.828

EDN: TPBYIX

Russian Identity in Regional Diversity: The Role of Trust

Svetlana V. Ryzhova

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: Silica2@yandex.ru

ORCID Id: 0000-0002-1982-5008

For citation: Ryzhova S. V. Russian Identity in Regional Diversity: The Role of Trust. *Vestnik Instituta sotziologii*. 2022. Vol. 13. No. 3. P. 13–31. DOI: 10.19181/vis.2022.13.3.828; EDN: TPBYIX

Abstract. The article presents the results of a study of the dynamics of Russian identity and the level of generalised trust in Russia and Russian regions. The empirical basis for the study is all-Russian surveys (2020 and 2018) and surveys in the republics of the Russian Federation – Kabardino-Balkaria, Sakha (Yakutia) and Tatarstan (2019–2021); data from regional studies (2016–2018) are used for comparison. Particular attention is paid to the Republic of Kabardino-Balkaria. All surveys use the same set of questions aimed at identifying the actualisation of Russian identity and the level of generalised trust and distrust. Russian identity is studied from the standpoint of E.Erickson’s theory of psychosocial identity and H.Taifel and J.Turner’s social identity; generalised trust study is based on the concepts of P.Sztompka and R.Inglehart. The concept of “flow consolidation” and “social conjunctors” by O.A.Karmadonov is applied to the analysis of empirical data. The issues of the correlation of Russian and ethnic identities in the regions are discussed. It is noted that their balance reflects the success of the regional and federal policy of managing ethno-cultural diversity. The data of sociological research suggests that the wide distribution of Russian and ethnic identities in the regional society and the “equilibrium” of their actualisation indicate the optimal balance of ethno-cultural and all-Russian state-civil trends in nation-building.

Russian identity and a culture of trust can be viewed as effective social conjunctors actively involved in the formation of the Russian state and political commonality. The actualised Russian identity supports the vertical “stream of consolidation” that unites the country’s multi-ethnic space, while the emerging culture of trust (which the most sensitive indicator is the level of generalised trust) supports the horizontal stream of consolidation. Empirical data allow us to conclude that in the current conditions of a deficit in the state integration policy, the culture of trust acts as a “locomotive” that promotes the formation of the Russian nation. It is noted that although the strength of this “locomotive” is still small, nevertheless, it has a positive impact on the formation of Russian identity: in all the regions under study, the actualisation of Russian identity is higher among those who demonstrate attitudes of generalised trust, believing that most people can be trusted.

Keywords: Russian identity, ethnic identity, trust, consolidation, Republic of Kabardino-Balkaria, regions of Russia

References

1. Avksentiev V. A., Aksyumov B. L., Gritsenko G. D. Ethnicity in political conflicts: ethnicization of politics and politicization of ethnicity. *Politicheskaya nauka*, 2020: 3: 74–97 (in Russ.). DOI: 10.31249/poln/2020.03.04
2. Avksentiev V., Shulga M. Stavropol region: problems, risks, forecasts. *Vestnik rossijskoj nacii*, 2016: 1: 171–186 (in Russ.).
3. Akkieva S. I. Russians in Kabardino-Balkaria: migration attitudes and ethno-cultural needs. *Belye pyatna rossijskoj i mirovoj istorii*, 2013: 5–6: 9–20 (in Russ.).
4. Akkieva S. I. Konfliktogennye faktory socialno-politicheskikh processov v Kabardino-Balkarii [Conflictogenic factors of socio-political processes in Kabardino-Balkaria. In Kavkazskie chteniya (pamyati prof. V. V. Chernousa). Materialy Kruglogo stola [Caucasian readings (in memory of Prof. V. V. Chernous. Materials of the Round Table)]. Rostov-na-Donu, 2021: 71–84 (in Russ.). DOI: 10.31249/rimm/2021.03.03
5. Drobizheva L. M. Russian identity: discussions in the political space and the dynamics of mass consciousness. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 2018: 5: 100–115 (in Russ.). DOI: 10.17976/jpps/2018.05.09
6. Inghart R., Velzel Ch. Modernizatsiya, kul’turnye izmeneniya i demokratija: Posledovatel’nost’ chelovecheskogo razvitiya [Modernization, cultural change and democracy: Consistency of human development]. Moscow, Novoe izdatel’stvo, 2011: 464 (in Russ.).
7. Karmadonov O. A. Solidarnost, integraciya, kon’yunkciya [Solidarity, integration, conjunction]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2015: 2: 3–12 (in Russ.).
8. Kozyreva P. M., Smirnov A. I. Trust in an unstable Russian society. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 2019: 5: 134–147 (in Russ.). DOI: 10.17976/jpps/2019.05.10
9. Mezhnatsional’noe soglasie kak resurs konsolidatsii rossijskogo obschestva. Sotsiokul’turnyj i religioznyj konteksty [Interethnic harmony as a resource of consolidation of Russian society. Socio-cultural and religious contexts. Ed. by L. M. Drobizheva. Moscow, FCTAS RAS, 2016: 400 (in Russ.).
10. Miller A. I. Naciya, ili mogushhestvo mifa [Nation, or the power of myth]. St. Petersburg, EU v SPb., 2016: 146 (in Russ.).
11. Nestik T. A., Deyneka O. S., Maksimenko A. A. Socio-psychological prerequisites of faith in conspiracy theories of the origin of COVID-19 and involvement in network communications. *Sotsial’naya psikhologiya i obschestvo*, 2020: 11: 4: 87–104 (in Russ.). DOI: 10.17759/sps.2020110407

12. Romashkina G. F., Davydenko V. A., Ushakova Yu. V. Generalized trust: conceptualization and measurement. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sociologiya*, 2018: 11: 4: 464–48 (in Russ.). DOI: 10.21638/spbu12.2018.406
13. Ryzhova S. V. Etnicheskaya identichnost' v kontekste tolerantnosti [Ethnic identity in the context of tolerance]. Moscow, Alfa-M, 2011: 280 (in Russ.).
14. Ryzhova S. V. Generalized trust and feelings for Russia as components of the all-Russian identity. *Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika*, 2021: 9: 2 (34): 27–41 (in Russ.). DOI: 10.19181/snsp.2021.9.2.8101
15. Thamokova I. H. Russkoe naselenie i modernizaciya v Kabardino-Balkarii [Russian population and modernization in Kabardino-Balkaria]. *Russian Journal of Education and Psychology*, 2013: 6 (26). Accessed 05.05.2022. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkoe-nasele-nie-i-modernizatsiya-v-kabardino-balkarii> (in Russ.).
16. Uzunov V. V. Methodological features of the analysis of the trajectories of social consolidation in the conditions of multiethnic regions of the South of Russia. *Gumanitarij Yuga Rossii*, 2022: 11: 1: 88–98 (in Russ.). DOI: 10.18522/2227-8656.2022.1.6
17. Shnirelman V. A. Byt' alanami: intellektualy i politika na Severnom Kavkaze v XX veke [Being Alans: Intellectuals and politics in the North Caucasus in the twentieth century]. Moscow, New Literary Review, 2006: 696 (in Russ.).
18. Shtompka P. Doverie – osnova obschestva [Trust is the Foundation of society]. Moscow, Logos, 2014: 440 (in Russ.).
19. Ericsson E. Identichnost': junost' i krizis. [Identity: youth and crisis]. Transl. from Eng. by A. D. Andreeva, A. M. Prihozhan, V. I. Rivosh, N. N. Tolstykh; ed by. A. V. Tolstyh. Moscow, Flinta; MPSI; Progress, 2006: 352 (in Russ.).
20. Tajfel H., Turner J. C. The Social Identity Theory of Intergroup Behavior. In Worchel S., Austin V. G. (eds) *Psychology of Intergroup Relations*. Chicago, Nelson-Hall, 1986: 7–24.

The article was submitted on: May 15, 2022

INFORMATIONS ABOUT THE AUTHOR

Svetlana V. Ryzhova, Candidate of Sociological Sciences, Leading Researcher,
Center for the Study of Inter-Ethnic Relations, Institute of Sociology of FCTAS RAS

ТЕМА НОМЕРА

МИГРАЦИЯ И ИДЕНТИЧНОСТЬ

DOI: 10.19181/vis.2022.13.3.829

EDN: QUBFIL

Представления россиян о влиянии этничности на социальное продвижение (на примере сферы труда)¹

Ссылка для цитирования: Эндрюшко А. А. Представления россиян о влиянии этничности на социальное продвижение (на примере сферы труда) // Вестник Института социологии. 2022. Т. 13. № 3. С. 32–48. DOI: 10.19181/vis.2022.13.3.829; EDN: QUBFIL

For citation: Endryushko A. A. Perceptions of Russians of the impact of ethnicity on social advancement (on the example of the labour sphere). *Vestnik instituta sotziologii*. 2022. Vol. 13. No. 3. P. 32–48. DOI: 10.19181/vis.2022.13.3.829; EDN: QUBFIL

Эндрюшко Анна Александровна¹

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

anna.endryushko@mail.ru

AuthorID ПИНЦ: 906278

Аннотация. В полиэтничных обществах распределение экономических ресурсов и соблюдение прав граждан неизбежно рассматривается и через призму этничности. Не только реальное, но и мнимое (существующее только в представлениях людей) этническое неравенство несёт угрозы появления межэтнической напряженности и социальной дезинтеграции. В статье изучается распространенность представлений россиян о влиянии национальной принадлежности (этничности) на возможности социального продвижения в сфере труда (наемного и самостоятельной занятости). В первой части анализируется связь социально-демографических характеристик респондентов (возраст, уровень образования, тип поселения, экономическое положение, структура занятости) и убежденности во влиянии национальности на трудоустройство и предпринимательскую деятельность в месте проживания. Во второй части этническая маркированность трудовой сферы рассматривается в связи с установками в сфере межнациональных отношений и наличием воспринимаемой дискриминации на национальной почве.

Эмпирической базой исследования были данные общероссийского опроса взрослого населения, проведенного в 2020 году Институтом Социологии ФНИСЦ РАН в 22 регионах,

¹ Статья подготовлена в рамках проекта «Общероссийская идентичность и межэтнические отношения: социальная практика, публичный дискурс и управленческие решения» в рамках 1 этапа программы научных исследований и прикладных работ, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление общероссийской идентичности.

репрезентирующих региональное разнообразие РФ, учитывая тип поселения (объём выборки – 2000 респондентов).

Анализ показал, что не все социально-демографические характеристики связаны с формированием представлений об этнической маркированности сферы труда. В общероссийском измерении нет связи с образованием, материальным положением, а также структурой занятости респондентов. Значимыми факторами оказались возраст, тип поселения, тип собственности предприятия, на котором трудится респондент. Гораздо большее влияние на изучаемые представления оказывают установки респондентов в сфере межэтнических отношений, наличие этнической предубежденности, а также наличие воспринимаемой дискриминации по национальному признаку. Впрочем, ввиду малой распространённости последней, сформированные у значительной части россиян мнения об этнической маркированности трудоустройства и предпринимательской деятельности стоит рассматривать скорее как сложившиеся в силу исторического контекста страны стереотипы, а не как результат реального ущемления прав в данной сфере жизни.

Ключевые слова: этничность; социальное продвижение; этническое неравенство; равенство возможностей; межэтнические установки; полиэтничность

Введение

Проблема социального неравенства в разных сферах жизни и в зависимости от особенностей индивидов (пола, возраста, расы, цвета кожи, национальности, языка и т. д.) – значимая часть современного научного и публичного дискурсов во всём мире. Она является одной из самых труднопреодолимых проблем современности и воспринимается как угроза социальной, экономической и политической стабильности.

Осмыслению социального неравенства в социологии посвящено множество работ от классиков (К. Маркс, М. Вебер, Э. Дюркгейм и др.) до современных исследователей. В нашей стране эта проблема особенно актуализировалась в последнее тридцатилетие, с переходом к рыночной экономике и масштабной трансформации социальной структуры. Различные аспекты исследования неравенства в отечественной науке изложены в работах Т. И. Заславской, Н. Е. Тихоновой, З. Т. Голенковой, М. Ф. Черныша, О. И. Шкаратана и других авторов.

Этническое измерение социального неравенства особенно актуально в полиэтничных обществах, где потребность в удовлетворении базовых прав, распределении экономических ресурсов неизбежно будет рассматриваться и через призму этничности. Это находит отражение и в общественно-политическом пространстве. Так, в Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2025 года «высокий уровень социального и имущественного неравенства» назван в числе факторов, негативно влияющих на развитие межнациональных отношений в нашей стране.

Социальные эффекты как реального, так и мнимого (существующего только в представлении людей) неравенства в зависимости от этнической принадлежности выражаются в угрозе социальной дезинтегра-

ции, маргинализации каких-либо (в т.ч. этнических) социальных групп, «снижении общественного консенсуса, вплоть до утраты возможностей элементарной эмпатии» [3, с. 168].

2020 год отметился социальными вызовами для всего мира. Пандемия, вызванная распространением коронавирусной инфекции, повлекла за собой экономический кризис. На фоне карантинных мер значительная часть предприятий останавливали работу, вынужденно сокращали работников или отправляли их в неоплачиваемые отпуска. По данным Росстата, безработица в декабре 2020 года выросла на 24,7% по сравнению с аналогичным показателем 2019, а её годовой уровень был оценён в 5,9% (в 2019 году – 4,7%)¹. Подобные события, безусловно, влияют на социальное самочувствие, а особенно на ощущение конкурентности в сфере труда.

Представления граждан и реальность связей социально-профессиональной жизни, карьеры с этничностью изучается социологами Центра исследования межнациональных отношений ИС ФНИСЦ РАН² на протяжении многих лет. Ранее, при проведении исследований в субъектах РФ со сложным этническим составом населения, было установлено, что на формирование представлений о неравных возможностях людей разных национальностей влияют не реальные практики исключённости в конкретных сферах жизни, а скорее социально-экономические факторы, социальное самочувствие, интенсивность миграционных процессов [1; 5]. В данной статье мы рассмотрим распространённость представлений о равенстве возможностей людей разных национальностей в трудовой сфере, а также связь этих представлений с убежденностью в ущемлении по этническому признаку (воспринимаемой дискриминацией) в страновом контексте.

Эмпирической базой данного исследования является общероссийский опрос взрослого населения РФ, проведённый в сентябре 2020 г. и репрезентирующий региональное разнообразие РФ. Опрос проведен коллективом Центра исследования межнациональных отношений в рамках проекта «Общероссийская идентичность и межэтнические отношения: социальная практика, публичный дискурс и управленческие решения» (рук. И.М. Кузнецов), методом интервьюирования лицом к лицу (face to face). Выборка объёмом 2000 респондентов репрезентирует все население РФ от 18 лет по полу и возрасту. Опрос проведён в 22 регионах, репрезентирующих региональное разнообразие РФ, учитывая тип поселения.

Индикатором стали ответы респондентов на вопрос: «Как Вы считаете, там, где Вы проживаете, национальность человека влияет на его возможности... Устроиться на самую лучшую работу / Открыть своё дело?». Вопрос был закрытым и предлагал ответы: «Влияет», «Не влияет».

¹ Федеральная служба государственной статистики 2020 // Официальный сайт. URL: http://old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/labour_force/ (дата обращения: 06.02.2020).

² Официальный сайт: <https://www.isras.ru/cimo.html>.

Представления об этнической маркированности возможностей людей в трудовой сфере в общероссийском контексте

Только 15% опрошенных назвали «равенство людей вне зависимости от национальности и языка» целью, способной объединить российское общество, поставив её на последнее место из всех предложенных вариантов¹.

Одновременно с этим, неравенство возможностей людей в конкретных сферах жизни осознаётся как проблема. Значительная часть опрошенных считают, что национальная принадлежность (этничность) влияет на получение лучшей работы и возможность открыть своё дело – 44% и 29,8% соответственно (см. рис. 1).

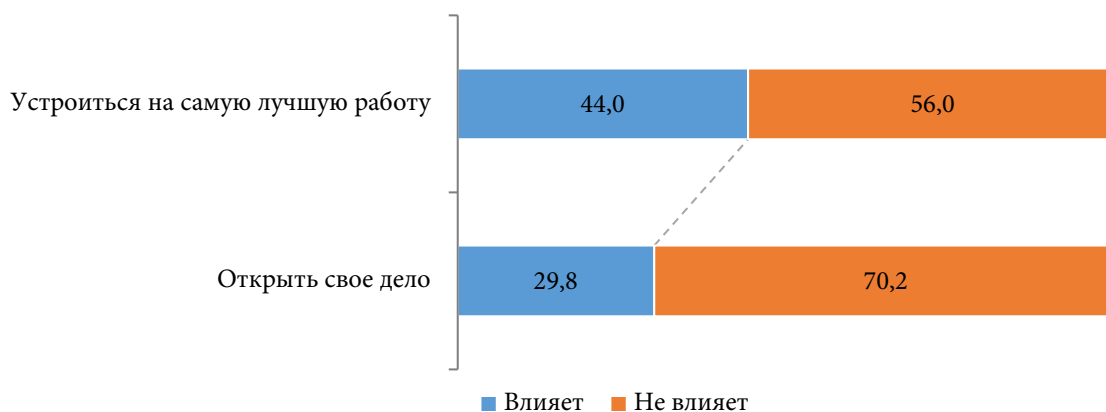

Рис. 1. Мнение россиян об этнической обусловленности продвижения в трудовой сфере, %*

Figure 1. Opinions of Russians on the ethnic conditionality of advancement in the labour sphere, %

*Ответы на вопрос: «Как Вы считаете, там, где Вы проживаете, национальность человека влияет на его возможности...?»

Возможности при трудоустройстве по найму чаще маркируются этнически, чем при самостоятельной занятости. Вероятно, потому что открытие собственного бизнеса меньше сопряжено с межличностными и профессиональными контактами. По закону любой совершеннолетний гражданин, в том числе иностранный, имеет право заниматься предпринимательской деятельностью на территории РФ. К тому же, в постсоветской России с либерализацией экономики и появлением массовой миграции в обществе сложились представления об отраслевой специализации некоторых национальностей [4].

¹ В качестве других целей были предложены: укрепление единства страны; равенство всех перед законом; предотвращение войн, эпидемий, экологических катастроф; возрождение России, как великой державы; укрепление обороноспособности страны; обеспечение справедливости в обществе; обеспечение благосостояния народа.

Данные общероссийского опроса не могут учесть региональную специфику, но её можно выделить в сравнении с данными опросов Центра исследований межнациональных отношений в субъектах РФ со сложным этническим составом населения (2014–2020 гг.). Межрегиональный анализ показал, что проблема этнического неравенства возможностей людей в трудовой сфере осознаётся и в региональном измерении, но в основном уровень таких представлений ниже, чем общероссийский показатель (за исключением Московского региона). Во всех сравниваемых субъектах РФ в среднем не менее трети жителей считают национальность важным фактором для получения лучшей работы, и около четверти – для открытия собственного дела (см. таблицу 1). Наиболее сильны подобные установки в Московском регионе, где подавляющее большинство (57,4%) уверены в связи этничности и трудоустройства, а треть (33,4%) – этничности и предпринимательства. Наименьшая распространённость зафиксирована в республике Татарстан, особенно касательно открытия собственного дела.

Таблица 1 (Table 1)

Представления об этнической маркированности продвижения в трудовой сфере в различных регионах РФ, %*

Ideas about the ethnic marking of promotion in the labour sphere in various regions of the Russian Federation, %

Субъект РФ	Год	Да, там где я проживаю, национальность человека влияет на его возможности... ¹	
		Устроиться на самую лучшую работу	Открыть своё дело
Москва и МО	2014	57,4	33,4
Республика Башкортостан	2017	39,5	25,5
ХМАО-Югра	2018	40,0	22,2
Саха (Якутия)	2015	43,5	22,7
	2019	36,5	17,3
	2020	36,0	23,0
Республика Татарстан	2017	31,9	15,1
	2018	29,0	14,6
	2019	31,9	15,6
	2020	32,9	-- ²

*По данным опросов ИС РАН (ФНИСЦ РАН) в Московском регионе, Башкортостане, ХМАО, Саха (Якутии) и Татарстане (2014–2020 гг.). Мы использовали эти данные, чтобы показать различия по субъектам федерации с особенностями этнического состава населения.

¹ Вопрос во всех регионах задавался в идентичной формулировке, за исключением Татарстана. Там использовался вопрос: «Как Вы считаете, в нашей республике национальность человека влияет на его возможности: 1. При устройстве на высокооплачиваемую работу 2. Открыть свое дело».

² В 2020 году вопрос о влиянии национальности на возможность открыть собственное дело в республике Татарстан не задавался.

Данные в динамике имеются по двум регионам. В республике Татарстан они довольно устойчивы в последние годы. В республике Саха (Якутия) представления об этническом неравенстве изучаются дольше, чем в других субъектах – с 1999 года. За период наблюдений убежденность в этнической маркированности возможностей людей в трудовой сфере постепенно снижалась и в 2020 г. находится на уровне ниже, чем в среднем по стране. Подробнее про ситуацию в республике Саха (Якутия) см.: [2].

В региональных исследованиях представления об этнической маркированности трудовой сферы связывались с такими социально-демографическими характеристиками людей как возраст, уровень образования, материальное положение, тип поселения. В общероссийском измерении, по опросу ФАДН-ВЦИОМ¹ в 2019 г. года наблюдались сходные взаимосвязи².

По результатам нашего исследования, в общероссийском измерении нет значимых различий в оценках между мужчинами и женщинами. Среди людей разных возрастов несколько выделяются люди самого активного трудового возраста (31–40 лет), 49,7% которых уверены, что «национальность влияет на возможность устроиться на самую лучшую работу» при 39–43% у других возрастных групп. Люди этого возраста зачастую уже определились со сферой деятельности, имеют опыт работы и её поиска, а возможно, и неоднократно сталкивались с трудностями разного рода, или пользовались неформальными связями для трудоустройства. Все эти обстоятельства могут оказывать влияние на формирование представлений об этническом неравенстве возможностей в сфере труда. Мнение о влиянии национальности на возможность «открыть собственное дело» у людей разных возрастов не имеет значимых различий (табл. 2).

Таблица 2 (Table 2)

Мнения россиян разного возраста о влиянии национальности на возможность получить лучшую работу и открыть свое дело, %
Opinions of Russians of different ages on the influence of nationality on the opportunity to get a better job and start a business, %

Да, там, где я проживаю, национальность человека влияет на его возможности...	Возраст, лет				
	18–30	31–40	41–50	51–60	Старше 60
Устроиться на самую лучшую работу	43,1	49,7	42,9	43,5	39,6
Открыть своё дело	26,6	31,7	29,1	33,0	25,7

Примечание: Значимость различий по χ^2 Пирсона $p \leq 0,05$.

¹ Опрос проводился при участии научного коллектива Центра исследования межнациональных отношений.

² Правда, вопрос там задавался в иной формулировке: «С каким из перечисленных ниже суждений Вы согласны в большей степени: 1. В нашей области (крае, республике) возможность получения хорошей работы, успешная карьера зависят от национальной принадлежности; 2. В нашей области (крае, республике) представители любых национальностей имеют равные возможности для получения хорошей работы и продвижения по карьерной лестнице».

Любопытно, что нет значимых различий в оценках по уровню образования: 42–45% солидаризирующихся с этнической обусловленностью наёмного труда и 32–34% – самостоятельной занятости (статистические тесты подтверждают отсутствие связи). Эти данные несколько расходятся с общероссийским опросом ФАДН-ВЦИОМ 2019 г., по результатам которого люди с высшим образованием чаще отмечали влияние национальности на успешное трудоустройство, чем с начальным и неполным средним. Различия по уровню образования наблюдались и в региональных исследованиях. Так, в республике Татарстан в 2020 г. люди с высшим и неполным средним образованием чаще солидаризировались с мнением о влиянии национальности на трудоустройство¹.

Более других уверены в этническом неравенстве при трудоустройстве жители мегаполисов и региональных центров – 50% и 47% соответственно (рис. 2). Это вполне обоснованно – крупные города являются центрами притяжения для людей, желающих найти работу, улучшить своё экономическое положение. Но вместе с наличием рабочих мест существует и высокая конкурентная борьба за них, а критерии отбора кандидатов людьми ощущаются по-разному, в том числе, маркируются этнически. К тому же, в мегаполисах и крупных городах больше представлены трудовые иммигранты, которые воспринимаются россиянами как конкуренты за рабочие места.

Рис. 2. Мнения россиян о влиянии национальности на возможности продвижения в трудовой сфере в зависимости от типа поселения, %

Figure 2. Opinions of Russians on the influence of nationality on the opportunities for advancement in the labour sphere, depending on the type of settlement, %

Примечание: Значимость различий по χ^2 Пирсона $p \leq 0,05$.

¹ Данные опросов Центра исследования межнациональных отношений ФНИСЦ РАН.

Представления о связи этничности и возможностей осуществления предпринимательской деятельности не зависят от типа поселения, различия колеблются в пределах 29–33% и они не являются статистически значимыми.

Убежденность респондентов в этнической обусловленности социального продвижения не связана с их материальным положением, самооценкой позиций в экономической структуре общества, а также со структурой занятости. Статистически значимые различия наблюдаются только между работниками предприятий разного типа собственности. Значительно больше других уверены во влиянии национальности на трудоустройство люди, работающие в частном секторе, особенно занятые индивидуальной трудовой деятельностью – 58% (см. рис. 3). Меньше остальных солидарны с этим мнением работающие в государственном секторе (40,7%). На предприятиях государственного типа существуют определённые ограничения, влияющие на вероятность межэтнических контактов. Во-первых, иностранные граждане не могут быть приняты на государственную службу и работать в ряде других сфер¹. Во-вторых, во время проведения исследования в ХМАО эксперты из местных НКО выражали уверенность в наличии негласных ограничений для представителей кавказских народов (чеченцев, дагестанцев и других) для службы в правоохранительных органах [6, с. 121].

Рис. 3. Представления об этнической обусловленности трудоустройства в зависимости от типа собственности предприятия, на котором трудится респондент, %

Figure 3. Perceptions of the ethnic conditionality of employment depending on the type of ownership of the enterprise where the respondent works, %

Примечание: Значимость различий по χ^2 Пирсона $p \leq 0,01$.

В полиэтничных республиках фиксировались различия в представлениях людей разных национальностей. Например, в Башкортостане уверены, что национальность влияет на трудоустройство 44% русских

¹ Ст. 14 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» № 115-ФЗ от 25 июля 2002 г.

и только 34% башкир, на открытие своего дела – 33% русских и 20–23% татар и башкир. Не наблюдалось различий в Московском регионе – 33% русских и 37% людей других национальностей не считали национальность определяющей при трудоустройстве [6, с. 112–118].

В общероссийском опросе наиболее представлены русские (86,5%), он не является представительным для выделения национальных категорий, но даёт возможность сравнить ответы русских и людей других национальностей. Первые чаще, чем вторые солидаризируются с мнением о влиянии национальности и на получение лучшей работы – 45% против 33%, и на открытие собственного дела – 31% против 20% соответственно (рис. 4).

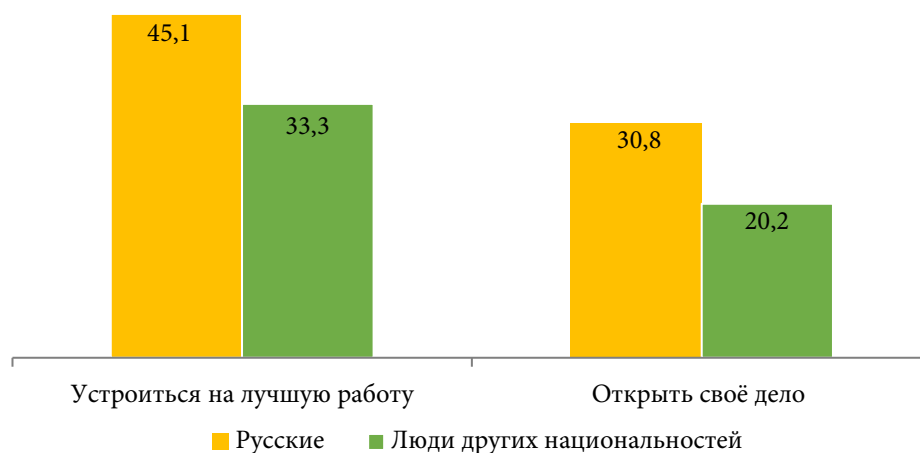

Рис. 4. Восприятие людьми разной национальности этнического неравенства при трудоустройстве и открытии своего дела, %

Figure 4. Perception of ethnic inequality by people of different nationalities in employment and when starting a business, %

Примечание: Значимость различий по χ^2 Пирсона $p \leq 0,01$.

На основании имеющихся данных довольно сложно сделать определённый вывод о наличии ущемленности в восприятии рынка труда этнической группой¹. В силу формулировки вопроса, более выраженное наличие таких представлений у русских может объясняться как минимум тремя факторами: ощущением ущемлённости; ощущением преимущества; наличием общих представлений о неравенстве в трудовой сфере в стране или регионе проживания. Эти позиции являются противоречивыми и требуют более детального изучения – формулирования уточняющих вопросов для раскрытия смысла, вкладываемого респондентами в их представления или детализации другими методами исследования (интервью, фокус-группы, контент-анализ и др.).

Таким образом, довольно сложно составить социально-демографический портрет людей, обладающих представлениями об этнической обусловленности социального продвижения в сфере наёмного труда и само-

¹ Учитывая, что всего 2,3% респондентов, отнесших себя к русским, сказали, что «за последний год лично сталкивались с недоверием или неприязнью из-за национальности» (среди людей других национальностей – 9,9%)

стоятельной занятости. Несколько выделяются только такие факторы, как возраст, тип поселения, тип собственности предприятия, на котором трудится респондент. Вероятно, данные представления зависят не только от социально-экономического положения людей, но и от их личных межэтнических установок, оценки состояния межнациональных отношений, наличия опыта воспринимаемой дискриминации и межэтнических контактов.

Связь представлений об этнической маркированности продвижения в трудовой сфере с межнациональными установками

Исследования в национальных республиках РФ показывают, что представления о влиянии этнической принадлежности на возможности людей в сфере труда более выражены у тех, кто имеет этнические предубеждения, а также негативно оценивает межнациональные отношения в месте своего проживания [2, с. 68–69]. Эти взаимосвязи подтверждаются и на общероссийских данных: чем хуже люди оценивают межнациональные отношения в месте своего проживания, тем более выражены у них представления о влиянии национальности на получение лучшей работы и открытие своего дела (рис. 5).

Рис. 5. Связь оценки состояния межнациональных отношений с представлениями о влиянии национальности человека на возможности трудоустройства и открытия своего дела, % *

Figure 5. Connection of the assessment of the state of interethnic relations with ideas about the influence of a person's nationality on his employment opportunities and starting a business, %

Примечание: Значимость различий по χ^2 Пирсона $p \leq 0,01$.

* Ответ на вопрос: «Как бы Вы сегодня оценили межнациональные отношения в Вашем городе/селе?»

Мы также сопоставили представления о равенстве возможностей в трудовой сфере с социально-политическими установками респондентов. Те, кто согласны с принципами политики, дающей русским преимущество перед другими народами (п.1 и 2 в табл. 3) имеют намного более сильную убежденность во влиянии национальности на возможности людей в трудовой сфере, чем солидарные с мнением о «России как общем доме для всех народов».

Таблица 3 (Table 3)

**Связь социально-политических установок
и представлений о влиянии национальности на продвижение в трудовой сфере, %**
*Connection between socio-political attitudes and ideas
about the influence of nationality on promotion in the labour sphere, %*

Согласны с утверждением, что...	Да, там где я проживаю, национальность человека влияет на его возможности...	
	Устроиться на самую лучшую работу	Открыть свое дело
1. Россия должна быть государством русских людей	58,4	42,9
2. Россия – многонациональная страна, но русские, составляя большинство, должны иметь больше прав...	46,4	31,1
3. Россия – общий дом многих народов. Все народы России должны обладать равными правами...	38,0	25,1
4. Затруднились ответить	48,9	33,1

Примечание: Значимость различий по χ^2 Пирсона $p \leq 0,01$.

Этнические предубеждения также оказывают прямое влияние на представления о возможностях людей в трудовой сфере. Люди, обладающие этнической предубежденностью (безусловно испытывающие неприязнь к людям какой-либо национальности) фактически втрое чаще уверены в том, что «национальность человека влияет на его возможности устроиться на самую лучшую работу; открыть своё дело», чем те, кто подобных установок не имеет (безусловно не испытывает неприязнь). Данные представлены на рис. 6.

Изучаемые представления связаны и с межэтническими установками респондентов в трудовой сфере, а именно, готовностью принять человека другой национальности как коллегу, партнёра по работе (табл. 4). Среди тех, кто имеет предубеждения в этом вопросе значительно больше (64,4% против 36,9%) солидаризирующихся с мнением о влиянии национальности и на трудоустройство, и на открытие своего дела (23,3% против 47,9%).

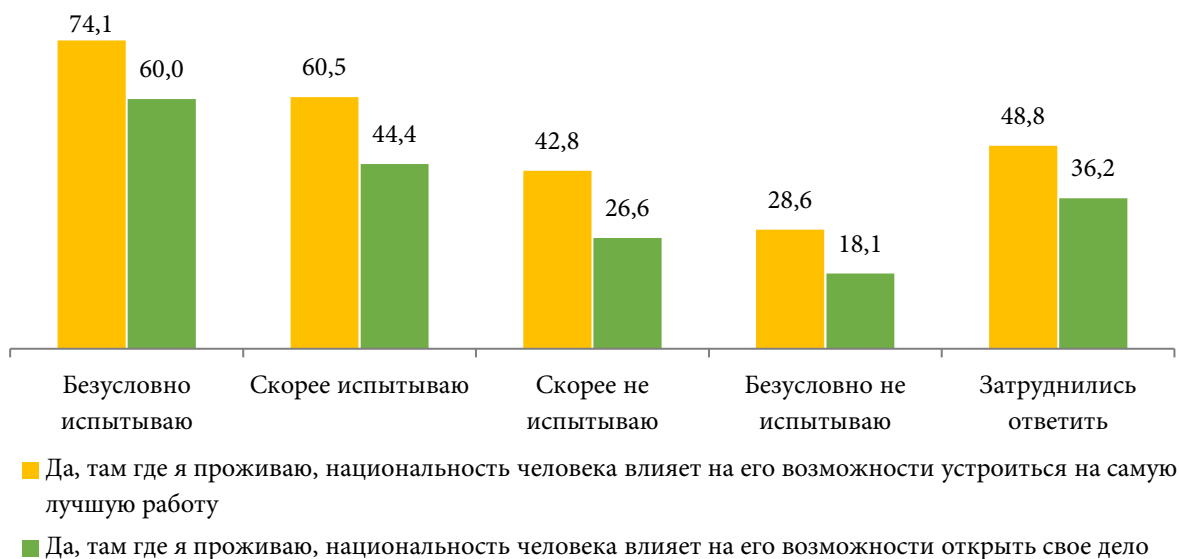

Рис. 6. Связь этнической предубежденности с оценкой влияния национальности человека на его возможности при устройстве на лучшую работу и открытии своего дела, %*

Figure 6. Connection of ethnic prejudice with the assessment of the influence of a person's nationality on his ability to get a better job and start his own business, %

Примечание: Значимость различий по χ^2 Пирсона $p \leq 0,01$.

*Ответ на вопрос: «Некоторые люди с неприязнью относятся к людям других национальностей. А Вы лично испытываете или не испытываете неприязнь по отношению к людям какой-либо национальности?»

Таблица 4 (Table 4)

Связь межэтнических установок в трудовой сфере с представлениями о влиянии на трудоустройство и открытие своего дела, %

Connection between interethnic attitudes in the labour sphere and ideas about the impact on employment and starting a business, %

Да, там, где я проживаю, национальность человека влияет на его возможности	Готовность принятой принять человека другой национальности в качестве коллеги, партнера по работе		
	Готовы	Не готовы	Затруднились ответить
Получить самую лучшую работу	36,9	64,4	50,9
Открыть свое дело	23,3	47,9	36,9

Примечание: Значимость различий по χ^2 Пирсона $p \leq 0,01$.

Обратна пропорциональна связь с уровнем межпрофессионального и межэтнического доверия: чем меньше человек доверяет коллегам, людям своей и другой национальности, тем больше он убежден в связи национальности и продвижения в трудовой сфере (табл. 5). Различия между людьми с высоким и низким уровнями доверия 1,5–2 раза (особенно это касается сферы наёмного труда и межэтнического доверия).

Таблица 5 (Table 5)

Связь межпрофессионального и межнационального (межэтнического) доверия с представлениями о влиянии национальности человека на его возможности трудоустройства и открытие своего дела, %
Connection between inter-professional and interethnic trust and ideas about the influence of a person's nationality on his employment opportunities and starting his own business, %

Насколько Вы доверяете...		Да, там где я проживаю, национальность человека влияет на его возможности....	
		Устроиться на самую лучшую работу	Открыть свое дело
Коллегам по работе	Полностью и скорее доверяю	39,3	25,6
	Скорее и совсем НЕ доверяю	53,4	43,2
	Затруднились ответить	44,0	26,3
Людям других национальностей	Полностью и скорее доверяю	29,5	22,7
	Скорее и совсем НЕ доверяю	57,5	39,8
	Затруднились ответить	44,2	27,5
Людям своей национальности	Полностью и скорее доверяю	38,2	26,9
	Скорее и совсем НЕ доверяю	57,9	44,7
	Затруднились ответить	46,4	28,8

Примечание: Значимость различий по χ^2 Пирсона $p \leq 0,01$.

Наличие этнических предубеждений и представлений не означает, что люди сталкивались с реальным ущемлением своих прав по этническому признаку. Только 3,5% опрошенных сказали, что «испытывали в течение последнего года по отношению к себе неприязнь, враждебное отношение из-за своей национальности. Однако, подобный опыт играет роль в укреплении представлений об этническом неравенстве. Среди тех, кто лично испытывал неприязнь и враждебное отношение из-за национальности, 65,5% убеждены в этнической маркированности возможностей людей при трудоустройстве. Среди тех, кто за последний год таких чувств не испытывал – 42%.

Те, кто не только переживал за последний год неприятные чувства, но и «сталкивался с ограничением своих возможностей из-за национальности» также значительно чаще солидаризируются с мнением о влиянии национальности на возможности продвижения в трудовой сфере, чем те, кто подобного опыта не имеет – 57,2% против 23,2% (рис. 7).

Как видно, представления об этнической обусловленности продвижения в трудовой сфере связаны и с установками людей в межэтнических отношениях, и с воспринимаемой дискриминацией (ощущением ущемленности по национальному признаку). Впрочем, эта практика, является крайне редким явлением (на неё указали только 3,5% опрошенных), и вряд ли может объяснить распространённость изучаемых представлений.

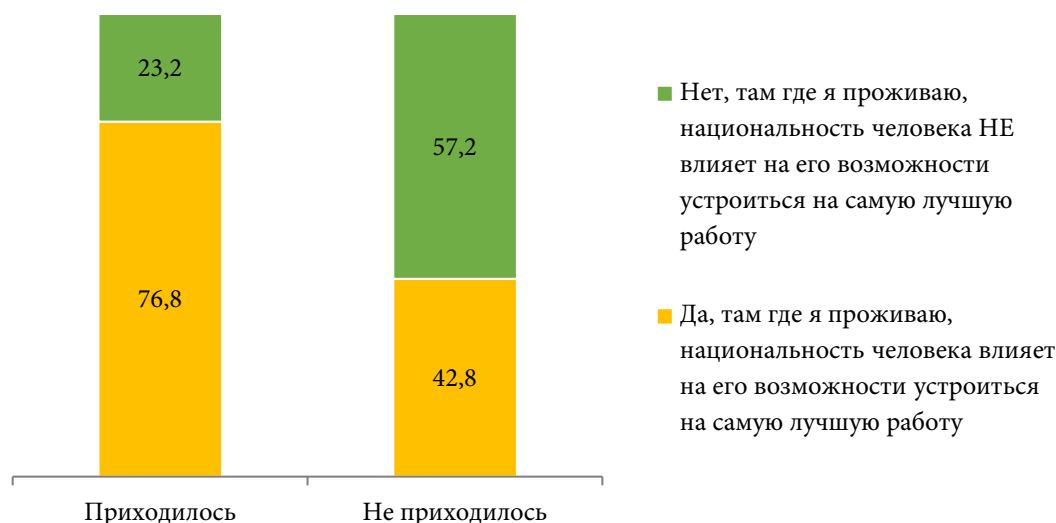

Рис. 7. Связь воспринимаемой этнической дискриминации с представлениями о влиянии национальности на получение лучше работы и открытие своего дела, % *

Figure 7. Connection of perceived ethnic discrimination with ideas about the influence of nationality on getting a better job and starting a business, %

Примечание: Значимость различий по χ^2 Пирсона $p \leq 0,01$.

*Ответ на вопрос: «Приходилось ли Вам за последний год лично испытывать ущемление своих прав или сталкиваться с ограничением своих возможностей из-за Вашей национальности?»

Заключение

Тема влияния национальности на возможности социального продвижения в разных сферах жизни начинала изучаться в национальных республиках РФ [5] и долгое время только для них считалась актуальной. Последующие исследования показали, что проблема существует и в страновом масштабе. Это актуально по сей день. Проблема равенства возможностей людей в зависимости от национальности осознаётся значительной частью россиян – 44% считают, что там, где они живут, этническая принадлежность влияет на получение лучшей работы, 29,8% – на открытие собственного дела. Это мнение разделяют и русские, и люди других национальностей (причем первые на 12 п.п. больше).

Наличие изучаемых представлений в общероссийском контексте не зависит ни от уровня образования, ни от материального положения, ни от структуры занятости респондентов. Наблюдается связь только с такими факторами, как возраст, тип поселения и тип собственности предприятия, на котором трудится респондент. Куда больше мнения о влиянии этничности на трудоустройство и предпринимательскую деятельность связаны с негативными установками людей в сфере межнациональных отношений, наличием у них этнической предубеждённости и опыта воспринимаемой дискриминации по этническому признаку. Но дискриминационные практики в силу своей немногочисленности едва ли определяют появление изучаемых представлений.

Возникает логичный вопрос о причинах формирования представлений об этническом неравенстве в трудовой сфере. На это может влиять публичный дискурс. Однако, пилотажные запросы в мониторинговой системе «Медialogия»¹ показали, что в информационном онлайн-пространстве неравенство в трудовой сфере практически не маркируется этнически².

Возможно, происходит перенос влияния дружеских и родственных связей в поиске работы (в быту называемое «кумовство») на национальные категории. К тому же, первое проведенное в России экспериментальное исследование этнической иерархии на российском рынке труда показало, что этническая маркированность в трудовой сфере связана скорее с институциональными особенностями и историческим контекстом страны, чем с персональными предубеждениями работодателей [7]. Предполагаем, что сложившиеся представления можно расценивать как один из стереотипов, обусловленный историческим контекстом страны.

Вне зависимости от причин появления, подобные представления вкупе с наличием этнических предубеждений могут нести угрозы появления межэтнической напряженности, социальной дезинтеграции и требуют внимания со стороны как научного сообщества, так и управленческих структур.

Библиографический список

1. Евсеева М. А. Представления россиян об этнической обусловленности социального продвижения // Социологические исследования. 2017. № 1. С. 56–63.

2. Евсеева М. А. Мифологемы и реальность в доступе к социальным ресурсам в полиэтническом пространстве по материалам исследования в Республике Саха (Якутия) // ИНАБ. Межнациональные отношения в республиках Российской Федерации: пример Татарстана и Саха (Якутии). 2019. № 1. С. 62–73. DOI: 10.19181/INAB.2019.1

3. Куракин Д. Ю. Трагедия неравенства: расчеловечивая «тотального человека» // Социологическое обозрение. 2020. Т. 19. № 3. С. 167–231. DOI: 10.17323/1728-192x-2020-3-167-231

4. Пешкова В. М. Предпринимательство мигрантов в России: структурные возможности // Власть. 2018. Т. 26. № 1. С. 107–115.

5. Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность / Авт. проекта и отв. ред. Л. М. Дробижева. М.: Academia, 2002. 480 с.

¹ Запросы выполнялись по ключевым кодам «национальность & работа» и «национальность & трудовая сфера» во временном периоде ноябрь 2019 – октябрь 2020 гг. Всего было получено 17 902 сообщений.

² Конечно, такие результаты могут быть лишь особенностью используемого инструмента и требовать проведения дополнительных исследовательских запросов.

6. Фадеев П. В. Этничность и возможности в социальном продвижении: представления и реальность // Межнациональное согласие в общероссийском и региональном измерении. Социокультурный и религиозный контексты: [монография] / Отв. ред. Л. М. Дробижева. М.: ФНИСЦ РАН. 2018. С. 95–122.

7. Bessudnov A., Shcherbak A. Ethnic Discrimination in Multi-ethnic Societies: Evidence from Russia // European Sociological Review. 2020. Vol. 36. No. 1. P. 104–120. DOI: 10.1093/esr/jcz045

Получено редакцией: 24.02.21

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Эндрюшко Анна Александровна, младший научный сотрудник,
Центр исследования межнациональных отношений,
Институт социологии ФНИСЦ РАН

DOI: 10.19181/vis.2022.13.3.829

EDN: QUBFIL

Perceptions Of Russians of the Impact of Ethnicity on Social Advancement (On the Example of the Labour Sphere)¹

Anna A. Endryushko

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: anna.endryushko@mail.ru

ORCID: 0000-0002-1358-1145

For citation: Endryushko A. A. Perceptions of Russians of the impact of ethnicity on social advancement (on the example of the labour sphere). *Vestnik instituta sotziologii*. 2022. Vol. 13. No. 3. P. 32–48. DOI: 10.19181/vis.2022.13.3.829; EDN: QUBFIL

Abstract. In multi-ethnic societies, the distribution of economic resources and observance of the citizens rights is inevitably viewed through the prism of ethnicity. Not only real, but also imaginary (existing only in people's ideas) ethnic inequality carries the threat of interethnic tension and social disintegration. The article assesses the prevalence of opinions about the influence of nationality on the possibilities of social advancement (on the example of the labour sphere) in the all-Russian context. The first part analyses the relationship of socio-demographic characteristics (age, level of education, type of settlement, economic status, employment structure) and belief in the influence of nationality on employment and entrepreneurial activity in the place of residence. In the second part, the ethnic marking of the labour sphere is considered in connection with settings in the sphere of interethnic relations and the real practice of perceived ethnic discrimination.

For the empirical basis of the study there was used the data of the all-Russian survey of the adult population, conducted in 2020 by the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences (ISRAS) in 22 regions, representing the regional diversity of the Russian Federation, taking into account the type of settlement (sample size – 2000 respondents).

The analysis showed that not all socio-demographic characteristics are associated with the formation of ideas about the ethnic conditionality of the labour sphere. In the all-Russian dimension, there is no connection with education, financial situation, or the structure of respondents' employment. Significant factors turned out to be age, type of

¹ The article was prepared as part of the project “All-Russian Identity and Inter-ethnic Relations: Social Practice, Public Discourse and Management Decisions” as part of the 1st stage of the Programme of scientific research and applied work related to the study of the ethno-cultural diversity of the Russian society and aimed at strengthening the all-Russian identity.

settlement, type of ownership of the enterprise where the respondent works. The attitudes of respondents in the field of interethnic relations, the presence of ethnic prejudice, as well as the actual practice of perceived discrimination based on nationality, have a much stronger influence on the ideas under study. However, due to the low spread of this practice, it is concluded that the opinions formed by a significant part of Russians about the ethnic marking of employment and entrepreneurial activity should be considered as stereotypes that have developed due to the historical context of the country, and not as a result of a real infringement of rights in this area of life.

Keywords: ethnicity, social promotion, ethnic inequality, equality of opportunities, interethnic attitudes, polyethnicity

References

1. Evseeva M. A. Russians' views on ethnic causality of social advancement chances. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2017: 1: 56–63 (in Russ.).
2. Evseeva M. A. Mythologemes and reality in access to social resources in a multiethnic space based on research materials in the Republic of Sakha (Yakutia). *INAB. Mezhnatsional'nyye otnosheniya v respublikakh Rossiyskoy Federatsii: primer Tatarstana i Sakha (Yakutii)*, 2019: 1: 62–73 (in Russ.). DOI 10.19181/INAB.2019.1
3. Kurakin D. Yu. Tragedy of Inequality: Dehumanizing «L'Homme Total». *Sociologicheskoe obozrenie*, 2020: 3: 167–231 (in Russ.). DOI: 10.17323/1728-192x-2020-3-167-231
4. Peshkova V. M. Entrepreneurship of migrants in Russia: structural opportunities. *Vlast'*, 2018: 1: 107–115 (in Russ.).
5. Social'noe neravenstvo etnicheskikh grupp: predstavleniya i real'nost'. [Social inequality of ethnic groups: perceptions and reality]. Ed. by L. M. Drobizheva. Moscow, Academia, 2002: 480 (in Russ.).
6. Fadeev P. V. Ethnicity and Opportunities in Social Promotion: Representations and Reality. In *Interethnic Accord in the All-Russian and Regional Dimension. Sociocultural and religious contexts*. Ed. by L. M. Drobizheva. Moscow, FNISTS RAN, 2018: 95–122 (in Russ.).
7. Bessudnov A., Shcherbak A. Ethnic Discrimination in Multi-ethnic Societies: Evidence from Russia. *European Sociological Review*, 2020: 36(1): 104–120. DOI: 10.1093/esr/jcz045

The article was submitted on: February 24, 2021

INFORMATIONS ABOUT THE AUTHOR

Anna A. Endryushko, Junior Research fellow,
Center for the Study of Interethnic Relations,
Institute of Sociology of FCTAS RAS

ТЕМА НОМЕРА

МИГРАЦИЯ И ИДЕНТИЧНОСТЬ

DOI: 10.19181/vis.2022.13.3.830

EDN: PGADOO

Семьи мигрантов из постсоветских государств: между родиной и Россией¹

Ссылка для цитирования: Толмачева А. Ю. Семьи мигрантов из постсоветских государств: между родиной и Россией // Вестник Института социологии. 2022. Т. 13. № 3. С. 49–69. DOI: 10.19181/vis.2022.13.3.830; EDN: PGADOO

For citation: Tolmacheva A. Yu. Families of migrants from post-Soviet states: between homeland and Russia. *Vestnik instituta sotziologii*. 2022. Vol. 13. No. 3. P. 49–69. DOI: 10.19181/vis.2022.13.3.830; EDN: PGADOO

Толмачева Анастасия Юрьевна¹

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

nastja-tolmacheva@rambler.ru

AuthorID ПИНЦ: 1040641

Аннотация. В данной статье на основе социологических опросов, проведённых весной 2017 г. и осенью 2020 г., рассматриваются внутрисемейные отношения мигрантов, приехавших в Россию из стран постсоветского пространства (Азербайджана, Армении, Белоруссии, Грузии, Казахстана, Киргизии, Молдовы, Таджикистана, Узбекистана, Украины). Особое внимание уделяется исследованию жизни мигрантов и их родственников, которые в результате разных жизненных обстоятельств оказались разделёнными государственными границами, а также рассматриваются модели миграции, при которых иностранцы переезжают в Россию вместе с семьёй, в том числе с несовершеннолетними детьми. На основе полученных данных было выявлено, что транснациональная коммуникация в большей степени сохраняется у иностранцев, которые изначально не планируют менять место жительства и постоянно проживать в России. Данная группа мигрантов более включена в жизнь расширенной семьи, проживающей в стране исхода. Среди всех групп мигрантов можно выделить приезжих из стран Средней Азии. Именно они чаще приезжают в Россию в одиночку, при этом активно выстраивают социальное взаимодействие с семьёй, оставшейся на родине (регулярно общаются с помощью мобильной связи, постоянно пересылают или отвозят самостоятельно денежные средства). Их цель состоит в зарабатывании средств для обеспечения более высокого уровня жизни в стране происхождения. Тогда как

¹ Статья подготовлена при поддержке Программы фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности», 2020–2022 гг.

приезжие, которые нацелены остаться в России навсегда, чаще проживают вместе со своими близкими родственниками и в меньшей степени поддерживают транснациональные контакты. Однако стоит учитывать, что планы мигрантов в отношении проживания в России могут изменяться в зависимости от жизненных ситуаций, меняя в свою очередь и характер транснационального взаимодействия.

Отдельным пунктом рассматривается миграция в Россию с несовершеннолетними детьми. Так как в данных условиях родители-мигранты и их дети вынуждены сталкиваться с определенными сложностями (например, включение детей в систему российского образования, овладение детьми русским языком и т. д.), которые требуют значительных материальных, физических и эмоциональных затрат.

Ключевые слова: мигрант, семейная и одиночная миграции, страны постсоветского пространства, транснационализм

Введение

Россия сегодня – страна, включённая в мировое миграционное движение. Необходимость в мигрантах обусловлена демографическими проблемами, и как следствие, потребностью в трудовых ресурсах. За период 2016–2019 гг. численность мигрантов в России колебалась от 9,2 до 11,5 млн человек в зависимости от времени года (наибольшее количество приезжих наблюдается летом и осенью, что связано с наличием сезонных рабочих мест). Первые месяцы 2020 г. не принесли с собой глобальных изменений в численности иностранцев, находящихся в России. Однако с началом пандемии и закрытием границ ситуация в стране существенно изменилась и наблюдалось ежемесячное снижение числа приезжих, в том числе и трудовых мигрантов из стран постсоветского пространства [10]. Рынок труда в России в связи с пандемией 2020–2021 гг. остро ощутил нехватку рабочей силы, которую раньше восполняли именно приезжие из постсоветских государств.

Определённое влияние на миграционное движение оказывает высокий уровень безработицы в стране исхода, политическая нестабильность, и оплата труда, не соответствующая прожиточному минимуму (в большей степени это касается стран Средней Азии (табл. 1), в связи с чем численность выходцев из этих стран составляет три четверти от общего количества трудовых мигрантов, находящихся в России [8]). Подобные условия жизни часто вынуждают граждан покинуть родину и отправиться в Россию на заработки. Для большого количества приезжих это единственный источник дохода.

Необходимость содержать семью на родине, создать лучшие условия для жизни семьи в России – данные факторы являются движущей силой для иностранцев, которая вынуждает искать своё место вдали от страны происхождения. Миграция всей семьёй зачастую облегчает вхождение в новые условия жизни, так как человек постоянно

чувствует психологическую поддержку со стороны близких и значимых для него людей. Однако не всегда мигрант, будь то мужчина или женщина имеет возможности и желание привезти с собой мужа/жену и тем более детей. В зависимости от того, какие цели ставят перед собой приезжие, как видят свою дальнейшую жизнь, выбирается тот или иной путь миграции.

Таблица 1 (Table 1)

Среднемесячная заработная плата на душу населения
по странам исхода и в России (доллары США, \$)¹

Average monthly salary per capita by countries of origin and in Russia, USD

Страна	2020 г.
Азербайджан	416
Армения	388
Белоруссия	510
Грузия	367
Казахстан	498
Киргизия	245
Молдова	459
Россия	712
Таджикистан	135
Узбекистан	266
Украина	432

Под «семейной миграцией» понимается переезд одного, нескольких членов или всей нуклеарной семьи [14]. Исследованиям семей мигрантов из бывших союзных республик посвящено в целом небольшое количество публикаций (Ю. Ф. Флоринская, Н. В. Мкртчян, Ж. А. Зайончковская, Е. В. Тюрюканова, С. Н. Абашин), к тому же сравнительный анализ моделей миграции разных групп приезжих из стран постсоветского пространства практически не проводился. Между тем, данная проблематика актуальна для современной России, так как мигранты и их семьи являются не только трудовым потенциалом, но и потенциалом для демографического развития страны. Их адаптация и интеграция в российское общество не всегда протекает беспрепятственно, приезжие в России, находясь в состоянии уязвимости могут сталкиваться с несправедливым, а часто и с неправовым отношением к ним, что в свою очередь провоцирует обособленность и закрытость моноэтнических семей, возникновение конфликтов на межнациональной почве.

¹ Мониторинг показателей качества жизни населения в странах Содружества независимых государств 2017–2020 // Межгосударственный статистический комитет Содружества независимых государств. М., 2021. Стр. 89 [сайт] URL: http://www.cisstat.com/rus/monitoring_lq_2017-2020.pdf (дата обращения 15.03.2022).

Каковы модели миграции у приезжих из стран постсоветского пространства – остаться навсегда в России? Поработать какое-то время и вернуться на родину? Перемещаться из одного государства в другое? Приезжать в одиночку или привозить с собой семью? На данные вопросы нет однозначных ответов. Человек подстраивается под жизненные обстоятельства и меняет свои планы. Однако исходя из проведённых в 2017 г. и 2020 г. социологических опросов можно увидеть ту реальность, в которой проживают мигранты и их семьи в данный временной период. В этой статье речь пойдёт о моделях миграции и взаимодействии приезжих с родными, оставшимися на родине, помимо этого отдельным пунктом рассматриваются миграция с несовершеннолетними детьми и сложности, с которыми приходится сталкиваться мигрантам и их детям в России.

Теоретико-методологические основания исследования

Теоретической базой данного исследования служит подход, в основе которого лежит теория транснационализма. В отличие от интегративных подходов, где мигрант рассматривается в основном в принимающей стране, в рамках данного направления миграция рассматривается не как прямой путь с конечной точкой, а как двусторонний процесс постоянного взаимодействия мигрантов и со страной происхождения, и с новым местом проживания, процесс выстраивания нового межгосударственного социального пространства. Именно в данной парадигме рассматривается не мигрант как самостоятельный объект исследования, а расширенная семья, члены которой проживают в разных государствах, при этом постоянно сохраняя полноценное взаимодействие и эмоциональную вовлечённость в жизнь друг друга. Данная концепция была представлена в начале 1990-х гг. в трудах англоязычных авторов Н. Глик Шиллер, Л. Баш и К. Бланк-Зантон [13]. В России в рамках указанного подхода проводились исследования группой учёных под руководством С. Н. Абашина на примере трудовых мигрантов из Средней Азии [6].

В основу исследования, результаты которого изложены в данной публикации, легли: опрос трудовых мигрантов, проведённый весной 2017 г. Центром этнополитических и региональных исследований ИС ФНИСЦ РАН (рук. В. И. Мукомель), и опрос, проведённый осенью 2020 г. в рамках Программы фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности». Общий размер выборочной совокупности опроса 2017 г. состоял из 8577 респондентов, проживающих на момент опроса в девятнадцати регионах¹. В 2020 г. выборка состояла из 700 респондентов из Москвы и Московской области. Таким образом,

¹ Волгоградская обл., Воронежская обл., Калининградская обл., Калужская обл., Краснодарский кр., Красноярский кр., Ленинградская обл., г. Москва, Московская обл., Нижегородская обл., Новосибирская обл., Пермский кр., Ростовская обл., Самарская обл., г. Санкт-Петербург, Свердловская обл., Тверская обл., Тюменская обл., Челябинская обл.

для исследования были отобраны 8528 (2017 г.) и 697 (2020 г.) респондентов, прибывших в Россию из следующих стран: Азербайджана, Армении, Белоруссии, Грузии, Казахстана, Киргизии, Молдовы, Таджикистана, Узбекистана и Украины.

Анкеты для опроса включали в себя ряд вопросов, касающихся семей мигрантов: состав семьи и наличие детей; модель миграции – одиночная или всей семьёй; при миграции семьёй доступ несовершеннолетних детей к образованию и уровень владения ими русским языком; взаимодействие с родственниками, проживающими на родине, а также их материальное обеспечение.

Модели миграции

Около 90% от общей численности мигрантов составляют выходцы из стран постсоветского пространства¹ и, как было уже сказано выше, по большей части это приезжие из Средней Азии – Киргизия, Узбекистан, Таджикистан, где уровень рождаемости значительно выше, чем в России², а заработная плата ниже. Среди респондентов, опрошенных в 2017 г., свыше половины (около 62%) имеют семейный статус (то есть состоят в зарегистрированном, религиозном или гражданском браке). При этом большую часть мигрантов (свыше 66%) составляют мужчины. Наименьший процент женщин-мигрантов приезжает в Россию из стран Средней Азии и Азербайджана, данный факт может быть связан с менталитетом и особенностями мусульманской культуры. Самостоятельная миграция женщин из названных стран – явление довольно редкое, и чаще встречается среди лиц, оставшихся без средств к существованию на родине, то есть либо разведённых, либо вдов [4]. В условиях миграции семьи находятся в постоянном изменении гендерных ролей, семейные роли перераспределяются и подстраиваются под изменяющиеся условия жизни [12]. Однако традиционное положение в мусульманском обществе диктует свой сценарий миграции, когда мужчина уезжает на заработки в другую страну, а женщина остаётся дома и занимается домашним хозяйством и воспитанием детей, реже женщина приезжает в Россию вместе с мужем. Необходимо отметить, что в тех случаях, когда женщины принимают решение переехать в Россию, они чаще это делают со своими близкими родственниками (данные опроса 2017 г. показывают, что свыше 65% опрошенных женщин проживают в России с членами своей семьи, тогда как мужчины чаще проживают в одиночестве – около 62%).

¹ Демографический ежегодник России // Федеральная служба государственной статистики [сайт]. URL: https://gks.ru/bgd/regl/B19_16/Main.htm (дата обращения: 22.11.2021).

² Население, занятость и условия жизни в странах Содружества Независимых Государств, 2018: статистический сборник // Межгосударственный статистический комитет СНГ. М., 2019. Стр. 290 [сайт] URL: [Population-Employment_and_Living_Conditions_in_the_CIS-2019.pdf](https://cisstat.com/Population-Employment_and_Living_Conditions_in_the_CIS-2019.pdf) (cisstat.com) (дата обращения 23.11.2021).

Опрос 2020 г. показал похожие результаты: около 60% респондентов имеют семейный статус, при этом свыше 66% приезжих составляют мужчины. Однако в 2020 г. прослеживается увеличение доли женщин-мигрантов из стран Средней Азии, по сравнению с 2017 г. (табл. 2). Около 62% опрошенных женщин проживают в России со своими родственниками, большинство же мужчин (55,8%) переехали в одиночестве.

Таблица 2 (Table 2)

Соотношение полов в миграционных потоках, доля опрошенных, %
Sex ratio in migration flows, share of respondents, %

Страна исхода	2017 г.		2020 г.	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
Азербайджан	82,1	17,9	95,8	4,2
Армения	64,1	35,9	38,3	61,7
Белоруссия	64,4	35,6	85,7	14,3
Грузия	57,7	42,3	66,7	33,3
Казахстан	47,5	52,5	62,5	37,5
Киргизия	67,8	32,2	57,5	42,5
Молдова	50,2	49,8	34,4	65,6
Таджикистан	83,4	16,6	76,2	23,8
Узбекистан	78,8	21,2	79,7	20,3
Украина	44,8	55,2	41,8	58,2

Подавляющее большинство опрошенных респондентов, прибывших в Россию, – это молодые и трудоспособные мигранты, находящиеся в репродуктивном возрасте и, как правило, уже имеющие малолетних детей (приезжие в возрасте от 18 до 39 лет в опросе 2017 г. составляют 68,8%, в опросе 2020 г. – 61,8%; от 40 до 50 лет – в 2017 г. 21,7%, в 2020 г. – 27,1%; от 50 лет и старше – в обоих опросах около 9%). По данным опроса 2017 г. около 30% всех приезжих из стран постсоветского пространства оставили в стране происхождения своих супругов (наиболее часто данная ситуация встречается среди выходцев из Узбекистана (41,7%) и Таджикистана (40,3%), около 40% мигрантов оставили на родине детей (здесь также самые высокие показатели имеют приезжие из стран Средней Азии: Киргизия – 42,9%, Таджикистан – 44,7%, Узбекистан – 52,5%), почти три четверти всех респондентов оставили на родине своих родителей, около 6% вообще не имеют родственников в той стране, откуда прибыли в Россию.

При этом по данным опроса 2017 г. количество мигрантов, проживающих в России в одиночестве, составляет 52,9%, что не сильно превышает численность иностранцев, которые проживают в России вместе с родственниками (47%). При распределении по странам семейная миграция в основном преобладает из Армении (72,1%), Грузии (69,2%), Украины (63,3%) и Азербайджана (60,3%). Мигранты из Белоруссии (73,6%), стран Средней Азии (Киргизия – 50,7%, Таджикистан – 59,4%,

Узбекистан – 64,5%) и Молдовы (52,6%) чаще приезжают в Россию по одиночке и не проживают здесь совместно с родственниками. Свыше 30% всех опрошенных мигрантов в 2017 г. проживали в России совместно с супругами/партнёрами. По результатам опроса 2020 г. большинство респондентов (48,8%) проживают в России в одиночестве (в основном это выходцы из Белоруссии, Казахстана и Узбекистана), около 31% мигрантов ведут совместное хозяйство с супругами (чаще приезжие из Армении и Украины) и около 15% с другими родственниками (родители, братья/сёстры и т. д.), также около 4% опрошенных проживают с людьми, которые не являются близкими или дальними родственниками.

При выборе модели миграции определяющую роль играет цель переезда в Россию, что подтверждается данными, полученными при проведении опросов в 2017 г. (рис. 1) и в 2020 г. (рис. 2) – результаты обоих исследований показывают, что наибольшее количество мигрантов проживают в России со своей семьёй в том случае, если имеют намерение остаться здесь навсегда.

Рис. 1 Модели миграции в зависимости от ориентации мигрантов на проживание в России, 2017 г., в %

Figure 1. Migration patterns depending on the orientation of migrants on their life in Russia, 2017, %

Иностранцы же, которые находятся в России временно и не планируют менять постоянное место жительства, в большинстве случаев проживают здесь в одиночестве.

Рис. 2. Модели миграции в зависимости от ориентации мигрантов на проживание в России, 2020 г., в %

Figure 2. Migration patterns depending on the orientation of migrants on their life in Russia, 2020, %

Часть мигрантов (преимущественно из Армении, Грузии, Украины и Казахстана) намерены остаться в России навсегда, перевезти семью (либо уже проживают в России со своими близкими родственниками) и растить детей в новых условиях. При этом нельзя сказать, что в данных обстоятельствах связи с родными, находящимися в стране происхождения, разрываются. Даже переехав в Россию всей семьёй, мигранты часто сохраняют родственные связи, оказывают материальную помощь близким и не исключают возможность, что в какой-то момент времени они решат вернуться на родину. Необходимо отметить, что обозначенные мигрантами планы в отношении кратковременного или постоянного проживания в России в реальности могут меняться в зависимости от внешних обстоятельств и насущных потребностей.

Помимо этого, на модели миграции оказывает влияние длительность проживания иностранца в России. На основе полученных в 2017 г. результатов было выявлено следующее: мигранты, приехавшие в Россию в 1990-х гг., в настоящее время чаще остальных проживают здесь вместе с семьёй (58,2%); из приехавших в 2000–2010 гг. иностранцев большинство (51,3%) проживают в одиночестве; мигранты, прибывшие в 2011–2017 г., в 55,8% случаев находятся здесь без родственников. Похожие результаты были получены и в 2020 г.: чаще с семьёй проживают мигранты, приехавшие в Россию с 1991 по 1999 г. (59,2%).

Важную роль для миграции всей семьёй играет наличие разрешительных документов для нахождения в России и осуществления здесь трудовой деятельности. Иностранцы, имеющие разрешение на постоянное проживание (вид на жительство) чаще остальных групп мигрантов проживают в России с близкими родственниками, так как официальный статус позволяет приезжим реализовывать свои планы в новой для них стране и чувствовать себя уверенными в «завтрашнем дне». Тогда как наличие документов, разрешающих временное нахождение на территории страны, или отсутствие каких-либо разрешительных документов способствует увеличению одиночной миграции. Это в большей степени относится к трудовым мигрантам, которые часто находятся в условиях, предполагающих недокументированный, не облагаемый налогом труд и отсутствие регистрации [9].

Отдельно стоит отметить небольшую группу иностранцев, которые получили в России статус беженцев. В подавляющем большинстве они проживают здесь вместе с семьёй (рис. 3). Опрос 2020 г. показал схожие результаты: мигранты, которые имеют в России разрешение на постоянное проживание (вид на жительство) чаще проживает вместе с близкими родственниками – свыше 79% опрошенных.

Рис. 3. Модели миграции в зависимости от наличия разрешительных документов, 2017 г., в %

Figure 3. Models of migration depending on the availability of permits, 2017, %

Миграция становится частью жизни многих людей разных профессий, социальных слоёв, религиозных и политических убеждений, она диктует свои условия жизни, под которые вынуждены подстраиваться семьи приезжих. Человек, оставивший семью на родине

и проживающий длительное время в одиночестве, совмещает в себе две реальности, становится и «семейным», и «несемейным» одновременно. С. Н. Абашин в своих работах подчёркивает способности мигрантов переключаться из одного состояния в другое исходя из внешних условий, быть таким образом «своим» и «чужим», «законным» и «незаконным», «бедным и богатым» [1]. В том случае, когда иностранец приезжает в Россию со своими родными, все члены семьи также вынуждены существовать в условиях двойной реальности и встраивать взаимодействие разных социальных миров – отправляющего и принимающего.

Отдельно необходимо выделить миграцию с несовершеннолетними детьми, так как данная модель накладывает определённые сложности на семью иностранца и принимающее общество.

Миграция с несовершеннолетними детьми

Как уже было сказано выше, основная модель миграции из стран постсоветского пространства – это миграция одиночная, либо вместе со взрослыми родственниками, целью которой является зарабатывание денег в России, при этом несовершеннолетние дети остаются на родине. По данным опроса 2017 г. лишь около 16% респондентов проживают в России с детьми. Здесь стоит выделить приезжих из Грузии (35,9%) и Армении (34%), именно они чаще остальных групп мигрантов проживают здесь совместно с детьми до 18 лет. Реже всего вместе с детьми в Россию приезжают выходцы из стран Средней Азии (Киргизия – 12,7%, Таджикистан – 15,6%, Узбекистан (9,5%)), Белоруссии (9,2%) и Молдовы (16,4%). Опрос 2020 г. показал похожие результаты: около 15% опрошенных мигрантов проживают в России совместно с несовершеннолетними детьми. Как и в 2017 г. в 2020 г. чаще других иностранцев мигрировали вместе с детьми выходцы из Грузии (33,3%) и Армении (36,2%).

Дети – это наиболее уязвимая группа при любой модели миграции. Уезжают ли родители или один из родителей в другую страну, либо дети переезжают совместно с родителями – в любой ситуации дети подвергаются тяжёлым испытаниям. В транснациональной семье позиция детей может постоянно меняться (например, дети большую часть года находятся на родине и получают там образование, а на каникулы приезжают к родителям в Россию; дети дошкольного возраста проживают в России, а в школу их родители отправляют на родину; дети заканчивают школу на родине и приезжают получать профессиональное образование в Россию и т. д.). Как правило мигранты не берут детей с собой сразу, а перевозят в Россию спустя какое-то время, лишь когда адаптируются на месте, устроятся на стабильную работу и найдут подходящее жильё [5].

Важным представляется тот факт, что в транснациональной семье несовершеннолетний ребёнок, не являясь самостоятельным субъектом, полностью подчинён воле родителей. Играя значительную роль при принятии родителями решений о миграции [15], сами дети зачастую не

могут повлиять на модель миграции. Ю. Флоринской [11] были определены факторы, которые непосредственным образом влияют модель миграции – с детьми или без детей:

– *место происхождения мигранта*: с детьми чаще приезжают в Россию городские жители;

– *уровень образования мигранта*: более образованные иностранцы чаще переезжают вместе с детьми;

– *страна происхождения мигранта*: выходцы из Средней Азии чаще оставляют детей дома, тогда как приезжие с Кавказа привозят детей с собой (данный факт подтверждается и цифрами, полученными в ходе проведения опросов 2017 и 2020 гг.);

– *материальное положение семьи мигранта*: чем беднее семья, тем больше вероятность, что дети будут оставлены на родине;

– *продолжительность поездки*: если мигрант изначально планирует приехать в Россию только с целью зарабатывания денег, без намерения остаться на длительное время, то вероятность того, что дети останутся дома выше (что подтверждается результатами, полученными при опросе 2017 г. – 71% всех несовершеннолетних детей проживают с родителями, которые имеют намерение остаться в России навсегда).

Одной из важных причин миграции с детьми является намерение дать им российское образование. Около 80% опрошенных в 2017 г. мигрантов, имеющих несовершеннолетних детей и проживающих вместе с ними в России, имеют доступ к российской системе образования, то есть их дети посещают либо дошкольное образовательное учреждение, либо школу. При этом чуть больше 7% приезжих, имеющих детей до 7 лет, не смогли устроить ребёнка в России в детский сад или ясли. Детский сад является важной ступенью для адаптации ребёнка к новым условиям жизни, и прекрасной возможностью овладеть русским языком. Однако несмотря на это около 42% опрошенных мигрантов полагают, что их детям дошкольного возраста российский детский сад не нужен. Результаты опроса 2020 г. показали, что большее количество детей дошкольного возраста (около 70%) не посещает детский сад, основной причиной респонденты указывали – «Нет необходимости, есть кому сидеть с ребенком», помимо этого звучали ответы – «нет полиса», «нет мест», «дорого».

Если при оформлении ребёнка в дошкольное учреждение ещё могут возникнуть какие-то сложности (например, нехватка мест в детских садах в крупных городах или отсутствие постоянной регистрации ребёнка в Москве – данное условие является обязательным при получении места), то при поступлении в школу дети мигрантов в целом не имеют сложностей, так как по закону¹ все дети школьного возраста

¹ Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. 31.12.2021) «Об образовании в Российской Федерации» URL: Статья 5. Право на образование. Государственные гарантии реализации права на образование в Российской Федерации / КонсультантПлюс (consultant.ru) (дата обращения 02.02.2022).

имеют право на получение среднего образования независимо от их гражданства. Исключение составляют специализированные образовательные организации, зачисление в которые и для граждан страны, и для приезжих осуществляется на основе прохождения ряда испытаний. Свыше половины опрошенных в 2017 г. респондентов (53,4%), приехавших в Россию с несовершеннолетними детьми, сообщили, что их дети обучаются в школе в России, а 38,7% респондентов высказались о том, что их детям по каким-либо причинам не нужно посещать школу, около 1,5% приезжих не смогли оформить своих детей в школу. Также при проведении опроса в 2020 г. было выявлено, что около 4% детей мигрантов в возрасте от 7 до 14 лет, не посещает школу по причине отсутствия медицинского полиса и отсутствия мест для обучения. Помимо указанных причин, мигранты сталкиваются с отказом в приёме ребёнка со стороны администрации школы без объяснения причины [3]. Непосещение школы детьми мигрантов, как видно из представленных цифр, не является редким явлением. Родители, приезжающие на заработки в Россию вместе с несовершеннолетними детьми, иногда не имеют возможности отправить ребёнка в школу, так как он вынужден заботиться дома о младших детях в то время, когда взрослые работают. Необходимыми документами для оформления ребёнка в школу являются свидетельство о рождении, паспорт родителя и медицинская справка. Особой проблемой для мигрантов может стать получение медицинского заключения для ребёнка, так как отсутствие российского полиса обязательного медицинского страхования вынуждает приезжих проходить медицинские осмотры платно или приобретать полис ДМС. А это влечёт дополнительные расходы, которые многие мигранты просто не могут себе позволить.

Владение русским языком детьми мигрантов облегчает адаптацию в образовательных учреждениях. При этом, если ребёнок плохо или совсем не владеет русским языком, это не является препятствием при принятии в детский сад или школу. Опрос 2017 г. показал, что больше половины (55,5%) детей, приехавших в Россию вместе с родителями, владеют русским языком, около 28% – в состоянии изъясняться на двух языках – русском и родном, а примерно 10% – общаются только на родном языке. Не удивителен тот факт, что больше детей, владеющих русским языком приезжают из славянских стран – Украина (83%) и Белоруссия (81,1%), а также из Казахстана (86,8%), откуда чаще приезжают этнически русские мигранты. Результаты опроса 2020 г. показали, что в возрастной группе до 6 лет дети мигрантов в общей совокупности лучше владеют русским языком – 45,7%, около 40% дошкольников в равной степени владеют и русским языком, и языком своей национальности, небольшой процент детей (8,7%) понимают только родной язык. В группе детей от 7 до 14 лет также большинство детей (65,8%) владеют только русским языком, 35,5% – владеют двумя языками (русским и родным). Подростки в возрастной группе от 15 до 17 лет по большей части свободно владеют русским и родным языками (63%), а 32% – только русским языком.

Приходя в российские школы, дети с нулевыми знаниями русского языка испытывают большие трудности в обучении и общении. Поэтому создание дополнительных занятий для изучения неродного языка при школах крайне необходимо для более быстрой и успешной адаптации в социуме. Подобное решение поможет избежать случаев, когда ребёнок школьного возраста, приехавший вместе с родителями в Россию, не посещает образовательное учреждение из-за незнания русского языка.

Для приезжих из мусульманских стран Средней Азии не редко характерен сценарий, когда детей привозят с собой, а по достижении определённого возраста отправляют учиться в школу на родине [5]. Подобные действия родители объясняют тем фактом, что дети должны вырасти в духе национальных традиций, а российская школа и общество пропагандируют ценности, которые мешают воспитанию. Особенно это касается девочек, что является важным для традиций мусульманского патриархального общества. При этом исследователи подчёркивают, что в целом в многодетных семьях от возраста ребёнка не зависит, в какой стране он будет проживать – и младшие, и средние, и старшие дети могут жить, как с родителями в России, так и с родственниками на родине [3]. Перемещение детей из одного государства в другое в связи с разными жизненными ситуациями – это стандартная практика в транснациональных семьях.

Определённый интерес для мигрантов представляет получение их детьми, независимо от того, в какой стране они заканчивают школу, среднего и высшего профессионального образования. От общего количества опрошенных в 2017 г. респондентов 21,3% хотели бы дать детям после окончания школы образование в России. Чуть меньший процент приезжих (18,4%) рассматривают средние и высшие учебные заведения только на родине. Чаще всего приезжие с Кавказа рассматривают вариант получения детьми профессионального образования в России. Однако при поступлении в средние и высшие образовательные учреждения дети мигрантов сталкиваются с определёнными сложностями, в первую очередь с тем, что обучение для неграждан страны осуществляется на платной основе, даже если они окончили школу в России. В связи с чем часть детей, родители которых не в состоянии оплатить получение образования, не имеет какой-либо возможности продолжить обучение после школы.

Таким образом, дети, воспитывающиеся в транснациональных семьях, вынуждены активно включаться в миграционный процесс, независимо от того, в какой стране они проживают и какую модель миграции выберут их родители. Как и взрослые мигранты, дети находятся под непосредственным влиянием и родного общества, и нового социума в России (даже если они проживают на родине, общение с родителями, находящимися в России, сказывается на образе их жизни и мировоззрении). Транснациональное социальное пространство расширяет социальный опыт детей, а включение в российскую систему образования позволяет им адаптироваться в новом обществе значительно успешнее и быстрее, чем их родителям.

Взаимодействие с родным обществом

Социальное пространство каждого мигранта не ограничивается государственными границами, оно шире и охватывает разные страны и общества [16]. Миграция в целом оказывает прямое влияние не только на принимающее общество, но и на социальное окружение мигранта в стране происхождения. В зависимости от модели миграции меняется и суть семейного уклада. Глава семьи, отправляющийся в одиночку на заработки и проживающий большую часть времени в России, привносит в свою расширенную семью, оставшуюся на родине, особенности образа жизни, идеи и ценности, которые он наблюдает ежедневно и которые могут существенно отличаться от особенностей, присущих его национальности. Подобные характеристики касаются в основном мигрантов, прибывших в Россию из стран с отличными традициями, обычаями, вероисповеданием и мировоззрением. Если же жизненные условия вынуждают искать работу в чужой стране женщину из мусульманского общества, то происходит перестройка гендерных отношений и женщина уже не воспринимается только лишь как «хранительница очага» и мать.

Приезжие, считающие, что находятся здесь временно, сохраняют постоянные контакты со своими семьями, оставшимися на родине (перемещаются между Россией и страной происхождения, а также находясь на заработках продолжают виртуальное общение с родственниками), помогают материально. Общение между членами семьи, проживающими в виду сложившихся жизненных обстоятельств в разных государствах, происходит посредством социальных сетей и видеозвонков, создавая некую вовлечённость уехавшего родственника в жизнь близких, оставшихся дома. Благодаря распространению электронных средств связи социальное взаимодействие с родственниками и близкими людьми, проживающими на родине, постоянно поддерживается и позволяет даже мигранту из сельской местности, где нет возможности пользоваться современными технологиями, находясь в России, чувствовать себя рядом с семьёй и друзьями [7].

Свыше 40% опрошенных в 2017 г. мигрантов заявляли, что общаются с родственниками, проживающими на родине, 1–3 раза в неделю (здесь стоит отметить приезжих из стран Средней Азии, именно у них взаимодействие с родными в основном происходит с данной частотой: Киргизия – 43,1%, Таджикистан – 42,6%, Узбекистан – 48,7%); наиболее часто (каждый день или почти каждый день) общаются выходцы из Молдовы (42,5%), Белоруссии (39,6%), Киргизии (39,3%) и Армении (38,2%); из всех групп мигрантов наиболее редко общаются с родственниками приезжие из Грузии (1–3 раза в месяц – 17,9%, несколько раз в год 11,5%) и Азербайджана (1–3 раза в месяц – 19%, несколько раз в год – 7,3%). Также выходцы из Грузии чаще других вообще не имеют контактов с родственниками, проживающими на родине – 11,5%. Исходя из полученных результатов можно сказать, что мигранты в целом

имеют постоянные довольно частые контакты с близкими людьми в том числе и в виртуальном формате, лишь небольшой процент респондентов не сохранили семейное взаимодействие или общаются крайне редко.

На основе полученных в 2017 г. результатов можно выделить взаимосвязь частоты общения с родственниками и цели приезда в Россию: мигранты, которые находятся в России временно, более включены в жизнь своих родных, оставшихся в стране исхода. 38,9% респондентов, которые планируют вернуться на родину, общаются с родственниками ежедневно, а 45% – 1–3 раза в неделю. Иностранцы, которые приняли решение остаться в России на постоянное место жительства, чаще проживают вместе со своими близкими (как указывалось выше) и в меньшей степени участвуют в жизни членов расширенной семьи, оставшихся на родине: 30,6% респондентов общаются с родственниками каждый день, 36,4% – 1–3 раза в неделю. Трансграничные контакты – это постоянное двустороннее социальное взаимодействие с родным обществом, когда мигрант, находящийся в чужой стране, оказывает влияние на жизнь родственников на родине и показывает свою заботу о них, а также сам получает психологическую помощь и поддержку со стороны близких людей. Выстраивая подобное родственное взаимодействие, мигранты таким образом изменяют привычный семейный уклад, который ещё одно-два поколения назад существовал в традиционном обществе той страны, из которой они приехали в Россию.

Пересылка денег – важная часть внутрисемейного взаимодействия мигранта. Результаты опроса 2017 г. показали, что свыше 60% приезжих посылают деньги или сами отвозят их на родину, выходцы из стран Средней Азии делают это чаще других групп мигрантов (в Киргизию передают деньги 74,7% респондентов, в Таджикистан – 74,3%, в Узбекистан – 75,3%). Реже на родину посылают деньги приезжие из Казахстана (20,4%), Грузии (38,5%) и Украины (40,7%). В 2020 г. 78% опрошенных респондентов заявили, что отправляют денежные средства на родину, здесь помимо приезжих из стран Средней Азии (в Узбекистан передают деньги 94% мигрантов, в Киргизию – 83,6%, в Таджикистан – 82,8%) стоит упомянуть приезжих из Белоруссии, из которых 85,7% пересылают деньги близким, оставшимся дома. Как и при опросе 2017 г., в 2020 году реже деньги на родину посылали выходцы из Грузии (100%), Украины (63,6%) и Казахстана (62,5%).

Трудовые мигранты, зарабатывающие деньги вдалеке от страны происхождения, становятся спонсорами родственников, проживающих на родине. Несмотря на то, что жизнь иностранца в России зачастую сопряжена с многочисленными трудностями и получение даже небольшой по общим меркам зарплаты требует больших затрат физических и моральных сил, на мигранта возлагаются обязанности по содержанию многочисленного семейства, а также расходы, связанные с проведением праздничных и ритуальных мероприятий (как, например, происходит в семьях мигрантов из стран Средней Азии, которые чаще других

групп приезжих отправляют денежные средства на родину, и иногда денежные потребности родных превышают финансовые возможности работающего в России родственника) [2]. По результатам опроса 2017 г. было определено, какие примерно суммы в месяц мигранты отправляют на родину: у 27,9% опрошенных данная сумма составляет не больше 10 тыс., примерно такое же число респондентов (28%) посылают родным от 11 до 50 тыс. рублей. В 2020 г. респонденты в большинстве своём (55,8%) отправляли на родину денежные суммы от 11 до 50 тыс. рублей ежемесячно, до 10 тыс. рублей в месяц родным передавали около 17% опрошенных мигрантов.

Таким образом, трансграничная коммуникация мигрантов – это не только отправка на родину денежных средств, мобильное общение и периодические приезды, это полноценное включение в жизнь семьи, несмотря на межгосударственные границы. Мигранты ощущают себя частью того мира, который является для них родным, и который они вынуждены были покинуть.

Заключение

Проведённое исследование наглядно показывает, насколько активно мигранты из постсоветских стран и их семьи выстраивают транснациональное социальное пространство. Данное исследование позволяет выделить две основные модели миграции, характерные для иностранцев, пребывающих из постсоветских стран:

– миграция в Россию с целью постоянного проживания – для данной модели в основном характерна семейная миграция, когда иностранец несмотря на то, что связь с родиной не теряется, старается адаптироваться и найти своё место в принимающем обществе;

– трудовая миграция – для данной модели больше характерна одиночная миграция, реже миграция вместе с супругой/супругом, когда иностранец активно включён в жизнь отправляющего общества, а в России адаптируется лишь в той степени, которая позволит ему зарабатывать.

Однако стоит отметить, что в зависимости от разных жизненных обстоятельств каждый конкретный человек может поменять свои планы, изменить модель миграции. Семьи мигрантов постоянно находятся в ситуации выбора, нескончаемого поиска лучших условий для жизни воспитания детей. Решение проживать в России или на родине не зависит от одного человека, оно принимается коллективно всеми членами семьи, независимо от того, в какой стране они проживают.

Миграция изменяет не только жизнь самого переселенца, но и его родственников, оставшихся на родине. Это может выражаться в разных формах:

- в смене гендерных ролей, например, когда женщина полностью берёт на себя ответственность за воспитание детей и ведение домашнего хозяйства, а мужчина большую часть времени проводит вдалеке от дома, или когда женщина вынуждена покинуть детей и уехать на заработки;
- в особенностях воспитания подрастающего поколения, например, когда родители вынуждены уехать на заработки и воспитанием детей занимаются бабушки/дедушки или дяди/тети, или же ребёнок переезжает вместе с родителями в другую страну и ему необходимо адаптироваться к новым условиям жизни;
- в трансформации традиций и обычаев присущих конкретному этносу, например, когда женщина-мусульманка отправляется на заработки и содержит семью на родине, становясь таким образом более независимой и самодостаточной, такое положение вещей ещё некоторое время назад невозможно было представить в патриархальном мусульманском обществе.

Говоря о финансовой помощи, которую оказывают мигранты родственникам на родине, стоит особо отметить приезжих из стран Средней Азии. Именно они чаще остальных групп иностранцев отправляют из России деньги. В указанных странах член семьи, отправившийся на заработки, негласно берёт на себя ответственность за содержание семьи. При этом часто сами трудовые мигранты не удовлетворены той ситуацией, когда они оказывают финансовую помощь дальним родственникам, а не только нуклеарной семье (что подтверждается проведёнными исследованиями Айтиевой М. среди мигрантов из Средней Азии) [2]. Однако традиции и мировоззрение того общества, откуда приехали иностранцы, накладывают свой отпечаток на образ жизни и вынуждают поступать тем или иным образом вопреки желанию самого человека. Интенсивность общения мигрантов с родственниками, проживающими на родине, довольно высока. В основном большая часть приезжих независимо от страны происхождения поддерживает контакты с родными от одного до трёх раз в неделю или же ежедневно. Минимальное общение характерно лишь для небольшой части респондентов.

Миграция оказывает существенное влияние на жизнь детей в транснациональных семьях. Часто именно ребёнок становится движущей силой миграции – создаётся некое социальное пространство, где высокий уровень мобильности является обыденностью. Перемещение родителей, перемещение детей между государствами – это повседневные реалии жизни многих мигрантов. Родители строят свои миграционные сценарии, исходя из планов в отношении будущего для своих детей. Чаще других групп приезжих несовершеннолетних детей оставляют на родине приезжие из стран Средней Азии. Мигранты с Кавказа наоборот стремятся перевезти детей в Россию и дать им здесь среднее и высшее образование. В целом российская система образования доступна для приезжих. Однако случаи, когда дети иностранцев не посещают детский сад и, тем более, школу, не редки. Отдельные группы детей нуждаются в помощи со стороны образовательных организаций по изучению русского языка, а также в помощи по адаптации к новым условиям (чаще других подобные проблемы испытывают на себе дети, приехавшие из стран Средней Азии).

Результаты исследования также показали, что на общем фоне отдельной группой стоит выделить мигрантов, приехавших из стран Средней Азии, именно они чаще других активно выстраивают трансграничные связи и имеют тесное взаимодействие с родственниками, проживающими на родине. Указанный факт, прежде всего, связан с тем, что данные мигранты настроены на последующее возвращение на родину и видят свою дальнейшую жизнь именно там. Однако стоит учитывать, что цели миграции могут претерпевать существенные изменения под влиянием окружающей действительности и необходимо дальнейшее изучение стратегии миграции приезжих из постсоветских стран.

Библиографический список

1. Абашин С. Н. Среднеазиатская миграция: практики, локальные сообщества, транснационализм // Этнографическое обозрение. 2012. № 2. С. 3–13.

2. Айтиева М. Денежные переводы, нереалистичные ожидания и конфликтующие обязанности по отношению к семье // «Жить в двух мирах»: переосмысляя транснационализм и транслокальность / Сб. ст. под ред. Бредниковой О., Абашина С. Н. М.: НЛО, 2021. С. 106–146.

3. Акифьева Р. Н. Дети и родители-мигранты в Санкт-Петербурге: несогласованные линии поведения // Этнографическое обозрение. 2015. № 15. С. 117–134.

4. Бредникова О. «Живу, постоянно оглядываясь» // «Жить в двух мирах»: переосмысляя транснационализм и транслокальность / Сб. ст. под ред. Бредниковой О., Абашина С. Н. М.: НЛО, 2021. С. 71–103.

5. Бредникова О. Е., Сабирова Г. А. Дети в мигрантских семьях: родительские стратегии в транснациональных контекстах // Антропологический форум. 2015. № 26. С. 127–152.

6. «Жить в двух мирах»: переосмысляя транснационализм и транслокальность / Сб. ст. под ред. Бредниковой О. и Абашина С. Н. М.: НЛО, 2021. 520 с.

7. Касымова С. Трансграничная коммуникация или мобильная связь в повседневной жизни семей таджикских трудовых мигрантов // «Жить в двух мирах»: переосмысляя транснационализм и транслокальность // Сб. ст. под ред. Бредниковой О., Абашина С. Н. М.: НЛО, 2021. С. 482–515.

8. Мкртчян Н. В., Флоринская Ю. Ф. Миграция: основные тренды января-февраля 2021 года // Мониторинг экономической ситуации в России: тенденции и вызовы социально-экономического развития. 2021. № 10 (142). Июнь. С. 16–19.

9. Ривс М. Погоня за «честно заработанными деньгами» в эпоху социального неравенства. Пер. Даур А. // «Жить в двух мирах»: переосмысляя транснационализм и транслокальность // Сб. ст. под ред. Бредниковой О., Абашина С. Н. М.: НЛО, 2021. С. 44–70.

10. Флоринская Ю. Ф., Мкртчян Н. В. Миграция в Россию: самый низкий уровень за десятилетие // Экономическое развитие России. 2021. № 1. Т. 28. С. 50–54.

11. Флоринская Ю. Миграция семей с детьми в Россию: проблемы интеграции (по материалам социологических опросов Центра миграционных исследований) // Проблемы прогнозирования. 2012. № 2. С. 118–126.

12. Bryceson D., Vuorela U. Transnational families in the twentieth century // Bryceson D., Vuorela U. (eds.). *The Transnational Family: New European Frontiers and Global Networks*. Oxford: Berg, 2002. URL: https://www.researchgate.net/publication/269990597_Transnational_Families_in_the_21_st_Century (дата обращения: 25.03.2022).

13. Glick Schiller N. G., Basch L., Blanc-Szanton C. Transnationalism: A New Analytic Framework for Understanding Migration // Glick Schiller N. G., Basch L., Blanc-Szanton C. (eds.). *Towards a transnational perspective on migration: Race, class, ethnicity, and nationalism reconsidered*. New York: New York Academy of Sciences, 1992. P. 1–24.

14. Kofman E. Family-related migration: a critical review of European Studies // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2004. Vol. 30. P. 243–262. DOI: 10.1080/1369183042000200687

15. Moskal M. Transnationalism and the role of family and children in intra-European labour migration // *European Societies*. 2011. Vol. 13. P. 29–50. DOI: 10.1080/14616696.2010.497225

16. Pries L. Transnationalisierung der sozialen Welt? // *Berliner Journal Für Soziologie*. 2002. Vol. 12(2). P. 263–72. DOI: 10.1007/BF03204056

Получено редакцией: 5.09.22

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Толмачева Анастасия Юрьевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Центр исследования межнациональных отношений, Институт социологии ФНИСЦ РАН

DOI: 10.19181/vis.2022.13.3.830

EDN: PGADOO

Families of Migrants from Post-Soviet States: Between Homeland and Russia¹

Anastasia Yu. Tolmacheva

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: nastja-tolmacheva@rambler.ru

ORCID ID: 0000-0002-0288-5629

For citation: Tolmacheva A. Yu. Families of migrants from post-Soviet states: between homeland and Russia. *Vestnik instituta sotziologii*. 2022. Vol. 13. No. 3. P. 49–69. DOI: 10.19181/vis.2022.13.3.830; EDN: PGADOO

¹ The article was prepared with the support of the Programme of fundamental and applied scientific research “Ethnocultural Diversity of Russian Society and Strengthening the All-Russian Identity”, 2020–2022.

Abstract. The article is based on sociological surveys conducted in spring 2017 and autumn 2020. It examines the intra-family relations of migrants who came to Russia from the post-Soviet countries (Azerbaijan, Armenia, Belarus, Georgia, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Moldova, Tajikistan, Uzbekistan, Ukraine). Particular attention is paid to the study of the life of migrants and their relatives, who, as a result of various life circumstances, found themselves separated by state borders. Migration models of the foreigners moving to Russia with their families, including minor children, are considered as well.

Based on the obtained data, it was revealed that transnational communication is retained to a greater extent by foreigners who initially do not plan to change their place of residence and permanently reside in Russia. This group of migrants is more involved in the life of the extended family in the country of origin. Among all groups of migrants, visitors from the countries of Central Asia stand out. They are the ones who most often come to Russia alone, while actively building social interaction with the family left at home (they regularly communicate via mobile, and send money back home or bring it themselves). Their purpose is to earn money for a higher standard of living in their country of origin. Whereas visitors who intend to stay in Russia permanently, more often live together with their close relatives and maintain less transnational contacts. However, it should be taken into account that migrants' plans for living in Russia may change depending on life situations, changing in turn the nature of transnational interaction. Migration to Russia with minor children is considered as a separate subject, since in these conditions, migrant parents and their children are forced to face certain difficulties (for example, the inclusion of children in the Russian education system, mastering the Russian language by children, etc.), that require significant material, physical and emotional costs.

Keywords: migrant, family and single migration, post-Soviet countries, transnationalism

References

1. Abashin S. N. Central Asian Migration: Practices, Local Communities, Transnationalism. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2012: 4: 3–13 (in Russ.)
2. Ajtjeva M. Money transfers, unrealistic expectations and conflicting responsibilities towards family. In Brednikova O., Abashin S. N. (eds) “Living in two worlds”: rethinking transnationalism and translocality. Coll. of art. Moscow, NLO, 2021: 106–146 (in Russ.).
3. Akifyeva R. N. Children and Their Migrant Parents in St. Petersburg: Divergent Lines of Behavior. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2015: 5: 117–134 (in Russ.)
4. Brednikova O. “I live constantly looking back. In Brednikova O., Abashin S. N. (eds) “Living in two worlds”: rethinking transnationalism and translocality. Coll. of art. Moscow, NLO, 2021: 71–103 (in Russ.).
5. Brednikova O., Sabirova G. Children in Migrant Families: Parenting Strategies in Transnational Contexts. *Antropologicheskij forum*, 2015: 26: 127–152 (in Russ.).
6. Brednikova O., Abashin S. N. (eds) “Living in two worlds”: rethinking transnationalism and translocality. Coll. of art. Moscow, NLO, 2021: 520 (in Russ.).
7. Kasymova S. Transborder communication or mobile communication in everyday life of families of Tajik labor migrants. In Brednikova O., Abashin S. N. (eds) “Living in two worlds”: rethinking transnationalism and translocality. Coll. of art. Moscow, NLO, 2021: 482–515 (in Russ.).
8. Mkrtchyan N. V., Florinskaya Y. F. Migration: main trends in January-February 2021. *Monitoring jekonomicheskoy situacii v Rossii: tendencii i vyzovy social'no-jekonomicheskogo razvitiya*, 2021: 10 (142): June: 16–19 (in Russ.).
9. Rivs M. Life in migration: pursuit of “honestly earned money” in the epoch of social inequality. Per. Daur A. In Brednikova O., Abashin S. N. (eds) “Living in two worlds”: rethinking transnationalism and translocality. Coll. of art. Moscow, NLO, 2021: 44–70 (in Russ.).
10. Florinskaya Y. F., Mkrtchyan N. V. Migration to Russia: the Lowest Rate in a Decade. *Jekonomicheskoe razvitie Rossii*, 2021: 1: 28: 50–54 (in Russ.).
11. Florinskaya Y. F. Migration of families with children to Russia: problems of integration (based on sociological surveys of the Center for Migration Research). *Problemy prognozirovaniya*, 2012: 4: 118–126 (in Russ.).
12. Bryceson D., Vuorela U. Transnational families in the twentieth century. In Bryceson D., Vuorela U. (eds) *The Transnational Family: New European Frontiers and Global Networks*. Oxford, Berg, 2002. Accessed 25.03.2022. URL: https://www.researchgate.net/publication/269990597_Transnational_Families_in_the_21_st_Century

13. Glick Schiller N. G., Basch L., Blanc-Szanton C. Transnationalism: A New Analytic Framework for Understanding Migration. In Glick Schiller N. G., Basch L., Blanc-Szanton C. (eds) *Towards a transnational perspective on migration: Race, class, ethnicity, and nationalism reconsidered*. New York, New York Academy of Sciences, 1992: 1–24.
14. Kofman E. Family-related migration: a critical review of European Studies. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 2004: 30: 243–262. DOI: 10.1080/1369183042000200687
15. Moskal M. Transnationalism and the role of family and children in intra-European labour migration. *European Societies*, 2011: 13: 29–50. DOI: 10.1080/14616696.2010.497225
16. Pries L. Transnationalisierung der sozialen Welt? *Berliner Journal Für Soziologie*, 2002: 12(2): 263–72. DOI: 10.1007/BF03204056

The article was submitted on: September 09, 2022

INFORMATIONS ABOUT THE AUTHOR

Tolmacheva Anastasia Yurievna, Candidate of Historical Sciences, Research fellow, Center for the Study of Interethnic Relations, Institute of Sociology of FCTAS RAS

ТЕМА НОМЕРА

МИГРАЦИЯ И ИДЕНТИЧНОСТЬ

DOI: 10.19181/vis.2022.13.3.831

EDN: WRHQXC

**Миграционные процессы в условиях пандемии:
кейс Монголии¹**

Ссылка для цитирования: Актамов И. Г., Винокурова А. В., Григорьева Ю. Г. Миграционные процессы в условиях пандемии: кейс Монголии // Вестник Института социологии. 2022. Т. 13. № 3. С. 70–86. DOI: 10.19181/vis.2022.13.3.831; EDN: WRHQXC

For citation: Aktamov I. G., Vinokurova A. V., Grigoreva J. G. Migration processes in the context of the COVID 19 pandemic: the case of Mongolia. *Vestnik instituta sotziologii*. 2022. Vol. 13. No. 3. P. 70–86. DOI: 10.19181/vis.2022.13.3.831; EDN: WRHQXC

AuthorID РИНЦ: 627018

**Актамов
Иннокентий Галималаевич¹**

¹Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН,
Улан-Удэ, Россия

aktamov13@gmail.com

AuthorID РИНЦ: 492417

**Винокурова
Анна Викторовна¹**

¹Дальневосточный федеральный университет,
Владивосток, Россия

vinokurova77@mail.ru

AuthorID РИНЦ: 923515

**Григорьева
Юлия Геннадьевна¹**

¹Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН,
Улан-Удэ, Россия

grigoreva-yulia23@mail.ru

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и МОКНСМ в рамках научного проекта № 20-511-44003 «Российские и монгольские трудовые мигранты в странах АТР».

Аннотация. В данной статье предпринята попытка дать характеристику миграционных процессов в Монголии в условиях распространения новой коронавирусной инфекции в контексте внутренней и внешней миграции. Современная ситуация на глобальном рынке труда подверглась испытанию, которое исторически явилось первым опытом. Монголия в этом плане не стала исключением. Правительство страны разработало ряд мер, направленных на поддержку населения страны в период пандемии, в том числе и трудовых мигрантов, оказавшихся в тяжёлой жизненной ситуации. Пример Монголии можно рассматривать как типичный с точки зрения мер по противодействию распространения COVID-19. Что же касается мер социальной помощи своим гражданам, то случай Монголии не имел аналогов в мире, поскольку правительство страны и ряд крупных компаний взяли расходы на коммунальные услуги на себя. В предпринятом нами исследовании представлены социально-демографические характеристики внутренних и внешних монгольских мигрантов, а также социально-экономические параметры, свидетельствующие о падении уровня доходов. Кроме того, приводятся данные интервью и описание миграционных стратегий монгольских граждан. Процессы внутренней миграции в Монголии имеют сформировавшиеся характерные тенденции, которые определяются резким разрывом между столицей – Улан-Батором и районами (аймаками) страны. Выявлено, что пандемия послужила стимулом к обратной миграции жителей из столицы в аймаки страны. Это объясняется индивидуальными стратегиями граждан – стремлением исключить контакт с потенциальными больными и изолироваться в условиях монгольской степи. Данная практика носила эпизодический оперативный характер, который в настоящее время практически не используется, однако также является одним из уникальных кейсов реагирования на распространение новой коронавирусной инфекции. В целом, характер и причины миграции монголов носят типичный характер и обусловлены: поиском более оплачиваемой работы, перспективами карьерного роста, улучшением благосостояния, а также связаны с расширением образовательных, культурных, досуговых возможностей и в целом обеспечения будущего детей.

Ключевые слова: миграционные и демографические процессы, внешняя миграция, внутренняя миграция, Монголия, пандемия COVID-19, социально-экономическое развитие, социальное благополучие

Введение

Пандемия COVID-19 затронула не только систему здравоохранения множества стран, но и повлияло на характер как международных, так и внутренних взаимодействий стран и промышленно развитых, и с развивающейся экономикой. 31 декабря 2019 г. бюро Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) в Китайской Народной Республике (КНР) принимает к сведению заявление о случаях «вирусной пневмонии» в г. Ухань, размещённое на официальном сайте Муниципальной комиссии здравоохранения г. Уханя¹.

¹ Хронология действий ВОЗ по борьбе с COVID-19 // Всемирная организация здравоохранения. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/detail/29-06-2020-covid-timeline> (дата обращения: 11.06.2022).

Вирус стремительно начал своё распространение с начала 2020 г., и уже 11 марта этого года ВОЗ, выражая крайнюю обеспокоенность показателями распространения инфекции и тяжестью её последствий, а также недопустимыми масштабами бездействия, сделала заявление о том, что вспышка COVID-19 может быть охарактеризована как пандемия¹.

По прошествии определённого периода времени, мы можем констатировать, что пандемия затронула практически все страны мира, послужила причиной кардинальных социально-экономических трансформаций, изменивших жизненный уклад населения планеты. В фокусе внимания современных общественных наук различные аспекты социальных процессов, в том числе особенности экономического, культурного, психологического воздействия пандемии COVID-19 на человека. Вместе с тем, на сегодняшний день не так много данных, посвящённых проблеме изучения практик адаптации отдельных людей, социальных групп к условиям пандемии. Пандемия существенно затруднила миграционные процессы как на национальном (внутри государств), так и на международном уровне. Вместе с тем, миграция играет принципиально важную роль в развитии различных секторов экономики стран, а также на индивидуально-семейном уровне рассматривается как один из наиболее эффективных механизмов повышения качества жизни. Актуальность обозначенной темы обусловлена необходимостью определения тенденций трансформации общественной жизни, анализа мер, принимаемых со стороны государств и международных организаций для снижения социальной напряжённости в условиях распространения COVID-19 и в пост-пандемическую эпоху.

Методология и методы исследования

Исследование опирается на комплексный научный подход, в рамках которого был проведён анализ официальных статистических данных, результатов научных исследований, а также интервью, полученных при непосредственном участии авторов. В качестве базового теоретико-методологического основания мы используем понимание миграции как особого вида социального взаимодействия населения, вовлечённого в социально-географическое перемещение [3]. Такой подход позволяет учитывать социально-экономические и исторические условия принимающего общества, где происходит адаптация мигрантов, а также характеристики мигрантских сообществ, в том числе место и роль этничности на индивидуальном и групповом уровнях.

¹ Хронология действий ВОЗ по борьбе с COVID-19 // Всемирная организация здравоохранения. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/detail/29-06-2020-covid-timeline> (дата обращения: 11.06.2022).

Влияние COVID-19 на занятость и рабочие места

В условиях пандемии трудовые мигранты оказались одной из наиболее уязвимых социальных групп населения. Введённые меры со стороны правительств ряда стран привели к сужению рынка труда, сокращению штата сотрудников, что автоматически привело к возникновению безработицы. В этих условиях многие мигранты остались без работы, либо были переведены на неполный рабочий график, что сказалось на размере их дохода. Кроме того, большинство трудовых мигрантов оказалось не готовыми к такому резкому изменению ситуации и оказались без так называемой «финансовой подушки» в виде накоплений, которая могла бы смягчить последствия кризиса.

Начало 2020 г. ознаменовалось распространением COVID-19, и многие государства в качестве меры защиты от распространения коронавируса ввели ограничения на перемещения внутри страны и закрыли национальные границы. Международная организация труда (МОТ) сообщает, что в целом доля работников (включая трудящихся-мигрантов), проживающих в странах с ограничениями, связанными с COVID-19, в 2020 г. оставалась высокой – 93% трудовых мигрантов проживали в странах, где, в той или иной форме, введены меры по сокращению рабочих мест в связи с распространением новой коронавирусной инфекции [1].

Далее приведём некоторые статистические данные, отражающие влияние COVID-19 на трудовых мигрантов:

– в 2020 г. почти десятая часть мирового рабочего времени была сокращена по сравнению с IV кварталом 2019 г., что эквивалентно 255 млн рабочих мест с полной занятостью, что в четыре раза больше, чем во время мирового финансового кризиса в 2009 г.;

– по итогам 2020 г. произошла беспрецедентная потеря занятости на 114 млн рабочих мест по сравнению с 2019 г. Глобальный уровень участия в рабочей силе снизился на 2,2% в 2020 г., а мировая безработица увеличилась на 33 млн человек;

– мировой трудовой доход в 2020 г. снизился почти на 1/10 и составил 3,7 трлн долларов США, или 4,4% мирового валового внутреннего продукта (ВВП) [1].

Трудящиеся-мигранты были особенно чувствительны к экономическим потрясениям, вызванным пандемией, поскольку они преимущественно заняты в нестабильных, низкооплачиваемых секторах и зачастую первыми теряли работу. Последние, доступные нам данные исследования рабочей силы МОТ (до третьего квартала 2020 г.) выявили контраст между массовым сокращением рабочих мест в наиболее пострадавших секторах экономики (услуги по размещению и питанию, гостиничный бизнес, туризм, искусство и культура, розничная торговля и строитель-

ство) и увеличением рабочих мест в секторе услуг, требующих более высокой квалификации (информация и связь, финансовая и страховая деятельность и пр.) [1].

Многие трудящиеся-мигранты оказались в затруднительном положении в странах назначения из-за потери работы. Мигранты были исключены из мер социальной поддержки, доступной для граждан стран пребывания. Отдельные государства в этих условиях ослабили ограничения и объявили амнистии нелегальным мигрантам, оказавшимся в стране, чтобы лица с неурегулированным статусом могли законно покинуть страну. Вместе с тем, не все страны открыли свои границы, поэтому значительное количество мигрантов в течение нескольких месяцев оставалось в вынужденной блокаде. Они не могли вернуться домой к своим семьям. Часть мигрантов, которые достигли сухопутных пограничных переходов, вынуждены были оставаться в приграничных городах или разбивать лагеря вблизи КПП.

Влияние COVID-19 на денежные переводы трудовых мигрантов из стран АТР

Потеря доходов и работы, которую испытали трудящиеся-мигранты во время пандемии COVID-19, повлияла на денежные переводы, которые они смогли отправить домой. Так, общие потоки денежных переводов резко снизились в апреле и мае 2020 г., затем последовало медленное, частичное восстановление, начиная с июня 2020 г. COVID-19 серьёзно повлиял на глобальный поток денежных переводов, который показывает стабильный рост с 2000 г. Так, в 2019 г. общий мировой поток денежных переводов достиг 717 млрд долларов США, что примерно на 3% больше, чем в предыдущем году. Однако из-за пандемии COVID-19 денежные переводы показали снижение на 7% или 666 млрд долларов в 2020 году [9].

В Азиатско-Тихоокеанском регионе денежные переводы также показывали рост, и в 2019 г. было зарегистрировано переводов на сумму порядка 315 млрд долларов США. В указанном выше периоде доля Азиатско-Тихоокеанского региона в общемировой оценке достигла 44%. Текущие же оценки Всемирного банка (по данным на октябрь 2020 г.) указывают на сокращение примерно на 7,4% для стран АТР, в результате чего сумма денежных переводов составила менее 290 млрд долларов [5, p. 123].

В 2019 г. Монголия показала самый высокий рост по денежным переводам среди азиатских стран (см. табл. 1).

Данная ситуация, на наш взгляд, объясняется двумя факторами. Во-первых, согласно официальным данным, идёт рост международной трудовой миграции из Монголии. За 10 лет количество мигрантов выросло более чем на 14%. Это было вызвано ростом безработицы внутри страны, в 2019 г. уровень безработицы достигал 10% [7].

Монгольские мигранты преимущественно уезжают в страны с развитой экономикой: Республика Корея, США, государства ЕС. Это позволяет получать более высокие доходы, которые они частично отправляют себе на родину.

Во-вторых, в принимающих странах в последние годы происходит увеличение минимального размера оплаты труда, что напрямую сказывается на доходах мигрантов. Так, в Республике Корея всего лишь за 2 года (2018–2019 гг.) МРОТ был увеличен на 26,4 % [10]. Учитывая, что в Республике Корея находится наибольшее количество трудовых мигрантов из Монголии, можно предположить, что увеличение минимального размера заработной платы непосредственно повлияло на рост денежных переводов.

Таблица 1 (Table 1)

Доля денежных переводов в валовом внутреннем продукте по странам АТР
в период 2000–2020 гг., % ВВП¹

The share of remittances in the gross domestic product for Asia-Pacific countries in the period 2000–2020, % of GDP

Страна	2000	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Бангладеш	3,7	9,4	9,4	10,6	9,2	8,7	7,8	6,1	5,4	5,4	5,8	6,2
Камбоджа	2,8	1,4	1,3	1,2	1,2	2,3	2,2	1,9	5,2	5,8	5,9	5,9
Гонконг, Китай	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1
Индонезия	0,7	0,9	0,8	0,8	0,8	1,0	1,1	1,0	0,9	1,1	1,0	0,9
Япония	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1
Республика Корея	0,8	0,5	0,5	0,5	0,5	0,5	0,5	0,5	0,5	0,5	0,5	0,5
Макао, Китай	-	0,2	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,0	0,0
Малайзия	0,4	0,4	0,4	0,4	0,4	0,5	0,6	0,5	0,5	0,5	0,5	0,4
Монголия	0,1	3,7	2,4	2,6	2,0	2,1	2,2	2,3	2,4	3,5	4,2	4,0
Филиппины	8,5	10,8	10,3	9,8	9,8	10,1	10,2	10,2	10,5	10,2	9,9	8,8
КНР	0,1	0,2	0,2	0,2	0,2	0,3	0,4	0,3	0,2	0,5	0,5	0,4
Таиланд	1,3	1,3	1,4	1,4	1,6	1,6	1,5	1,5	1,5	1,5	1,3	1,2
Вьетнам	4,3	7,1	6,3	6,4	6,4	6,4	6,8	5,8	6,2	6,6	6,5	5,8

Как показывают данные таблицы 1, доля денежных переводов в валовом внутреннем продукте Монголии достаточно высока, по данному показателю Монголия занимает 4 место среди других стран АТР.

По данным Всемирного банка, в 2019 г. Монголия получила 574,4 млн долларов денежных переводов (4,2% по сравнению с ВВП) [2]. В недавнем отчёте Азиатского Банка Развития отмечается, что значительная доля денежных переводов осуществлялась по неофициальным каналам, а некоторые оценки указывают на то, что общий приток денежных

¹ Составлено авторами на основе данных Азиатского банка развития (Asian Development Bank Institute) <https://www.adb.org/>.

переводов может достигать 10% ВВП. Всемирный банк прогнозировал, что в 2020 г. объём денежных переводов может сократиться во всем мире на 20% [12].

Резкое сокращение денежных переводов, вероятно, окажет мультипликативный эффект на экономику стран, включая сокращение иностранных валютных резервов, а также экономическое и психологическое воздействие на трудящихся-мигрантов в результате потери ими работы и последующих проблем с получением средств к существованию. Наряду с трудовыми мигрантами, вынужденно потерявшими работу из-за увольнения в связи с распространением пандемии COVID-19, многие мигранты вернулись домой и бросили работу из-за опасений, связанных с нею. Это решение отражает тот факт, что временные трудовые договоры и неофициальная работа не обеспечивают трудящимся-мигрантам финансовой стабильности или даже возможности откладывать деньги для компенсации потери источника дохода. Об этом свидетельствует опрос трудящихся-мигрантов в странах АТР (данные Международной организации труда): 47% респондентов уволились с работы добровольно. Вместе с тем, согласно проведённому опросу, одной из основных причин послужило беспокойство по поводу процедуры оформления документов и закрытия границ, а также тревога за свои семьи в условиях пандемии. То же исследование показало, что только 3% трудящихся-мигрантов получали социальное обеспечение в стране назначения – это также могло быть связано с решением вернуться домой [6].

Монголия: основные тенденции международной миграции

По данным переписи населения 2020 г., 122,3 тыс. монголов проживают за границей в течение 6 месяцев и более, из них 58,8% живут и работают в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Из всех проживающих за границей монголов:

- 34,2% выехали на учебу;
- 32,0% на работу (из них 20,6% самозанятые; 10,4% работают; 1,0% находятся в командировках);
- 12,6% остаются по семейным обстоятельствам;
- 11,7% проживают постоянно;
- 9,5% находятся за рубежом по другим причинам¹.

Типичный монгольский мигрант – это молодой человек, имеющий образование и соответствующую квалификацию, переезжающий в поисках более оплачиваемой работы и обеспечения более высокого уровня жизни для себя и членов своей семьи.

¹ 2020 Population and Housing Census of Mongolia. Ulaanbaatar: National Statistics Office of Mongolia, 2021. P. 147.

По данным Переписи населения 2020 г., основными направлениями миграции монгольских граждан в АТР стали такие государства, как: Республика Корея, США, Китай, Япония, Австралия и Россия (см. рис. 1).

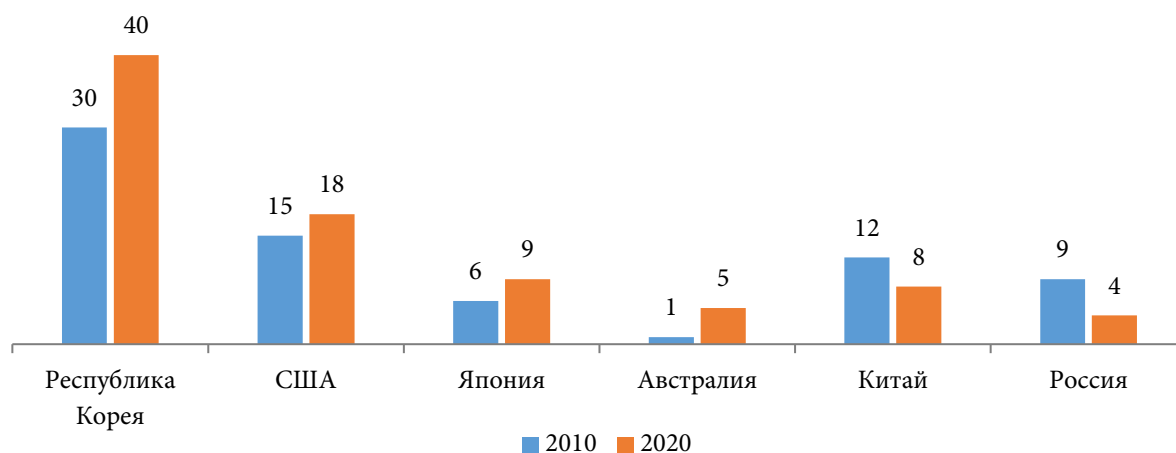

Рис. 1 Численность монгольских граждан, находящихся в странах АТР, тыс. чел.¹

Figure 1. The number of Mongolian citizens in the Asia-Pacific countries, thousand people

Монголы, оказавшиеся за границей во время пандемии COVID-19, столкнулись с рядом серьезных проблем. Финансовые ограничения, в основном, были связаны с потерей работы и нелегальным статусом, который не мог гарантировать меры поддержки от властей.

Деятельность правительства Монголии по поддержке соотечественников – трудовых мигрантов

Для предотвращения распространения пандемии COVID-19 правительство Монголии с марта 2020 г. приостановило все регулярные входящие и исходящие рейсы из/в Монголию и закрыло сухопутные границы с Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой. Правительство Монголии разрешило только специальные репатриационные рейсы, которые выполнялись в соответствии со строгими правилами на борту с экипажами, включающими врачей и эпидемиологов. В ходе осуществления таких рейсов на родину вернулось более 30 тыс. граждан Монголии. Количество чартерных рейсов и количество репатриантов строго регулировалось в прямой зависимости от вместимости специализированных пунктов, где все прибывшие обязаны были находиться на карантине в течение 21 дня. Значительное число возвратившихся монголов выезжало за границу на сезонную, временную или постоянную работу, отправляя денежные переводы, которые поддерживали оставшихся членов семьи.

¹ Составлено авторами на основе данных Монгол Улсын Үндэсний Статистикийн Хороо (Национального статистического комитета Монголии) <https://1212.mn>.

Министерство иностранных дел в сотрудничестве с Международной организацией по миграции возвратило более 1000 монгольских мигрантов, оказавшихся в наиболее бедственном положении за границей из-за COVID-19. По возвращении многие из репатриантов пытались реинтегрироваться в общество, найти работу. В связи с этим Международная организация по миграции совместно с правительством Монголии реализует программу предоставления расширенных услуг по реинтеграции репатриантов на сумму более 3,2 млн долларов США [12]. Например, были разработаны бесплатные онлайн-курсы для обучения навыкам ведения малого бизнеса, которые получили большую поддержку со стороны муниципалитета Улан-Батора. Эта инициатива является одной из мер правительства, разработанной в Плане социально-экономического реагирования ООН в Монголии (SERP) и Плане действий правительства в связи с COVID-19, который направлен на обеспечение безопасного возвращения монгольских мигрантов.

В период COVID-19 в Монголию прибыло около 30 000 репатриантов, из которых 76% испытали значительное снижение доходов своих домохозяйств после возвращения в Монголию. Более 64% репатриантов мигрировали по экономическим причинам, в основном для поиска краткосрочных и долгосрочных возможностей трудоустройства [12].

Дополним, что 28,4% от общей численности населения Монголии уже находятся за чертой бедности, ещё 14,9% вскоре могут быть причисленными к данной категории, по причине инфляции, роста безработицы, ухудшения состояния здоровья и т. д.¹

Соответственно, снижение и прекращение исходящей миграции из Монголии может иметь тяжёлые социально-экономические последствия. Без соответствующей социальной поддержки мигранты могут оказаться в затруднительном положении при возвращении на родину.

Как отмечалось выше, значительное число монголов выезжало за границу на сезонную, временную или постоянную работу. Заработанные средства отправлялись на родину для поддержки оставшихся членов семьи. Эти денежные переводы покрывают основные расходы на проживание, здравоохранение, социальное обеспечение и образование членов семей, оставшихся в Монголии, и играют важную роль в сдерживании внутренней безработицы. Следовательно, функционирование быстрых, безопасных и экономически выгодных механизмов переводов денежных средств является одним из условий защиты мигрантов.

Международная организация по миграции в Монголии в сотрудничестве с Советом монголов за рубежом – крупнейшей ассоциацией монгольской диаспоры – провела исследование, направленное на описание и оценку диаспоры монголов, проживающих за границей. В связи с пандемией COVID-19 и её влиянием на местные и международные сообщества отме-

¹ См. подробнее: Монголия. Доля бедного населения // Мировой атлас данных. URL: <https://knoema.ru> (дата обращения: 14.04.2022). Монгол Улсын Статистикийн Эмхэтгэл. 2019 (Монгольский статистический ежегодник. 2019) // Монгол Улсын Үндэсний Статистикийн Хороо (Национальный статистический комитет Монголии). URL: <https://www.1212.mn/BookLibraryDownload.ashx?url=Yearbook-2019.pdf&ln=Mn> (дата обращения: 15.04.2022).

чается возросшая активность и готовность диаспоры оказывать поддержку согражданам за границей, а также вносить свой вклад в социальные проекты в стране. В рамках этой деятельности МОМ определила 81 инициативную группу, которые регулярно проводят мероприятия для монголов за границей с целью поддержки и оказания консультаций соотечественникам по различным вопросам, особенно возросшим в ковидный период.

Консульский отдел Министерства иностранных дел Монголии проводил активную работу с компанией MIAT («Монгольские авиалинии») – национальным авиаперевозчиком – и Ассоциацией туризма, чтобы способствовать организации возвращения граждан Монголии на родину. Министерство также начало сотрудничество с World Wanderers Group, (группой в Facebook), у которой более 600 000 подписчиков, для реализации социальной кампании под названием «Давайте путешествовать ответственно», чтобы повысить осведомлённость и ответственность монгольских граждан за границей, большая часть из которых является трудовыми мигрантами.

Краткая характеристика внутренней миграции в Монголии

Миграция является ключевым фактором, способствующим изменению административного устройства и демографических показателей. За последние 30 лет усилилась как внутренняя, так и внешняя миграция, произошли изменения в численности и структуре населения на уровне поселений, районных центров, столицы. С переходом к рыночной экономике люди переезжали из сельской местности в города в поисках возможности получить образование, работу. В соответствии со статьей 16 Конституции Монголии провозглашается, что «гражданам Монголии гарантируется привилегия пользоваться правом на свободу передвижения по стране и свободу выбора места жительства, право на выезжать или проживать за границей, а также возвращаться на Родину»¹. Это создаёт благоприятные законодательные условия для добровольного участия граждан в миграции.

Согласно имеющимся статистическим данным, миграционный поток в сторону Улан-Батора оставался доминирующим по сравнению с другими регионами Монголии. Значительную часть жителей столицы (76,3%) составляют люди, переехавшие из другого места².

Транспортная сеть, соединяющая Улан-Батор с другими регионами Монголии через железные и автомобильные дороги, а также горнодобывающие предприятия Ою-Толгой и Таван-Толгой являются основными катализаторами развития городских районов. По этим причинам 14,4% жителей переехали в центральные аймаки страны.

¹ См. подробнее: Конституция Монголии, принята 13.01.1992 // Конституции государств (стран) мира. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=33> (дата обращения: 20.06.2022).

² См. подробнее: Монгол Улсын Статистикийн Эмхэтгэл. 2019 (Монгольский статистический ежегодник. 2019) // Монгол Улсын Үндэсний Статистикийн Хороо (Национальный статистический комитет Монголии). URL: <https://www.1212.mn/BookLibraryDownload.ashx?url=Yearbook-2019.pdf&ln=Mn> (дата обращения: 15.04.2022).

В Центральный (Тов) и Хангайский аймаки, в основном, прибывают из Западного и Восточного районов, а в Улан-Батор – из Центрального и Хангайского аймаков, что делает эти два района транзитными местами для миграции (см. табл. 2).

Таблица 2 (Table 2)

Численность мигрантов по месту рождения и проживания на момент переписи 2020 г., %¹

Number of migrants by place of birth and residence at the time of the 2020 census, %

Регион рождения	Всего	Регион постоянного проживания на момент переписи					Миграционный отток
		Западный	Хангай	Центральный	Восточный	Улан-Батор	
Западный	19,2	98,6	3,9	7,1	1,1	11,0	33,0
Хангай	23,2	0,4	92,5	5,7	0,8	10,8	28,2
Центральный	17,8	0,3	1,5	81,6	1,2	8,9	21,2
Восточный	9,3	0,1	0,3	1,5	95,2	4,2	10,5
Улан-Батор	30,3	0,6	1,7	4,0	1,7	64,6	5,8
За рубеж	0,2	0,0	0,1	0,1	0,0	0,5	1,3
Миграционный приток	-	0,9	6,7	14,4	1,7	76,3	100,0

Данные, представленные в таблице 2, показывают, что миграционный отток произошёл во всех регионах, кроме Улан-Батора. За последние 5 лет численность населения Улан-Батора достигла 1 256,4 тыс. чел., увеличившись на 29,4 тыс. чел. за счёт миграционного притока. Регионами с наибольшим чистым миграционным оттоком являются Хангайский и Западный районы.

Внутренняя миграция обусловлена «выталкивающими» факторами, действующими в сельской местности. Сюда можно отнести низкий доход, высокий уровень бедности, социальную незащищённость. Также влияние оказывают «притягивающие» факторы, характерные для города: доступ к качественному образованию, лучшие перспективы трудоустройства. Экономические факторы были и остаются главной движущей силой миграции. Это касается примерно 60% мигрантов, которые связывали свой переезд в город с трудоустройством и высоким уровнем дохода [4].

Если говорить о причинах миграции в Монголии из сельской местности в столицу, то можно отметить следующее (см. табл. 3).

¹ Составлено авторами на основе: 2020 Population and Housing Census of Mongolia. Ulaanbaatar: National Statistics Office of Mongolia, 2021. P. 43.

Таблица 3 (Table 3)

Причины миграции в Улан-Батор из сельской местности, %¹*Reasons for migration to Ulaanbaatar from rural areas, %*

Причина	Зарегистрированные мигранты	Незарегистрированные мигранты	Общий %
Лучшие возможности для трудоустройства или ведения бизнеса	35,0	45,0	38,5
Улучшение условий жизни	22,4	18,3	21,0
Отсутствие жилья в регионе рождения	0,4	0,4	0,4
Отсутствие предметов/услуг первой необходимости	1,1	0,2	0,8
Брак	1,6	1,3	1,5
Переезд с членом семьи	6,0	3,3	5,1
Лучшая жизнь для своих детей	7,4	4,4	6,4
Здоровье/лечение	3,1	3,1	3,1
Другое	23,0	24,0	22,0

Имеющиеся количественные данные можно дополнить показательными цитатами из интервью, которые мы получили в ходе сбора полевых материалов зимой 2021–2022 гг.

«... я приехала из Увурхангайского аймака с мужем и пятью детьми. В нашем сомоне нет работы. После переезда мой муж нашел работу в городе, а я присматриваю за нашими детьми. Я не умею читать и писать, так как я проучилась только в первом классе, и у меня нет образования. Я не могу найти работу, поэтому остаюсь дома с детьми...» (жен., 35 лет).

«... я переехала из сомона Баруунтуруу Увс аймака. У меня трое сыновей. Цель моего переезда – это получение детьми хорошего образования, которое позволит им лучше устроиться в жизни. В сомоне работы нет. Мы уже два года как переехали в город. Я хотела найти работу, обеспечить семью, а также быть рядом со своими детьми...» (жен., 40 лет).

В целом, можно утверждать, что основным фактором миграции является большой разрыв в уровне социально-экономического развития между столицей и аймаками.

Влияние COVID-19 на социально-экономическое положение граждан Монголии

Пандемия COVID-19 затронула секторы розничной и оптовой торговли, включая рынки, торговые центры и сопутствующие услуги, в которых занята большая часть рабочей силы, особенно женщины, молодёжь и другие социально уязвимые категории населения, включая мигрантов.

¹ Составлено авторами на основе: Mongolia: Migration and Employment Study // IOM UN MIGRATION. URL: <https://publications.iom.int/books/mongolia-migration-and-employment-study> (дата обращения: 20.06.2022).

Оперативные меры со стороны работодателей включали сокращение заработной платы, сокращённый рабочий день и схемы удалённой работы (см. табл. 4).

Таблица 4 (Table 4)

Изменение условий и режима труда и занятости, связанных с пандемией COVID-19, %¹
Changes in the conditions and regime of work and employment associated with the COVID-19 pandemic, %

Статус работы	Зарегистрированные мигранты	Незарегистрированные мигранты	Лица, не являющиеся мигрантами	Общий %
Работаю из дома	13,2	9,9	7,1	9,9
Оплачиваемый отпуск	8,5	3,5	3,3	5,3
Неоплачиваемый отпуск	11,9	19,9	7,1	11,1
Работа по сокращенному графику	32,9	34,0	38,0	3,4
Дополнительное рабочее время	4,1	5,0	3,8	4,1
Другие	1,6	2,1	2,5	2,1

Дополним, что исследование, проведённое Национальной торгово-промышленной палатой Монголии, выявило «чрезвычайно высокое» или «высокое» воздействие COVID-19 на деятельность предприятий и организаций. На это указали 60% и 32% опрошенных руководителей соответственно. Наиболее частой причиной потери работы является невозможность добраться до места работы из-за запрета на поездки, введённого в связи с COVID-19. Следующая по популярности причина – это прекращение деятельности предприятий и организаций [7]. Для 3,2% мигрантов средняя заработная плата увеличилась примерно на 272 000 тугриков (95 долларов США). С другой стороны, у 36,3% основных работников средняя заработная плата снизилась примерно на 580 000 тугриков (203 доллара США). У опрошенных произошло общее снижение заработной платы на 43,3%. Самое большое снижение зарплаты наблюдалось у зарегистрированных мигрантов, на это указали 46,4% [11].

Выводы

В рамках данного исследования нами была предпринята попытка охарактеризовать особенности миграционной ситуации в Монголии в условиях пандемии. Правительство Монголии разработало ряд мер, способствовавших смягчению кризисных явлений как для граждан, проживающих постоянно в пределах своей страны, так и для международных мигрантов.

¹ Составлено авторами на основе: Mongolia: Migration and Employment Study // IOM UN MIGRATION. URL: <https://publications.iom.int/books/mongolia-migration-and-employment-study> (дата обращения: 20.06.2022).

Рост численности населения трудоспособного возраста в настоящее время является одним из основополагающих факторов, способных оказать позитивное влияние на улучшение социально-экономической ситуации в стране. Вместе с тем, сам по себе высокий процент рабочей силы не может являться единственным условием обеспечения запросов в кадрах. Квалифицированная рабочая сила занимает отдельные сегменты в производстве. В этом плане возникает потребность в замещении сотрудников иностранной рабочей силой в тех секторах, где не требуется высокая квалификация.

С точки зрения миграционных процессов Монголия может представлять уникальный кейс, который характеризуется своими особенностями. Во-первых, социально-экономическая сфера Монголии характеризуется такими параметрами, как высокий процент трудоспособного населения (средний возраст составляет 28 лет), рост безработицы, ориентация на горнорудную промышленность – Оюу Толгой и Таван Толгой, которые являются основными источниками пополнения государственного бюджета. Во-вторых, социальная активность населения характеризуется высокой готовностью к смене места жительства как внутри страны, так и за её пределами, в первую очередь в АТР.

Библиографический список

1. Вестник МОТ: COVID-19 и сфера труда. Седьмой выпуск. Обновленные оценки и анализ // Международная организация труда. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---europe/---ro-geneva/---sro-moscow/documents/briefingnote/wcms_767671.pdfhttps://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---europe/---ro-geneva/---sro-moscow/documents/briefingnote/wcms_767671.pdf (дата обращения: 14.06.2022).
2. От кризиса – к экологичному, устойчивому и инклюзивному восстановлению. Годовой отчет. 2021 // World Bank Group. URL: <https://www.worldbank.org/en/about/annual-report#anchor-annual> (дата обращения: 17.06.2022).
3. Юдина Т. Н. Социология миграции: к формированию нового научного направления. М.: Дашков и Ко, 2004. 397 с.
4. Big data, migration and human mobility // Migration Data Portal. URL: <https://www.migrationdataportal.org/themes/big-data-migration-and-human-mobility> (дата обращения: 20.06.2022).
5. Labor Migration in Asia: Covid-19 Impacts, Challenges, and Policy Responses. Tokyo: Asian Development Bank Institute, 2021. 148 p.
6. Migration & Socio-Economic Impact of COVID-19: Assessment of Return Communities in Nepal // IOM UN MIGRATION. URL: https://eea.iom.int/sites/g/files/tmzbdl666/files/documents/COVID_19_Nepal_Assessment_Report.pdf (дата обращения: 14.05.2022).
7. Mongolia: Migration and Employment Study // IOM UN MIGRATION. URL: <https://publications.iom.int/books/mongolia-migration-and-employment-study> (дата обращения: 20.06.2022).

8. Potential Responses to the COVID-19 Outbreak in Support of Migrant Workers // World Bank Group. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/33625/Potential-Responses-to-the-COVID-19-Outbreak-in-Support-of-Migrant-Workers-May-26-2020.pdf?sequence=5&isAllowed=y> (дата обращения: 21.06.2022).

9. Remittances in Crisis: How to Keep Them Flowing // KNOMAD. URL: https://www.knomad.org/covid-19-remittances-call-to-action/documents/call_to_action_stocktaking_report.pdf (дата обращения: 17.04.2022).

10. Real minimum wages // Organization for Economic Co-operation and Development. URL: <https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=RMW> (дата обращения: 23.06.2022).

11. The Impact of COVID-19 on Migrants in Asia and the Pacific Rethinking Resilience // American People through the United States Agency for International Development (USAID). URL: <https://www.integralc.com/wp-content/uploads/2021/02/AEO-Migration-and-COVID-19-Redacted-Report-FINAL-1.pdf> (дата обращения: 20.06.2022).

12. Voluntary GCM Review – Mongolia Conducted to contribute to the International Migration Review Forum (IMRF) on 10–13 May 2022 in New York // IOM UN MIGRATION. URL: <https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/imrf-mongolia.pdf> (дата обращения: 14.05.2022).

Получено редакцией: 20.07.22

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Актамов Иннокентий Галималаевич, кандидат педагогических наук, PhD, заведующий лабораторией «Центр переводов с восточных языков», Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

Винокурова Анна Викторовна, кандидат социологических наук, доцент, доцент Департамента социальных наук Школы искусств и гуманитарных наук, Дальневосточный федеральный университет

Григорьева Юлия Геннадьевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела истории и культуры Центральной Азии, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

DOI: 10.19181/vis.2022.13.3.831

EDN: WRHQXC

Migration Processes in the Context of the COVID-19 Pandemic: The Case of Mongolia¹

Innokentii G. Aktamov

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of SB RAS, Ulan-Ude, Russia

E-mail: aktamov13@gmail.com

ORCID ID: 0000-0002-8646-1048

¹ The reported study was funded by RFBR and MECSS, project number 20-511-44003 «Russian and Mongolian migrant workers in the Asia-Pacific region».

Anna V. Vinokurova

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

E-mail: vinokurova77@mail.ru

ORCID ID: 0000-0001-6415-4680

Julia G. Grigoreva

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of SB RAS, Ulan-Ude, Russia

E-mail: grigoreva-yulia23@mail.ru

ORCID ID: 0000-0003-4267-2465

For citation: Aktamov I. G., Vinokurova A. V., Grigoreva J. G. Migration processes in the context of the COVID 19 pandemic: the case of Mongolia. *Vestnik instituta sotziologii*. 2022. Vol. 13. No. 3. P. 70–86. DOI: 10.19181/vis.2022.13.3.831; EDN: WRHQXC

Abstract. The article attempts to characterise the migration processes in Mongolia during the spread of a new coronavirus infection in the context of internal and external migration. The current situation in the global labour market has been put to the test of this extent for the first ever time. Mongolia is no exception in this regard. The government has developed a number of measures aimed at supporting the population of the country during the pandemic, including labour migrants who found themselves in a difficult life situation. The example of Mongolia can be seen as typical in terms of measures to counter the spread of COVID-19. As for the measures of social assistance to its citizens, the case of Mongolia had no analogues in the world, since the government of the country and a number of large companies took over the costs of utility bills. Our study presents the socio-demographic characteristics of internal and external Mongolian migrants, as well as socio-economic parameters that indicate a drop in income levels. In addition, interview data and a description of the migration strategies of Mongolian citizens are given. The processes of internal migration in Mongolia have formed characteristic trends, that are determined by a sharp gap between the capital – Ulaanbaatar and the country districts (aimags). The study revealed that the pandemic served as an incentive for the return migration of residents from the capital to the aimags. This is due to the individual strategies of citizens – the desire to avoid contact with the potentially infectious people and isolate themselves in the Mongolian steppe. This practice was of an episodic operational nature, and is currently almost not used, but is also one of the unique cases of responding to the spread of a new coronavirus infection. In general, the nature and reasons for the migration of the Mongolians are typical and are due to: the search for a better paid job, career prospects, improved well-being, and are also associated with the expansion of educational, cultural, leisure opportunities and, in general, ensuring the future of children.

Keywords: migration and demographic processes, external migration, internal migration, Mongolia, COVID-19 pandemic, socio-economic development, social well-being

References

1. ILO Monitor: COVID-19 and Uncertain and Uneven Recovery Expected Following Unprecedented Labour Market Crisis. 7th edition. ILO. Accessed 14.06.2022. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---europe/---ro-geneva/---sro-moscow/documents/briefingnote/wcms_767671.pdfhttps://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---europe/---ro-geneva/---sro-moscow/documents/briefingnote/wcms_767671.pdf (in Russ.).
2. From Crisis to Green, Resilient and Inclusive Recovery. Annual Report 2021. World Bank Group. Accessed 17.06.2022. URL: <https://www.worldbank.org/en/about/annual-report#anchor-annual> (in Russ.).
3. Yudina T. N. Sociologiya migracii: k formirovaniyu novogo nauchnogo napravleniya. [Sociology of Migration: Formation of the New Scientific Trend]. Moscow, Dashkov&Co, 2004: 397 (in Russ.).
4. Big data, migration and human mobility. Migration Data Portal. Accessed 20.06.2022. URL: <https://www.migrationdataportal.org/themes/big-data-migration-and-human-mobility>
5. Labor Migration in Asia: Covid-19 Impacts, Challenges, and Policy Responses. Tokyo, Asian Development Bank Institute, 2021: 148.
6. Migration & Socio-Economic Impact of COVID-19: Assessment of Return Communities in Nepal. IOM UN MIGRATION. Accessed 14.05.2022. URL: https://eea.iom.int/sites/g/files/tmzbdl666/files/documents/COVID_19_Nepal_Assessment_Report.pdf
7. Mongolia: Migration and Employment Study. IOM UN MIGRATION. Accessed 20.06.2022. URL: <https://publications.iom.int/books/mongolia-migration-and-employment-study>

8. Potential Responses to the COVID-19 Outbreak in Support of Migrant Workers. World Bank Group. Accessed 21.06.2022. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/33625/Potential-Responses-to-the-COVID-19-Outbreak-in-Support-of-Migrant-Workers-May-26-2020.pdf?sequence=5&isAllowed=y>
9. Remittances in Crisis: How to Keep Them Flowing. KNOMAD. Accessed 17.04.2022. URL: https://www.knomad.org/covid-19-remittances-call-to-action/documents/call_to_action_stocktaking_report.pdf
10. Real minimum wages. Organisation for Economic Co-operation and Development. Accessed 23.06.2022. URL: <https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=RMW>.
11. The Impact of COVID-19 on Migrants in Asia and the Pacific Rethinking Resilience. American People through the United States Agency for International Development (USAID). Accessed 20.06.2022. URL: <https://www.integrallc.com/wp-content/uploads/2021/02/AEO-Migration-and-COVID-19-Redacted-Report-FINAL-1.pdf>
12. Voluntary GCM Review – Mongolia Conducted to contribute to the International Migration Review Forum (IMRF) on 10–13 May 2022 in New York. IOM UN MIGRATION. Accessed 14.05.2022. URL: <https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/imrf-mongolia.pdf>

The article was submitted on: July 20, 2022

INFORMATIONS ABOUT THE AUTHORS

Innokentii G. Aktamov, Candidate of Pedagogical Sciences, PhD,
Head of the Centre for Oriental Languages Translation, Institute for Mongolian,
Buddhist and Tibetan Studies of SB RAS

Anna V. Vinokurova, Candidate of Sociological Sciences, Docent,
Associate Professor at the Department of Social Sciences,
School of Arts and Humanities, Far Eastern Federal University

Julia G. Grigoreva, Candidate of Historical Sciences, Researcher at the Department
of History and Culture of Central Asia, Institute for Mongolian,
Buddhist and Tibetan Studies of SB RAS

ГРАЖДАНСКАЯ АКТИВНОСТЬ И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

DOI: 10.19181/vis.2022.13.3.832
EDN: WVMOVV

Приватность в сети и цифровая покорность: исследование аудитории интернет

Ссылка для цитирования: Назаров М. М. Приватность в сети и цифровая покорность: исследование аудитории интернет // Вестник Института социологии. 2022. Т. 13. № 3. С. 87–107. DOI: 10.19181/vis.2022.13.3.832; EDN: WVMOVV

For citation: Nazarov M. M. Online Privacy and Digital Submissiveness: A Study of the Internet Audience. *Vestnik instituta sotziologii*. 2022. Vol. 13. No. 3. P. 87–107. DOI: 10.19181/vis.2022.13.3.832; EDN: WVMOVV

Назаров Михаил Михайлович¹

¹Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

vy175867@yandex.ru

AuthorID ПИНЦ: 74313

Аннотация. Технологическая природа интернета предопределяет прозрачность многих практик поведения в сети и актуализирует проблематику приватности в онлайн среде. В работе приводятся результаты анализа отношения к онлайн-приватности в российском обществе. Эмпирическую основу составляют данные исследования, проведенного в Москве в 2021 г. Показано, что в практику российской аудитории интернет широко вошли действия, связанные с оставлением персональных данных в сети. Большинство респондентов (84%) разделяют представления о том, что доступ к их персональным данным, их обработка и использование должны осуществляться на основе согласия пользователей. Подобные установки сочетаются с низкой информированностью о сути использования персональных данных, а также с опытом их нелегитимного использования со стороны третьих лиц. По всей видимости, эти обстоятельства стали основанием того, что более 60% опрошенных указали на свою озабоченность вопросами безопасности в сфере онлайн-приватности. Приватность в цифровой среде испытывает влияние технологической эволюции медиа, с одной стороны, и политико-экономических и социокультурных факторов их использования – с другой. В этой связи на российской эмпирической базе были верифицированы известные в мировой литературе теоретико-прикладные концепции парадокса цифровой приватности и цифровой покорности. Выявлено противоречие между широким распространением обеспокоенности конфиденциальностью персональных данных и невысокими усилиями по обеспечению их защиты. В группе обеспокоенных безопасностью персональных данных 30% пользователей в своем реальном поведении онлайн не предпринимало никаких шагов в этом направлении. В рамках

исследования зафиксированы проявления феномена цифровой покорности, сопряженного с установкой на «неизбежность» принятия новых координат приватности, которые несет с собой мир интернета. Отсутствие действий по защите персональных данных (при общей обеспокоенности этим вопросом) оказывается сопряженными с неверием в защиту онлайн-приватности. В целом по массиву 40% респондентов были согласны с тем, что «слишком поздно защищать персональные данные, вся информация обо мне уже есть в интернете». С помощью регрессионного анализа определены индикаторы, коррелирующие с такими оценками. Результаты работы могут быть использованы при выработке оптимальных решений по обеспечению безопасности персональных данных – области, где на сегодня сталкиваются интересы личности, общества, бизнеса, государства.

Ключевые слова: приватность онлайн, персональные данные, интернет, частное и публичное, медиа, конфиденциальность, парадокс приватности, цифровая покорность

Жизнь современного человека трудно представить вне разнообразных практик в цифровой среде. Одной из особенностей коммуникационных технологий в интернет является широкое использование данных о пользователях. Это создаёт основу для функционирования множества удобных пользовательских сервисов. Вместе с тем, объективно повышается значимость вопросов конфиденциальности персональных данных, обеспечения приватности в сети. История показывает, что представления о приватности так или иначе соотносятся с прогрессом коммуникативных технологий. Не является исключением и нынешняя ситуация. Наряду с высоким уровнем обеспокоенности людей вопросами безопасности персональных данных, мы наблюдаем и другой феномен – т. н. «цифровой покорности». Суть его состоит в том, что существенная часть аудитории считает неизбежным потерю приватности в сети. Результаты исследования интернет-практик аудитории в этой области обсуждаются в статье.

Теоретико-методологические основания исследования

В самом общем плане приватность является близка по смыслу таким понятиям как право на частную жизнь, конфиденциальность. Сфера приватности предполагает автономию индивида, но не его изолированность. Здесь формируются и развиваются способности, вкусы, стиль жизни – уникальность индивида, создающая основу коллективных взаимодействий в публичной сфере [3, с. 343]. Показательной в этой связи является оценка З. Баумана: «Если полная свобода – скорее мысленный эксперимент, нежели практический опыт, то свобода в менее концентрированной форме практикуется под именем «приватности». Приватность – это право предотвращать вторжение других людей (как индивидов или как агентов какой-то надындивидуальной инстанции) в конкретные места, в конкретные моменты или в конкретные занятия» [1, с. 99]. Согласно К. Фуксу, приватность правомерно также рассматривать как аспект безопасности [8, р. 8].

Исследование трансформаций, происходящих в области частного (и сопряжённой с ним области публичного) позволяет лучше понять направления долгосрочных социальных изменений в обществе. Это особенно актуально в связи с бурным развитием коммуникационных технологий и формированием всеобъемлющей цифровой среды. Здесь информационное взаимодействие индивидов, групп, институтов приобретают новые «измерения» в части приватности. Применительно к информационной приватности далее будем опираться на одно из наиболее распространённых определений, принадлежащих А. Вестину: «Приватность – это требование отдельных лиц, групп или учреждений самостоятельно определять, когда, как и в какой степени информация о них передается другим» [15, р. 7].

Современные концепции частного / публичного являются результатом осмысления норм и практик национального государства, политико-экономических прав, присущих капитализму и демократии. Представления об этом изменяются во времени. По мнению Ю. Хабермаса, в условиях раннебуржуазной эпохи частная жизнь «проживалась» как в профессиональной, так и семейной сферах. По мере развития капитализма профессиональная сфера становится некоторой «квази-публичной» областью, тогда как сфера частного «сжимается» до размеров семьи. Причём частная автономия всё в большей степени относится к области потребления и досуга [5, с. 223–225, 344]. Однако здесь за счёт роста пропагандистского влияния медиа область частного оказывается всё менее защищённой, по крайней мере, в эмоциональном плане [5, с. 229].

Ключевой технологический фактор, который привнёс новые измерения в проблематику приватности связан с развитием интернет среды и новейших медиа – социальных сетей, видеохостингов, поисковых систем, мессенджеров. Благодаря интерактивности и другим инновациям, поведение в интернете становится всё более прозрачным, причём фиксируется это посредством т. н. персональных данных¹. С одной стороны, речь идёт о персональных данных, которые конечные пользователи оставляют при регистрации на тех или иных сервисах. С другой – технологическая организация деятельности интернет-платформ такова, что здесь по определению происходит мониторинг или отслеживание поведения пользователя в сети при «рыхлом» согласии или практически без согласия с его стороны². Именно в этой связи возникает область актуальной напряжённости по вопросу приватности в сети.

¹ Наше понимание персональных данных опирается на трактовку, содержащуюся в ведущем европейском документе в этой области – Общем регламенте защиты данных (GDPR – General Data Protection Regulation). Здесь персональные данные определяются как любая информация, касающаяся идентифицируемого физического лица. Последний может быть идентифицирован прямо или косвенно, в частности, посредством ссылки на такие идентификаторы, как имя, идентификационный номер, данные о местоположении, онлайн-идентификатор или на один или несколько факторов, характеризующих физические, физиологические, генетические, психические, экономические, культурные или социальные особенности личности. General Data Protection Regulation. GDPR. 2018. <https://gdpr-info.eu/> (дата обращения: 04.12.2021).

² Это обусловлено тем, что цифровое устройство пользователя имеет т. н. IP адрес, позволяющий идентифицировать компьютер, смартфон, смарт-ТВ, игровую приставку; для этого используются уникальные идентификаторы – файлы Куки, трекинговые пиксели и прочие технологические решения для фиксации контактов с контентом и рекламой или с другими целями.

Одной из важных посылок нашей работы является представление о социальном характере приватности. Это понятие предполагает наличие «другого» субъекта, которому информация предоставляется или не предоставляется, и который может иметь или не иметь одинаковых ожиданий от её раскрытия и сокрытия [14]. Причём в качестве такого субъекта могут выступать индивид, группа, организация. Структурирование приватной информации может быть обусловлено принятыми социальными нормами и связано, зачастую, с властными отношениями и вопросами социального контроля. Немаловажно и то, что доминирующая ныне либеральная концепция приватности делает исключительный акцент на индивидуальных правах. По справедливому замечанию критиков, в стороне остаётся вопрос о том, что эти ценности нарушаются посредством корпоративного мониторинга и надзора за пользователями [12, р. 158]. Причём возможности эти существенно возрастают в условиях всеобъемлющего распространения интернет-медиа-среды.

В последние два десятилетия в мировой науке вопросы прикладного изучения приватности в онлайн-среде получили достаточно серьёзную разработку. Эта тема является междисциплинарной областью, которая привлекает внимание специалистов, занятых в сфере социологии, социальной психологии, исследований медиа-коммуникаций и других смежных дисциплин. Остановимся далее на результатах исследования т. н. парадокса приватности, имеющего непосредственное отношение к предмету нашего анализа.

В чём состоит содержание данного явления? Согласно эмпирическим исследованиям, далеко не всегда наблюдается положительная связь между субъективной важностью приватности и поведением индивидов в сети. Фактически, несмотря на высокую озабоченность вопросом приватности, реальное поведение пользователей в сети оказывается существенно более «мягким» или вовсе говорит об обратном. Ситуация, при которой фиксируется разрыв между отношением к приватности и фактическим поведением получила название парадокса приватности. В работе С. Кюколакиса предложена одна из наиболее полных систематизаций исследований, посвящённых анализу «разрывов» между заявленным и фактическим поведением в отношении их персональных данных в сети интернет [13]. Объяснения этого группируются вокруг нескольких содержательных подходов.

Если рассматривать действия индивидов как экономических агентов, то ожидаемые потери конфиденциальности следует соотносить с потенциальными выгодами раскрытия. Фактическое поведение индивидов определяется компромиссом, в основе этого лежит рациональный расчёт. В опоре на социально-психологический ракурс анализа акцент делается, среди прочего, на т. н. эвристиках аффекта, поскольку индивиды склонны недооценивать риски конфиденциальности, связанные с вещами, которые им нравятся, например, удобными интернет-сервисами. Разрыв в установках и поведении может быть обусловлен и тем, что преимущества раскрытия персональной информации воспринимаются как немедленные, а риски – как отложенные на будущее. Приватность в соци-

альных сетях также правомерно рассматривать в контексте дифференциации двух ключевых типов социальности по Ф. Тённису – общности (Gemeinschaft) и общества (Gesellschaft). Причём в социальных сетях, как общностях участники объединены внутренними эмоциональными связями и неявными правилами, усиливающими чувства принадлежности. Одним из элементов этого является практика обмена информацией о себе с другими, что органично для таких общностей. При этом раскрытию персональной информации отдаётся приоритет над тем, что исходит от социальной сети как общества – абстрактным предписанием типа политики конфиденциальности [13].

Заметим, что в отдельных исследованиях парадокс приватности ставится под сомнение в силу отсутствия достаточных эмпирических доказательств. Тем не менее, конвенциональная точка зрения, особенно в цифровом бизнес-дискурсе сводится к тому, что фактическое размывание приватности и минимизация регулирования в этой области является императивом цифровой среды.

В последние годы в литературе наметился новый поворот этой темы. Всё больше исследований фиксирует, что несмотря на желание людей контролировать свои персональные данные, их фактические возможности оказываются минимальными. Причём это происходит на фоне регулярно становящихся достоянием гласности фактов нарушений в этой области [10]. В результате настроения пользователей меняются.

В этой связи известный американский специалист в области социологии медиа Й. Туров и его коллеги выдвинули идею «цифровой покорности» [11; 7]. Представление о «цифровой покорности» (смирении, сдачи – digital resignation) предлагается в качестве альтернативы рассмотренному выше парадоксу приватности. С точки зрения авторов, согласие пользователей на раскрытие их персональных данных обусловлено не рациональной оценкой выгод и потерь при получении цифровых сервисов; или невысокой информированностью о негативных последствиях раскрытия данных, которые проявятся в будущем, тогда как когда дополнительные преимущества сервисов оказываются доступными «здесь и сейчас». Проведенные Туровым и его коллегами эмпирические исследования, позволили сделать следующие выводы. Использование индивидами сервисов, предполагающих раскрытие их персональных данных (при том, что люди рассматривают это как нарушение их конфиденциальности) имеет другие основания. Покорность означает принятие чего-то нежелательного, но неизбежного, фактически речь идет о повиновении воле другого. Соответственно, поведение части пользователей отражает «цифровую покорность», форму некоторого смиренного цифрового прагматизма. С одной стороны, индивиды разделяют представления о том, что их частная жизнь находится под угрозой в цифровой среде; с другой – им свойственно осознание того, что избежать нарушения своей конфиденциальности в цифровой среде крайне сложно. Другими словами, люди не удовлетворены фактом роста мониторинга персональных данных со стороны компаний, но при этом убеждены в неизбежности «цифрового надзора». Именно такое понимание «цифровой покорности» далее используется в нашей работе.

Решающая роль в формировании и поддержании такой ситуации принадлежит ведущим технологическим компаниям интернет-бизнеса – Alphabet (Google), Meta (Facebook), Microsoft, Apple и другим. Для защиты сложившегося на сегодня статус-кво используются различные корпоративные технологии. Практики саморегулирования цифровой индустрии предполагают такие стратегии и тактики, которые формируют у пользователя ощущение, что использование персональных данных – это «нормально», а контроль за этим процессом ничего не даёт. Распространёнными в этой связи риторическими практиками являются неверное наименование, отвлечение, использование расплывчатой терминологии. Тексты политики приватности, в которых говорится об условиях конфиденциальности платформенных сервисов обладают высокой лингвистической сложностью и, зачастую, неподъёмны для рядового пользователя [11].

Российские эмпирические исследования приватности в интернете были немногочисленными. В частности, проведён вторичный анализ данных в связи с задачами оценки экономических и правовых следствий приватности в условиях цифровизации [4]. Больше число академических публикаций имело социально-философскую направленность [6; 2].

Центральные вопросы и эмпирическая основа исследования

В данной работе рассмотрены следующие исследовательские вопросы. Каковы практики поведения в сети в отношении раскрытия персональной информации и каков уровень обеспокоенности безопасностью данных в сети? Как на эмпирическом уровне соотносятся обеспокоенность защитой персональных данных, с одной стороны, и практики обеспечения приватности – с другой? Существуют ли проявления цифровой покорности и, если да, то какие обстоятельства способствуют этому явлению в наибольшей степени?

В ходе анализа использовалась система показателей и индикаторов, отражающих представления о приватности в онлайн среде. К ним относились: практики поведения в сети, сопряжённые с раскрытием персональной информации; общая озабоченность приватностью в интернете; знание об использовании персональных данных интернет компаниями; общее отношение к возможности обеспечения приватности в сети; представление о дилемме приватности в обмен на повышение качества сервисов; доверие к интернет-компаниям и организациям, использующим персональные данные пользователей; правовые регуляции, направленные на обеспечение приватности в сети. Отдельным показателям соответствовал набор эмпирических индикаторов, которые использовались в ходе полевого этапа исследования. Подробнее система показателей и эмпирических индикаторов приведена в таблице 1.

Таблица 1 (Table 1)

**Конфиденциальность персональных данных в онлайн среде:
показатели и индикаторы**

Privacy of personal data in the online environment: readings and indicators

Показатели сознания	Эмпирические индикаторы
Озабоченность обеспечением приватности в сети	Степень обеспокоенности пользователя безопасностью персональных данных – отслеживанием онлайн поведения, несанкционированным доступом к данным, к содержанию общения в сети.
Информированность об использовании приватных данных	Уровень знания пользователей о практиках использования их персональных данных интернет-компаниями
Доверие к государственным, общественным, бизнес-организациям, работающими с персональными данными пользователей	Уровень доверия к онлайн-субъектам, использующим пользовательские данные (к рекламодателям, магазинам интернет-торговли, поисковым системам, сервисам гос. организаций и др. – всего 11 индикаторов)
Установки пользователей об обеспечении безопасности персональных данных в интернете	Согласие / несогласие с оценочными суждениями о различных сторонах безопасности персональных данных в интернете: «Защита персональных данных предполагает, что информация о личной жизни и имуществе доступна другим только с согласия человека». «Защита персональных данных – это миф, с его помощью власти скрывают угрозу правам частной жизни и имуществу граждан». «Защита персональных данных теперь относительна. Это нормально, что в интернет проводится отслеживание и наблюдение за поведением. Данными о себе можно делиться и даже продавать».
Воспринимаемая онлайн приватность	«При использовании интернет моя персональная информация становится доступна тем, кому бы я не хотел ее передавать». «Мне нечего скрывать от других, поэтому меня мало волнует вопрос о защите персональных данных в интернет». «Слишком поздно защищать мои персональные данные, вся информация обо мне уже есть в интернете»
Дилемма «безопасность данных в онлайн vs бесплатность и более качественный контент»	Два варианта предпочтения пользователя: риск для безопасности данных, но получение большего числа бесплатных и качественных сервисов и, наоборот)
Регуляции сферы онлайн приватности	Отношение к необходимости большего / меньшего законодательного регулирования в данной области
Показатели поведения	Эмпирические индикаторы
Фиксация персональных данных в сети	Приходилось ли пользователям оставлять информацию о себе в интернете (фio, возраст, паспортные данные и т. п. – всего 9 индикаторов)
Действия в связи с принятием «Политики конфиденциальности» онлайн сервисов	Набор вариантов реакции пользователей: от поверхностного («соглашаюсь, практически не читая») до внимательного («подробное чтение с последующим согласием»)
Защитные действия по защите конфиденциальности данных	Действия, предполагающие стирание файлов-куки, использование специальных программ
Опыт нелегитимного использования со стороны третьих лиц	Действия мошенников, использовавших персональные данные пользователя

Эмпирическая база работы – данные сравнительного исследования проблем приватности в интернете, проведённого в Москве в 2021 г.¹. Использовалась репрезентативная квотная выборка со связанными параметрами. Метод сбора информации – интернет-опрос. Общее число опрошенных $N = 793$. Полевой этап проходил в июне-июле 2021 г. Приведённые ниже результаты касаются респондентов, которые с различной периодичностью используют интернет, их доля составила 89% от общего массива. Исследование является продолжением проекта, начатого в Москве в мае-июне 2020 г. ($N = 872$).

Результаты исследования

Практики поведения в сети в отношении раскрытия персональной информации и отношение к безопасности персональных данных

Широкое внедрение интернета и цифровых сервисов оказалось сопряжённым с тем, что действия пользователей прямо или косвенно предполагали оставление своих персональных данных в сети. Согласно результатам, подобные практики получили достаточно высокую распространённость (см. табл. 2).

Таблица 2 (Table 2)

Распределение ответов на вопрос:
«Приходилось ли вам оставлять в интернете следующую информацию о себе?», %
Distribution of answers to the question:
“Have you ever left the following information about yourself on the Internet?”, in %

	Приходилось часто	Приходилось иногда	Не приходилось	Затруд. ответить
Фамилия, имя	61,2	34,3	3,2	1,3
Адрес проживания	26,4	58,5	12,9	2,2
Возраст	44,0	45,7	7,8	2,5
Семейное положение	15,5	43,3	38,2	3,0
Паспортные данные	13,6	56,7	25,5	4,2
Номер телефона	53,0	39,9	5,4	1,7
Место текущего расположения	25,3	41,9	28,6	4,2
Наличие детей	6,0	33,3	57,6	3,1
Уровень благосостояния	3,5	26,1	64,6	5,8

¹ Исследование проводилось Центром социологии религии и социокультурных процессов ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Такие действия, как фиксация данных о своих фамилии и имени, домашнем адресе, возрасте, номере телефона осуществляли часто или иногда более 85% опрошенных. Оставляли данные о своём семейном положении, а также данные геолокации – своего текущего положения порядка 60–70% респондентов. Наименее распространёнными были действия, связанные с оставлением в сети данных о наличии детей и своём благосостоянии – об этом заявили 29% и 39% участников исследования соответственно. Характерно, что приведённые в таблице данные 2021 г. мало отличаются от аналогичных, зафиксированных нами в 2020 г.

Очевидно, тот факт, что пользователи часто фиксируют в интернет-среде разнообразную информацию о себе, соотносится с вопросами об информированности людей о последующем использовании этих данных, а также об их безопасности. В целом уровень информированности респондентов о том, как используются их персональные данные интернет-компаниями и организациями является невысоким. Около половины опрошенных (47,6%) указали, что они знают об этом очень мало или ничего не знают. Другая значительная часть респондентов (48,6%) заявила о том, что они знают только о некоторых сторонах использования их персональных данных. Существенная меньшая часть участников исследования (13,5%) сообщила о том, что они хорошо знают, как используются их персональные данные. Затруднились ответить 3,8% респондентов.

В рамках исследования респондентам было предложено высказать своё отношение к различным по содержанию и оценочной направленности суждениям о безопасности персональных данных и практиках их защиты. Эти суждения в целом отражают основные «полюса» оценок предмета, присутствовавших в общественном дискурсе.

Выделим ряд важных моментов. Первый касается вопроса о приватности и персонального согласия. Подавляющее большинство опрошенных (84%) разделяли идею о том, что защита и, соответственно, доступ к персональным данным третьих лиц предполагает получение личного согласия пользователей. Второй момент относится к фактическому положению дел с вопросом о защите персональных данных на сегодня. Более половины респондентов (59%) считали, что при использовании интернет их персональные данные так или иначе оказываются доступны тем, кому они не предназначались. Причём 40% пользователей считали, что сейчас уже поздно защищать их персональные данные, поскольку они «уже есть» в сети.

Кроме того, существенная часть пользователей разделяет мнения, ставившие так или иначе под сомнение важность приватности в цифровой среде и необходимость защиты персональных данных. Так, около трети респондентов (28%) согласилось с тем, что в современных условиях защита персональных данных становится относительной. Они разделяют подходы, согласно которым отслеживание коммуникативного поведения в сети является нормальной технологической и бизнес-практикой. С этим корреспондирует мнение о том, что защита персональных данных не является чем-то практически важным. По мнению 27% опрошенных,

идея защиты персональных данных служит прикрытием желания властей минимизировать права граждан на неприкосновенность частной жизни. Наконец, 19% респондентов указали на их установку на полную открытость – отсутствие чего-либо, что стоит скрывать от других. Исходя из этого, вопрос защиты персональных данных в интернете является для них не слишком актуальным.

Технологически в интернет-среде реальной является ситуация отслеживания коммуникативного поведения – посещения тех или иных сайтов пользователями для обеспечения в последующем, например, таргетированной рекламы или иных бизнес-задач. Широкое распространение практики, когда люди оставляют в сети различные данные о себе, объективно уменьшает порог несанкционированного доступа к персональным данным. В ряде случаев эксперты также говорят о том, что более открытой оказывается и переписка пользователей в сети.

Можно предположить, что текущий пользовательский опыт соотносится с представлением респондентов о проблеме безопасности информации личного характера в интернете. Для выявления этого использовался индикатор уровня обеспокоенности безопасностью персональных данных в интернете. Большая часть опрошенных была обеспокоена проблемой безопасности персональных данных – в целом таковых оказалось 62,4%. Не были обеспокоены – 16,4%; заняли нейтральную позицию по этому вопросу или не дали ответа – 18,7% участников исследования. Результаты анализа показывают, что уровень обеспокоенности защитой персональных данных оказывается примерно равным в различных социально-демографических группах (пол, возраст, образование, доход). Значимых отличий здесь не выявлено.

Широкое распространение обеспокоенности защитой персональных данных может быть вызвано разными причинами. В частности, в ходе исследования 47% респондентов указали на то, что им приходилось сталкиваться с действиями мошенников, которые использовали их персональные данные. Показательно, что большая часть респондентов считала, что законы, регулирующие безопасность использования персональных данных, должны быть более жёсткими (66,2%). Предлагали оставить уровень регулирования без изменений (14,0%); сделать более мягким (2,8%); затруднились ответить (17,0%). Ожидаемо, что большее предпочтение регуляциям отдавали респонденты, более обеспокоенные вопросом безопасности персональных данных, а также встречавшиеся с негативными практиками в этой области.

Обеспокоенность защитой персональных данных и практики обеспечения приватности

Проявляют ли пользователи активность по обеспечению своей приватности в сети? Зафиксировано, что «старались использовать имеющиеся возможности для защиты информации о себе в интернете» 53,5% респондентов; не практиковали подобные действия – 32,7%; затруд-

нились ответить – 13,7%. Учитывая это обстоятельство подробнее был рассмотрен вопрос о том, как обеспокоенность приватностью в сети соотносится с практическими действиями по её защите.

Напомним, что в целом по массиву более половины аудитории (62,4%) беспокоил вопрос о безопасности персональных данных в сети. Причём отношение представителей этой группы к действиям по обеспечению приватности была различной. Большая часть респондентов в этой группе (69,9 %) старалась осуществить защитные действия. Вместе с тем, – около трети респондентов (30,1%) никаких действий в этом направлении на практике не предпринимали. Это свидетельствует об устойчивом и достаточно широком распространении феномена сознания и поведения людей – озабоченности безопасностью личных данных, с одной стороны, и отсутствии каких-либо действий в направлении её защиты – с другой. Наличие указанного сочетания признаков было также выявлено с помощью применения других методов анализа, в частности, двухступенчатого кластерного анализа¹.

Существуют ли содержательные особенности среди лиц, обеспокоенных безопасностью персональных данных и по-разному включённых в защиту этих данных? Для ответа на этот вопрос была создана специальная категориальная переменная, шкальные признаки которой отражают различные ориентации на защиту своей приватности в сети: обеспокоены приватностью и стараются защитить свои персональные данные; обеспокоены приватностью и имеют нейтральные установки по защите данных; обеспокоены приватностью и не стремящихся к её защите? Затем для понимания содержательных особенностей различных ориентаций на защиту персональных данных в анализе были использованы переменные – оценочные суждения, отношение к которым отражает установки респондентов к различным сторонам онлайн приватности и к её защите.

Поскольку шкалы изучаемых переменных были категориальными, то для анализа был применен однофакторный дисперсионный анализ Краскэла-Уоллиса. Была проведена проверка модели влияния группирующих переменных (отношения к оценочным суждениям о персональных данных в сети) на ориентации респондентов на защиту своей онлайн приватности. Результаты анализа показаны в таблице 3. Здесь приведены данные о количестве респондентов, принадлежащих каждой из градаций группирующей переменной и средний ранг анализируемой переменной в каждой из групп. Также в таблице содержатся результаты проверки статистической гипотезы о том, что средние ранги в каждой из сравниваемой групп равны между собой. Фактически эта гипотеза эквивалентна предположению об отсутствии влияния группирующей переменной на анализируемую переменную.

¹ В рамках последовательного построения классификаций – от 3-х до 6 кластерных решений.

Таблица 3 (Table 3)

**Проверка модели связи представлений о приватности в сети
с активностью защиты персональных данных**

(в группе обеспокоенных безопасностью персональных данных)

Checking the model of linking privacy perceptions in the network with the activity of protecting personal data (in the group concerned about the security of personal data)

Группирующие переменные – отношение к оценочным суждениям		N	Средний ранг	Статистики теста	
«Защита персональных данных предполагает, что информация о личной жизни и имуществе доступна другим только с согласия человека».	Согласны	318	172,38	Chi-квадрат	0,335
	Нейтральны	9	186,67	Значимость	0,846
	Не согласны	18	177,08		
«Защита персональных данных – это миф, с его помощью власти скрывают угрозу правам частной жизни и имуществу граждан».	Согласны	135	164,94	Chi-квадрат	2,720
	Нейтральны	121	175,10	Значимость	0,257
	Не согласны	89	182,36		
«Защита персональных данных теперь относительна. Это нормально, что в интернет проводится отслеживание и наблюдение за поведением. Данными о себе можно делиться и даже продавать».	Согласны	100	165,19	Chi-квадрат	1,802
	Нейтральны	61	167,27	Значимость	0,406
	Не согласны	182	177,33		
«Мне приходилось сталкиваться с действиями мошенников, которые использовали мои персональные данные».	Согласны	183	173,16	Chi-квадрат	0,619
	Нейтральны	18	186,67	Значимость	0,734
	Не согласны	144	171,09		
«Слишком поздно защищать мои персональные данные, вся информация обо мне уже есть в интернете»	Согласны	132	150,23	Chi-квадрат	23,460
	Нейтральны	80	168,60	Значимость	0,000
	Не согласны	132	197,14		

Обращаясь к таблице 3, можно проследить характер этой зависимости. Здесь надо учитывать, что анализируемая переменная – ориентация на защиту персональных данных – имеет определённый порядок. Соответственно, средний ранг этой переменной был наиболее низким в группе тех, кто был согласен с оценочным суждением. Т.е. мнение о том, что «поздно защищать персональные данные» соотносится с низким уровнем практической активности по защите данных. И, наоборот, для тех, кто не разделяет такое мнение, уровень ориентаций на защиту своих персональных данных является максимальным. Другими словами, не использование возможностей защиты своих персональных данных (при одновременной обеспокоенности обеспечением приватности в интернете) соотносится с представлением об особенностях организации интернет-пространства как такового. По всей видимости, прошлый опыт использования сети привёл респондентов к представлению о том, «вся информация обо мне уже есть в интернете».

С этим вопросом корреспондирует отношение пользователей к политике конфиденциальности интернет-ресурсов, которое также было изучено в ходе исследования. Как известно, при загрузке сайта или другого сервиса пользователю предлагается ознакомиться с т. н. «Политикой конфиденциальности». Это происходит в полуавтоматическом режиме. Причём без «нажатия» – клика на соответствующий индикатор, свидетельствующий об ознакомлении с политикой, пользователь не может продолжить работать с сервисом. Считается, что таким образом интернет-компании информируют пользователей об особенностях использования персональных данных и сопряжённых вопросах.

Какими на практике являются действия пользователей, когда им предлагается познакомиться с политикой конфиденциальности? Согласно исследованию, половина (50,4%) респондентов не читает раздел о политике конфиденциальности; 8,2% не знают о существовании этого раздела. Около четверти респондентов (24%) заявили, что, хотя и имеют желание быть информированными о политике конфиденциальности, но на практике это сделать сложно. Показательно, что среди пользователей, обеспокоенных приватностью в сети, доля подробно читающих политику конфиденциальности оказывается сопоставимой с долей тех, кто этого не делает (66,7% против 60,5%).

Цифровая покорность и её детерминанты

На предыдущих этапах анализа было зафиксировано, что порядка 40% респондентов разделяет пессимистические представления о возможностях обеспечения эффективной безопасности приватности в интернете. Респонденты считали, что слишком поздно защищать их персональные данные, поскольку вся информация о них уже имеется в сети. Более того, эти настроения корреспондировали с отсутствием практических действий пользователей по защите своих персональных данных. Т. е. люди были вынуждены мириться со сложившимся положением дел, «покорно» принимая новые координаты приватности в цифровой среде. Следующий шаг анализа состоял в определении того, какие переменные способствуют максимальной выраженности этого явления?

В этой связи данные были проанализированы с помощью бинарной логистической регрессии. Цель использования этого статистического метода состояла в определении тех независимых переменных, которые повышают вероятность того, что респонденты разделяли скептические настроения относительно защиты их персональных данных в сети (зависимая переменная). В качестве независимых переменных или предикторов использовались все индикаторы, отражающие особенности сознания и поведения пользователей в предметной области.

Таблица 4 (Table 4)

Регрессионная модель – предикторы пессимистических представлений о возможности защиты персональных данных в сети («Слишком поздно защищать мои персональные данные, вся информация обо мне уже есть в интернете»)

Regression model – predictors of pessimistic ideas about the possibility of protecting personal data on the network (“It’s too late to protect my personal data, all the information about me is already on the network”)

	B	Exp (B)	Значимость
<i>Оставляют персональные данные в сети:</i>			
О своей фамилии, имени	1,557	4,744	0,001
О своем местоположении (геолокация)	0,740	2,096	0,000
Не знают о том, как их персональные данные используются интернет-компаниями и организациями	0,421	1,523	0,082
Обеспокоены безопасностью персональных данных в сети	-0,392	0,675	0,054
<i>Установки о безопасности персональных данных в интернете:</i>			
«Защита персональных данных – это миф, с его помощью власти скрывают угрозу правам частной жизни и имуществу граждан».	0,413	1,511	0,038
«Защита персональных данных теперь относительна. Это нормально, что в интернет проводится отслеживание и наблюдение за поведением».	0,566	1,762	0,007
Предпочитают риск безопасности в пользу качественного сервиса и бесплатного контента	0,448	1,566	0,100
Недоверие онлайн-субъектам, использующим персональные данные: социальные сети	0,600	1,822	0,002
Действия в отношении «Политики конфиденциальности» онлайн порталов и сервисов: не читают	0,407	1,502	0,029
Осуществляют действия по защите своей приватности в сети	-0,503	0,605	0,008
Опыт нелегитимного использования данных со стороны третьих лиц	0,650	1,915	0,001
<i>Воспринимаемая приватность в сети:</i>			
«При использовании интернет моя персональная информация становится доступна тем, кому бы я не хотел ее передавать».	1,129	3,092	0,000
«Мне нечего скрывать от других, поэтому меня мало волнует вопрос о защите персональных данных в интернет».	1,075	2,930	0,000
<i>Обеспечение государством норм демократического общества:</i>			
Не согласны с тем, что обеспечивается безопасность граждан	0,651	1,918	0,007
Не согласны с тем, что соблюдаются права человека	-0,514	0,598	0,048
Социально-демографические характеристики: 14–29 лет	-0,719	0,487	0,009
Константа	-4,075	0,017	0,000
R-квадрат Нэйджелкерка	0,394		

Результаты логистической регрессии показаны в таблице 4. Из всего перечня анализируемых переменных приводятся только те предикторы, которые оказываются статистически значимыми. Статистическая значимость – это вероятность наступления или не наступления исследуемого события. Уровень $p \leq 0.5$ фиксирует наличие связи между независимой переменной и предиктором (с вероятностью 95%). Для каждого предиктора приведён коэффициент В. Чем большим является значение В, тем больше вероятность влияния предиктора на зависимую переменную. Применялся пошаговый метод анализа влияния независимых переменных на зависимую переменную. Все переменные, включенные в анализ, были предварительно дихотомизированы.

Опираясь на полученные результаты, можно говорить о том, что существует несколько групп предикторов – переменных, влияющих на зависимую переменную – принятие скептических представлений о возможности защиты персональных данных в интернете.

Остановимся сначала на двух группах переменных, оказывающих максимальное влияние на зависимую переменную. Первая относится к практикам оставления в сети информации о себе. Из всего перечня таких действий только два оказались статистически значимыми и имели высокую предсказательную силу – фиксация фамилии и имени, а также местоположения (сервисы геолокации). Особенно ярко это относится к индикатору фамилии и имени, поскольку у тех, кто оставляет такие данные в сети пессимизм в части защиты персональных данных проявляется в 1,5 раза чаще, чем в среднем по массиву ($B=1,55$). Близкие к максимально высокому уровню влияния на зависимую переменную имеют отдельные характеристики воспринимаемой приватности в сети. Это относится к представлениям о том, что при использовании интернета персональная информация о пользователе попадает к тем, кому она не предназначена (предсказательная сила этого предиктора $B=1.12$). Также это относится к предпочитающим быть «прозрачными», поскольку им «нечего скрывать от других в сети» ($B=1,07$).

Вероятность принадлежности к группе скептически оценивающих возможности защиты приватности в сети, возрастает среди респондентов, обладающих рядом других характеристик (рост в пределах 40–70%). Это относится как к характеристикам сознания, так и поведения, о которых говорится ниже.

Среди характеристик сознания можно выделить отсутствие у респондентов знаний о том, как используются персональные данные интернет-компаниями и организациями. Кроме того, важными предикторами является согласие с тезисами: о том, что под прикрытием защиты персональных данных происходит вмешательство в частную жизнь; о том, что приватность в сети является относительной. Вероятность принадлежности к группе скептически оценивающих возможности защиты цифровой приватности возрастает, если респонденты соглашались рисковать безопасностью персональных данных, но получать более качественный сервис и онлайн-контент. Здесь же выделяются такие

предикторы, как недоверие к социальным сетям в части приватности; отсутствие общей обеспокоенности безопасностью своих персональных данных в интернете.

Характеристики поведения, повышающие вероятность скептических представлений о возможностях защиты приватности, отражают следующие индикаторы. С одной стороны, это априорное согласие (без какого-либо знакомства с содержанием) с «Политикой конфиденциальности» сайтов и сервисов; с другой – опыт незаконного использования своих персональных данных со стороны третьих лиц. Вероятность проявления скептических представлений также оказывается большей в группе респондентов, не предпринимающих каких-либо практических действий по защите своей приватности в сети.

Можно предположить, что вопрос о защите приватности является связанным с оценками респондентами того, как государство выполняет ключевые нормы демократического общества. Результаты показывают, что пессимизм в отношении защиты персональных данных на 65% более вероятным является среди тех, кто не считает, что государство обеспечивает безопасность своих граждан.

Также был изучен вопрос о влиянии социально-демографических показателей на зависимую переменную. Практически все составляющие индикаторов пола, возраста, образования, дохода имеют уровень значимости больше 0,5 и не влияют на зависимую переменную. Исключением является принадлежность к возрастной группе «14–29 лет». Среди респондентов, не принадлежащих к этой группе, скептицизм относительно возможности защиты персональных данных оказывается распространён с вероятностью на 70% большей, чем в среднем по массиву.

Заключение

Результаты исследования показывают, что в практику российских интернет-пользователей широко вошли действия, связанные с оставлением своих персональных данных в сети. При этом большая часть пользователей имеют низкую информированность или вообще не знают о том, как их персональные данные используются интернет-компаниями. Анализ отношения пользователей к конфиденциальности в цифровой среде показал, что подавляющее большинство респондентов (84%) разделяет представления о том, что доступ к данным со стороны третьих лиц предполагает персональное согласие пользователей. Вместе с тем, подобные установки в отношении онлайн-приватности далеко не всегда воплощаются на практике.

Значительная часть пользователей (59%) согласилась с суждением о том, что их персональные данные в сети попадают к тем, кому они не предназначались; 47% респондентов указали на то, что они сталкивались с действиями мошенников, которые использовали их персональные данные. По всей видимости, эти обстоятельства стали основанием того,

что более 60% опрошенных указали на свою озабоченность вопросами безопасности в сфере онлайн-приватности. Судя по имеющимся данным, проблемы безопасности персональных данных в равной мере касаются представителей различных социально-демографических групп аудитории – значимых отличий в этом вопросе не обнаружено.

Полученные результаты фиксируют имеющийся разрыв между обеспокоенностью приватностью в онлайн-среде, с одной стороны, и практическими усилиями пользователей, направленными на обеспечение безопасности в этой области. В группе обеспокоенных безопасностью персональных данных 30% пользователей в своём реальном поведении онлайн не предпринимало никаких шагов в этом направлении. Это касается как использования специальных программных решений, так и отношения к «Политике конфиденциальности» онлайн-площадок и сервисов. Судя по всему, здесь проявляется известный «парадокс приватности», зафиксированный ранее в зарубежных исследованиях.

Отсутствие действий по защите персональных данных (при общей обеспокоенности этим вопросом) оказывается сопряжённым с особым типом отношения к защите онлайн-приватности, условно говоря, пессимистического плана. Было зафиксировано влияние на указанный тип поведения представлений о том, что «слишком поздно защищать мои персональные данные, вся информация обо мне уже есть в интернете». Как представляется, здесь просматривается установка на то, что нет иного варианта, кроме как принять новые координаты приватности, которые несёт с собой мир интернета. Другими словами, в этом находит своё выражение одна из сторон феномена цифровой покорности, о котором говорилось при обсуждении теоретико-прикладных оснований нашего исследования.

Немаловажно, что скептическое отношение к возможностям защиты персональных данных в целом по массиву разделяет существенная доля пользователей – 40%. В этой связи с помощью бинарной логистической регрессии были определены переменные, повышающие вероятность согласия с данной установкой. К переменным с наибольшей предсказательной силой относятся: активное оставление данных о себе в сети; представление о том, что в интернете персональные данные попадают к тем, кому они не предназначались; ориентации на то, что в сети «мне нечего скрывать от других». Ряд других переменных – с меньшей предсказательной силой – также позволяет лучше охарактеризовать содержательные особенности группы, скептически настроенной в отношении безопасности персональных данных. К ним относятся: представления об относительности защиты данных в современных условиях; предпочтение более качественных и бесплатных сервисов за счёт риска безопасности данных; низкая информированность об использовании персональных данных третьими сторонами; отсутствие практических действий по защите онлайн приватности.

Зафиксированный в нашем исследовании высокий уровень обеспокоенности граждан вопросами безопасности персональных данных в интернете оказывается сопоставимым с аналогичными показа-

телями в других странах и регионах мира. В этой связи сошлёмся на данные международного сравнительного исследования пользователей по теме интернет-безопасности и доверия в сети, проведённого CIGI-Ipsos в 2019 г.¹ Согласно данным этого проекта, в целом были обеспокоены вопросами онлайн-приватности 62% пользователей в Италии, 68% в Германии, 73% в Великобритании, 78% в США. При этом наблюдается рост этого показателя во времени.

Очевидно, что вокруг темы приватности в интернете сталкиваются интересы общества, бизнеса, государства. И это тем более так, поскольку приватность является центральной гражданской ценностью. Наше исследование показало, что в обществе существует запрос на обеспечение безопасности данных и конфиденциальности в сети. Причём 66% пользователей считает, что законы в этой области должны быть более жёсткими.

Следует отметить, что во многих странах мира в последнее десятилетие наблюдается усиление активности государства и общества, в части юридической защиты приватности граждан в интернете. основополагающий документ в этой области в ЕС был принят в 2018 г. Общий регламент защиты данных (GDPR – General Data Protection Regulation) является центральным звеном защиты конфиденциальности². Среди основных моментов: согласие со стороны пользователей, наличие у них возможностей контроля; наличие «права быть забытым» в отношении их данных; ответственность компаний за несанкционированный доступ или потерю данных.

В нашей стране правовые основы регулирования в этой области заложены в Федеральном Законе «О персональных данных», принятом в 2006 г. С ним соотносится Федеральный закон о едином регистре сведений о гражданах России, принятый в 2020 г и вызвавший неоднозначные оценки. С одной стороны, закон создаёт рамки для использования цифровых платформ и больших данных для прогнозирования и администрирования процессов в том числе в сфере государственного управления; автоматизации услуг и сервисов для граждан³. Критики отмечают противоречия закона с конституционными нормами, обеспечивающими права и свободы граждан; закон несёт риски правового, технологического, управленческого и прочего плана, включая риски безопасности, как для граждан, так и для государства и общества в целом^{4,5}. По всей видимости, необходимо дальнейшее совершенствование законодательной базы в этой области.

¹ The State of User Privacy and Trust Online. CIGI-Ipsos Global Survey on Internet Security and Trust. 2019. URL: <https://www.internetsociety.org/resources/doc/2019/the-state-of-user-privacy-and-trust-online/> (дата обращения: 18.01.2022).

² General Data Protection Regulation. GDPR. <https://gdpr-info.eu/> (дата обращения: 14.01.2021).

³ Что такое единый регистр сведений о населении и зачем он необходим. <http://duma.gov.ru/news/48646/> (дата обращения: 18.01.2021).

⁴ ЕФИР: легализация вмешательства в частную жизнь — самоликвидация демократии. <https://rossaprimavera.ru/article/3d6b8204> (дата обращения: 12.01.2021).

⁵ Нас разбудят в другой стране: завтра налоговая получит все сведения о вас и вашей семье. <http://worldcrisis.ru/crisis/3614161> (дата обращения: 12.01.2021).

В целом, как представляется, задачи обеспечения приватности в онлайн среде являются значимыми в широком социальном плане. Справедливой можно считать точку зрения, что погружение индивидов в среду автоматического отслеживания и сбора персональных данных несёт угрозу нарушения минимальной целостности личности. В этой среде у индивидов теряется возможность автономного выбора – т. е. пространство реализации их «самости». Быть «самим собой» означает быть рефлексивно вовлечённым в процесс своего развития. Это предполагает наличие у субъекта минимальной отграниченности – сферы приватного. Кроме того, социальная среда перестаёт формироваться на основе взаимных ожиданий людей, а становится предметом технологических манипуляций с данными. Это, в свою очередь, трансформирует индивидуальную свободу выбора, которая является основой представлений о конфиденциальности в целом [9, р.182]. Таким образом, социальное управление инновациями в цифровой среде должно учитывать необходимость обеспечения приватности как одной из ключевых ценностей, связанных с правами и свободами граждан.

Библиографический список

1. Бауман З. Свобода / Пер. с англ. Г. Дашевского. М.: Новое изд-во, 2021. 204 с.
2. Заякин А. М., Комаров С. В. Эффект медиации: бытие между публичностью и приватностью // Вестник Челябинского государственного университета. 2019. № 8 (430). Философские науки. Вып. 53. С. 35–43. DOI: 10.24411/1994-2796-2019-10806
3. Новая философская энциклопедия. М.: Мысль, 2010. Т. III. 692 с.
4. Орлов М. О., Шаткин М. А. Приватность в условиях цифровизации // Социологические исследования. 2019. № 4. С. 15–25. DOI: 10.31857/S013216250004583-4
5. Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы: Исследования относительно категории буржуазного общества / Пер. с нем. В. В. Иванова. М.: Весь Мир, 2016. 344 с.
6. Чеснокова Л. В. Индивидуализированное общество как социокультурный фундамент приватности // Идеи и идеалы. 2019. Т. 11. № 3. ч. 2. С. 375–379. DOI: 10.17212/2075-0862-2019-11.3.2-375-389
7. Bagger C. An organisational cultivation of digital resignation? Enterprise social media, privacy, and autonomy // Nordicom Review. 2021. Vol. 42. No. 4. P. 185–198. DOI: 10.2478/nor-2021-0049
8. Bauman Z. Privacy, Secrecy, Intimacy, Human Bonds, Utopia – and Other Collateral Casualties of Liquid Modernity // Modern Privacy. Shifting Boundaries, New Forms / Ed. by H. Blatterer, P. Johnson, M. R. Markus. London: Palgrave, 2010. P. 7–22.

9. Couldry N., Mejias U. *The Costs of Connection: How Data Is Colonizing Human Life and Appropriating it for Capitalism*. Stanford, California: Stanford University Press, 2019. 323 p.
10. Draper N. From privacy pragmatist to privacy resigned: challenging narratives of rational choice in digital privacy debates // *Policy & Internet*. 2017. Vol. 9. No. 2. P. 232–251. DOI: 10.1002/POI3.1423333
11. Draper N., Turow J. The corporate cultivation of digital resignation // *New media & society*. 2019. Vol. 21. No. 8. P. 1824–1839. DOI: 10.1177/1461444819833331
12. Fuchs C. *Social Media. A Critical Introduction*. London: Sage, 2014. 293 p.
13. Kokolakis S. Privacy attitudes and privacy behaviour: a review of current research on the privacy paradox phenomenon // *Computers & Security*. 2017. Vol. 64. P. 122–134. DOI: 10.1016/j.cose.2015.07.002
14. Marx G. T. Privacy. *The Blackwell Encyclopedia of Sociology*. 2007. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/book/10.1002/9781405165518> (дата обращения: 25.11.2021)
15. Westin A. F. *Privacy and Freedom*. New York: Atheneum, 1967. 487 p.

Получено редакцией: 24.03.22

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

НАЗАРОВ Михаил Михайлович, доктор политических наук, главный научный сотрудник, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН

DOI: 10.19181/vis.2022.13.3.832

EDN: WVMOVV

Online Privacy and Digital Submissiveness: A Study of the Internet Audience

Mikhail M. Nazarov

Institute of Socio-Political Research of the FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: vy175867@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-9099-981X

For citation: Nazarov M. M. Online Privacy and Digital Submissiveness: A Study of the Internet Audience. *Vestnik instituta sotziologii*. 2022. Vol. 13. No. 3. P. 87–107. DOI: 10.19181/vis.2022.13.3.832; EDN: WVMOVV

Abstract. The technological nature of the Internet predetermines the transparency of many practices of online behaviour and actualises the issue of privacy in the online environment. The article presents the results of an analysis of attitudes towards online privacy in Russian society. The empirical basis is provided by the data of the study conducted in Moscow in 2021. It is shown that the practice of the Russian Internet audience widely includes actions related to leaving personal data online. The majority of respondents (84%) share the view that access to their personal data, their processing and use should be based on the consent of users. Such attitudes are combined with low awareness of the essence of the personal data use, and of the experience of their illegitimate use by third parties. Apparently, these circumstances were the reason that more than 60% of respondents indicated their concerns about security issues in the field of online privacy. Privacy in the digital environment is influenced by the technological evolution of media, on the one hand, and political, economic and sociocultural factors of their use, on the other hand.

In this regard, on the Russian empirical basis, the theoretical and applied concepts of the paradox of digital privacy and digital obedience, known in the world literature, were verified. A contradiction is revealed between the widespread concern about the confidentiality of personal data and low efforts to ensure their protection. In the group concerned about the security of personal data, 30% of users did not take any steps in this direction in their real online behaviour. As part of the study, manifestations of the phenomenon of digital obedience, associated with the installation of the “inevitability” of accepting the new coordinates of privacy that the Internet world brings with it, were recorded. The lack of action to protect personal data (with a general concern about this issue) is associated with a lack of confidence in the protection of online privacy. Overall, 40% of respondents across the array agreed that “it’s too late to protect personal data, all information about me is already on the Internet.” With the help of regression analysis, indicators were identified that correlate with such assessments. The results of the work can be used in the development of optimal solutions to ensure the security of personal data – an area where the interests of the individual, society, business, and the state collide today.

Keywords: online privacy, personal data, internet, private and public, media, privacy, privacy paradox, digital obedience

References

1. Bauman Z. Freedom. Transl. from Eng. by G. Dashevsky. Moscow, Novoye izdatel'stvo, 2021: 204 (in Russ).
2. Zayakin A. M., Komarov S. V. Mediation effect: being between publicity and privacy. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019: 8 (430). *Filosofskiye nauki*: 53: 35–43 (in Russ). DOI: 10.24411/1994-2796-2019-10806
3. Novaya filosofskaya entsiklopediya. [The New Philosophical Encyclopedia]. Vol. III. Moscow, Mysl, 2010: 692 (in Russ).
4. Orlov M. O., Shatkin M. A. Privacy in the conditions of digitalization. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2019: 4: 15–25 (in Russ). DOI: 10.31857/S013216250004583-4
5. Habermas J. The Structural Transformations of the Public Sphere. Research on the category of bourgeois society. Transl. from Germ. by V. V. Ivanov. Moscow, Ves Mir, 2016: 344 (in Russ).
6. Chesnokova L. V. Individualized society as a socio-cultural foundation of privacy. *Idey i idealy*, 2019: 11: 3: 2: 375–379 (in Russ). DOI: 10.17212/2075-0862-2019-11.3.2-375-389
7. Bagger C. An organisational cultivation of digital resignation? Enterprise social media, privacy, and autonomy. *Nordicom Review*, 2021: 42: 4: 185–198. DOI: 10.2478/nor-2021-0049
8. Bauman Z. Privacy, Secrecy, Intimacy, Human Bonds, Utopia – and Other Collateral Casualties of Liquid Modernity. In *Modern Privacy. Shifting Boundaries, New Forms*. Ed. by H. Blatterer, P. Johnson, M. R. Markus. London, Palgrave, 2010: 7–22.
9. Couldry N., Mejias U. The Costs of Connection: How Data Is Colonizing Human Life and Appropriating it for Capitalism. Stanford, California, Stanford University Press, 2019: 323.
10. Draper N. From privacy pragmatist to privacy resigned: challenging narratives of rational choice in digital privacy debates. *Policy & Internet*, 2017: 9: 2: 232–251. DOI: 10.1002/POI3.1423333
11. Draper N., Turow J. The corporate cultivation of digital resignation. *New media & society*, 2019: 21: 8: 1824–1839. DOI: 10.1177/1461444819833331
12. Fuchs C. Social Media. A Critical Introduction. London, Sage, 2014: 293.
13. Kokolakis S. Privacy attitudes and privacy behaviour: a review of current research on the privacy paradox phenomenon. *Computers & Security*, 2017: 64: 122–134. DOI: 10.1016/j.cose.2015.07.002
14. Marx G. T. Privacy. The Blackwell Encyclopedia of Sociology, 2007. Accessed 25.11.2021. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/book/10.1002/9781405165518>
15. Westin A. F. Privacy and Freedom. New York, Atheneum, 1967: 487.

The article was submitted on: March 24, 2022

INFORMATIONS ABOUT THE AUTHOR

Mikhail M. Nazarov, Doctor of Political Sciences, Chief Researcher,
Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS

СОВРЕМЕННАЯ БЕЛОРУССКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

DOI: 10.19181/vis.2022.13.3.833

EDN: COFWKD

Бюрократия как социальный феномен

Ссылка для цитирования: Рубанов А. В. Бюрократия как социальный феномен // Вестник Института социологии. 2022. Том 13. № 3. С. 108–121. DOI: 10.19181/vis.2022.13.3.833; EDN: COFWKD

For citation: Rubanov A. V. Bureaucracy as a social phenomenon. *Vestnik Instituta sotziologii*. 2022. Vol. 13. No. 3. P. 108–121. DOI: 10.19181/vis.2022.13.3.833; EDN: COFWKD

Рубанов Анатолий Владимирович¹

¹Белорусский государственный университет,
Минск, Республика Беларусь

rubanov.bsu@gmail.com

AuthorID ПИНЦ: 751053

Аннотация. Объектом научного анализа в данной статье является двойственная природа феномена бюрократии. С одной стороны, она рассматривается как наиболее рациональная форма организации и управления в традициях М. Вебера. С другой стороны, показаны основные проявления патологии бюрократизма и их причины. Неоднозначность оценок бюрократии раскрывается на идеях С. Н. Паркинсона, Р. Мертон, А. Гоулднера, А. Тоффлера, М. Крозье. Анализируются оценки природы и эволюции бюрократии в современном обществе. С одной стороны, раскрыт положительный потенциал бюрократической формы управления, с другой – основные негативные проявления и социальные последствия бюрократизма. Показана реализация в ходе административных реформ концепции «прозрачной» или «отзывчивой» бюрократии. Раскрыта сущность процесса дебюрократизации, показано содержание основных общесистемных и специальных административно-технологических мероприятий, которые он включает. Отмечается, что общесистемные меры связаны с оптимизацией полномочий и деятельности бюрократии, недопущением ее влияния как самостоятельной общественно-политической силы, контролем гражданского общества. Управленческо-технологические мероприятия предполагают отход от авторитаризма и использование новых подходов к управлению, совершенствование внутренней организации и стиля работы аппарата, мотивацию творческой деятельности и инициативы людей. Особо подчеркивается, что в процессе дебюрократизации важно наладить диалог и обратную связь с населением, повысить культуру управленческой деятельности и общения чиновников с людьми, создать электронное правительство и институционализировать службу «одного окна», которая становится частью этого правительства. Отмечается, что социологические исследования проблем дебюрократизации и совершенствования работы органов государственной власти в Беларуси позволяют говорить о том, что при попытках улучшить

работу аппарата быстрее достигаются положительные результаты в области культуры общения с населением. Положительный эффект дает работа по созданию электронного правительства и институционализации службы «одного окна», которая становится частью этого правительства. Они упрощают процедуры управления, оптимизируют формы взаимодействия органов власти и большинства населения, положительно оцениваются людьми.

Ключевые слова: власть; управление; бюрократия; бюрократизм; патология бюрократии; дисфункции бюрократии; дебюрократизация, культура управленческой деятельности, электронное правительство, служба «одно окно»

Группа лиц, которые выполняют функции управления (властвования), занимая в государственной системе определенные должности, конституировалась с возникновением самого государства. Названия этой группы исторически сложились разные. Чаще её представителей именовали чиновниками, государственными служащими. Бюрократическая форма организации и управления институционализировалась и стала доминирующей в период промышленной революции и утверждения капитализма. Появление термина «бюрократия» (от фр. *bureau* – бюро, канцелярия и греч. *κράτος* – господство, власть) применительно к группе лиц, обладающих властными полномочиями и участвующих в государственном управлении, связано с именем французского экономиста Венсан де Гурнэ, который впервые использовал его в 1745 г. В современном понимании бюрократия – это наиболее распространённая форма осуществления властных функций.

Исследуя бюрократию, М. Вебер связывал её с рациональным типом легитимного господства, которое основано «на вере в легальность зафиксированных в формальных актах порядков и прав распоряжения, принадлежащих тем, кто призван к господству на основе этих порядков» [1, с. 254–255]. то, на его взгляд, самая эффективная форма управления. Бюрократическое управление, пишет он, «благодаря таким его качествам, как точность, стабильность, строгая дисциплина, надёжность и предсказуемость как для господина, так и для всех, кого оно касается, возможность как интенсификации, так и расширения поля его действий, а также универсальная применимость для решения любых задач и неисчерпаемые возможности чисто *технического* совершенствования, – благодаря всем этим качествам – представляет собой, как показывает опыт, *самую рациональную* форму реализации господства» [1, с. 261]. Специфически рациональная основа бюрократического управления заключается в том, что оно «означает господство через *знание*» [1, с. 263].

М. Вебер выделял следующие основные черты идеального типа бюрократического управления:

1. Непрерывный регулируемый правилами характер.
2. Наличие компетенций (сфер ответственности), что предполагает: существование содержательно разграниченных на основе разделения труда сфер должностных обязанностей; предоставление приблизительно необходимых для выполнения этих обязанностей объёмов распорядительной власти; чёткое определение допустимых средств принуждения и предполагаемых обстоятельств их применения.
3. Принцип служебной иерархии, т. е. система постоянных органов контроля и надзора по отношению к каждой инстанции с правом апелляции или жалобы подчинённых на начальствующих.
4. Правила, организующие административную деятельность, состоящие из технических правил и норм, для рационального применения которых необходимо профессиональное обучение чиновников.
5. Принцип полного отделения штаба управления от средств управления и производства, согласно которому чиновники, служащие, другие работники штаба не являются собственниками средств управления и производства, но получают их в натуральной или денежной форме и обязаны за них отчитываться.
6. Невозможность апроприации (т. е. личного присвоения) должности ее исполнителем.
7. Принцип документированности управления, реализующийся через письменные документы и непрерывное делопроизводство [1, с. 256–258].

Положение чиновников в системе бюрократического управления Вебер характеризовал десятью следующими принципами:

1. Лично свободны и подчиняются только в пределах служебных обязанностей.
2. Состоят в жёсткой служебной иерархии.
3. Обладают чёткими служебными компетенциями.
4. Служат по контракту, т. е., в принципе, на основе свободного выбора.
5. Не избираются, а назначаются; отбор происходит (в случае максимальной рациональности процесса) по критерию профессиональной квалификации, которая должна быть подтверждена экзаменом и удостоверена дипломом.
6. Имеют постоянное денежное содержание в большинстве случаев с правом на пенсию; однако при определённых условиях (особенно на частных предприятиях) контракт может быть расторгнут со стороны господина, сами чиновники всегда могут подать в отставку; размер содержания определяется прежде всего иерархическим рангом, а также ответственностью позиции, в остальном же – «сословной нормой».

7. Считают свою службу единственной или главной профессией.
8. Усматривают для себя возможность карьеры (продвижения) в зависимости от срока службы или успехов в работе либо того и другого вместе, а также от суждения начальства.
9. Работают на условиях полного отделения от средств управления и без апроприации служебного места.
10. Подчиняются строгой единообразной служебной дисциплине и контролю [1, с. 259].

Однако постепенно в системе социального знания предметом осмысления также стали негативные проявления бюрократического типа организации и управления. Акцент начал делаться на том, что бюрократия может быть социально опасной, а становится она такой, прежде всего, тогда, когда, во-первых, в структурах управления форма (процедура) начинает главенствовать над назначением и содержанием деятельности. Во-вторых, – главной целью функционирования бюрократических структур становится их собственное сохранение и укрепление. Патология бюрократии (бюрократизм) особенно очевидно проявляется в перманентном росте её численного состава и увеличении объёмов бумаготворчества.

С. Н. Паркинсон сформулировал закон, согласно которому в любом административном учреждении в мирное время прирост служащих вычисляется по формуле: $X = (2s^{m+1})/n$, где s – количество служащих, набирающих себе подчинённых, чтобы продвинуться по службе; l – количество лет, проведённых на работе; m – количество человеко-часов, потраченных на обработку материала; n – количество нужных служащих; x – нужное число новых служащих в год. Согласно «закону Паркинсона», любая контора, насчитывающая 1 тыс. служащих, может быть административно самодостаточной и работать главным образом на обеспечение собственного существования и развития. Количество её сотрудников, как высчитал Паркинсон, имеет тенденцию увеличиваться на 5,75 % в год [4, с. 16].

Дальнейшие исследования позитивных и негативных сторон бюрократии связаны с именами Р. Мёртона, А. Гоулднера, А. Тоффлера, М. Крозье и др.

В целом будучи согласен с М. Вебером, Р. Мёртон отмечает, что «главное достоинство бюрократии в её технической эффективности, она вознаграждается за точное, быстрое и квалифицированное управление, последовательность и ответственность, а также оптимальный ответ на поступивший сигнал. Именно бюрократическая структура обращается к полной ликвидации личных взаимоотношений и нерациональных соображений (враждебности, страха, аффективных осложнений и т. д.)» [3, с. 325]. Одновременно он пишет, что «общество в целом явно подчеркивает несовершенство бюрократии, о чём говорит тот факт, что «мерзкий гибрид», «бюрократ» стал эпитетом, бранным словом» [3, с. 326].

Дисфункции бюрократии связаны с тем, что «строгое соблюдение правил, первоначально задуманное как средство, превращается в самоцель, происходит хорошо известный процесс *замены цели*» [3, с. 328].

К тому же «жизнь должностного лица планируется для него желанием «сделать карьеру»... Подразумевается, что чиновник по большей части приспособит свои мысли, чувства и действия к перспективам своей карьеры, что и происходит на самом деле. Но именно эти механизмы, которые увеличивают вероятность конформизма, ведут также к преувеличению значения строгого выполнения инструкций, что вызывает робость, консерватизм и формализм». А «дух группы и неформальная социальная организация, которая обычно формируется в такой ситуации, часто ведёт персонал к защите своих укоренившихся интересов более, чем к содействию своим клиентам и избранным высшим должностным лицам». Сказывается и то, что «структура личности бюрократа имеет своим ядром именно норму обезличенности», а «стереотипное поведение не приспособлено к остроте индивидуальных проблем» [3, с. 330–332].

Из различия понятий «бюрократия» и «бюрократизм» исходит А. Гоулднер в своей известной работе «Модели индустриальной бюрократии». Бюрократия – это эффективный организационно-управленческий институт. Бюрократизм – патология практики управления, которая порождает бюрократический саботаж, т. е. действия бюрократии, препятствующие нормальному функционированию организации и направленные на сохранение собственного привилегированного места в социальной системе.

В современном обществе Гоулднер выделяет два типа бюрократии: авторитарную (репрессивно-централизованную) и представительную (экспертную). Авторитарная бюрократия основана на слепом выполнении установленных правил, строгом иерархическом подчинении и негативных санкциях, когда повиновение превращается в самоцель, а власть узаконивается самим фактом пребывания в должности. Представительная бюрократия опирается на знания и умения и предполагает убеждение в правильности требований и целесообразности их выполнения. Для неё характерны профессионализм, ответственность перед делом, а не вышестоящими уровнями иерархии, корпоративное сотрудничество. Общество эволюционирует от авторитарной к представительной бюрократии. Представительная бюрократия порождена технической рациональностью, а её носителем является слой технократов. Возможные негативные последствия данного типа бюрократии связаны со свойственным ей технократическим видением мира. Противостоять этим последствиям призвана социогуманитарная интеллигенция, обладающая культурным капиталом [7].

Схожего отношения к бюрократии придерживается Э. Тоффлер. Его определённый оптимизм связан с тем, что, как он считает, общество находится на пути от бюрократии к адхократии (от лат. *ad hoc* – специальный и греч. *kratos* – власть), которая возникла в последней трети XX в. и стала порождением широкого распространения «проектного» («оперативного») менеджмента. Адхократия стала ответом на ускорение социальных процессов и появление большого числа перманентно возникающих задач, с которыми традиционные бюрократи-

ческие структуры в силу их склонности работать в обстановке постоянства уже не в состоянии справляться. Основу новых организаций составляют временные межпрофессиональные группы, которые создаются для решения конкретных проблем. Они особенно типичны для современной науки. В итоге, по словам Тоффлера, происходит подлинная революция в организационной структуре и человеческих отношениях. Бюрократические иерархии, отделяющие тех, кто принимает решения, от тех, кто их выполняет, находятся в процессе изменения или разрушаются. Адхократия характеризуется отсутствием строгого разделения труда и минимальной формализацией своей деятельности, гибкостью и адаптивностью по отношению к изменяющейся ситуации. Люди, общающиеся друг с другом примерно на одном и том же уровне организации, ведут себя иначе, работают, испытывая совсем не то давление, чем те, кто находится внутри иерархической системы, построенной «верх-низ». Они всё более понимают, что должны брать на себя ответственность за принятие решений [6, с. 69–83].

М. Крозье, желая трансформировать громоздкое, всеведущее государство в скромное государство, стремящееся поставить себя на службу обществу, а не командовать им, пришёл, по его словам, к фундаментальному противоречию: нельзя изменить общество, не изменив роль государства, не изменив роль чиновников. Однако последние, как и все сформировавшиеся корпорации, по его словам, враждебны всякому изменению [2]. Анализируя в связи с этим французскую бюрократическую модель, Крозье выделяет «бюрократические порочные круги», образующиеся в ходе сочетания и взаимодействия четырёх фундаментальных характеристик: безличности, централизации, стратификации и отношений параллельной власти. При этом первые три выступают как проявления сущности официального иерархического типа власти.

Безличность бюрократической модели включает выработку правил, предопределяющих функции людей в различных ситуациях. Её сущность состоит в стремлении к полной ликвидации произвола и инициативы индивидов через ликвидацию «неопределённостей». В этой системе роль руководителя сводится к формальному контролю за применением правил. Следовательно, он теряет реальную власть над подчинёнными. В свою очередь, последние лишены возможности влиять на руководство, так как его действия полностью определены предписаниями свыше. Централизация власти по принятию решений выражает тенденцию к удалению руководства от иерархического уровня, на котором решения и правила воплощаются в жизнь. Эта бюрократическая черта тесно связана с безличностью. Для того, чтобы сохранить атмосферу безличности, необходимо все решения принимать на таком уровне, где ответственные за них защищены от влияний со стороны тех, на кого эти решения воздействуют. Стратификация, т. е. изоляция иерархических категорий друг от друга, вытекает из ликвидации возможности взаимного давления руководства на подчинённых и подчинённых на руководство. Однако умножение безличностных правил не может элиминировать все источники неопреде-

лённости. Всегда возникают зоны, вокруг которых складываются отношения параллельной власти. Наибольшую значимость параллельная власть приобретает именно там, где сильно развиты бюрократические черты. Повышение роли неформальных структур ведёт к дальнейшему усилению бюрократии, появляется порочный круг [5, с. 78–79].

В повседневном управлении бюрократизм, вызывая широкое социальное недовольство, чаще всего проявляется в таких прозаичных явлениях как авторитаризм, некомпетентность, уход от решения проблем, коррупция, волокита, бумаготворчество, формализм, когда требование безусловного следования правилам заслоняет смысл выполняемой работы, высокомерие и безответственность чиновников, карьеризм и доминирование корпоративных интересов в их среде, негативное отношение к нововведениям, особенно к тем, которые ставят под угрозу их социальный статус. На преодоление этих и других негативных проявлений бюрократизма направлена дебюрократизация государственной власти.

Дебюрократизация властных структур требует общесистемных и специальных управленческо-технологических мер. Общесистемные меры касаются оптимизации властных полномочий и деятельности бюрократии, недопущения её влияния как самостоятельной социально-политической силы. Управленческо-технологические меры предполагают новые подходы к менеджменту, совершенствование внутренней организации и стиля работы аппарата.

Социальные силы, способные осуществлять общесистемные меры, принципиально должны находиться вне бюрократической системы. Это институты гражданского общества: политические партии и движения, общественные организации, независимые средства массовой информации. Мировой исторический опыт свидетельствует, что других субъектов современной общественно-политической жизни, сопоставимых по влиянию с бюрократией, кроме политических партий, не существует. Демократия только тогда становится настоящей, а не «управляемой» демократией, когда в её основе лежит конкуренция различных общественных сил. А лучшей формой такой конкуренции является открытая конкурентная борьба между политическими партиями и движениями с понятными программами, достаточно стабильным электоратом и традициями политической деятельности. Публичная конкуренция партий более эффективна для устойчивого общественного развития, чем скрытая конкурентная борьба между отдельными кланами бюрократии.

Бюрократия в основном сосредоточена в органах исполнительной власти, являющихся более стабильными по своему составу, чем периодически переизбираемые структуры законодательной и представительной власти. Поэтому большое значение для процесса дебюрократизации имеет усиление парламентаризма и местного самоуправления, укрепление контрольных полномочий законодательной ветви власти. Особо требуется преодоление пробелов в законодательстве, несогласованности правовых норм, включая разработку и внедрение чётких регламентов управленческой деятельности, затрагивающих взаимодействие гражданина и чиновника. Важно существенное ограничение ведомствен-

ного нормотворчества, позволяющего аппарату плодить многочисленные и малодоступные гражданам инструкции, трактуя законодательные акты в своих интересах. Целесообразна децентрализация управления, т. е. передача части функций и полномочий на его низовые уровни, включая создание автономных организационных структур (коммун, общин, комитетов территориального самоуправления и т. д.), которые обладают финансовыми средствами, другими необходимыми ресурсами, имеют определённую самостоятельность в распоряжении ими, но, одновременно, несут ответственность за результаты своей деятельности.

Должен реализовываться принцип достаточного уровня управления, согласно которому, никакая государственная структура не вправе принимать решения, кроме органа власти, к непосредственной компетенции которого оно относится, и отменять решения, которые приняты в соответствии с законодательством. Важной составной частью процесса дебиюрократизации является поддержка развития предпринимательской и инвестиционной деятельности, частно-государственного партнёрства, а, как следствие, уменьшение прямого вмешательства государственного аппарата в управление экономикой, коммунальными хозяйственными делами, особенно в финансирование их деятельности, которое открывает широкие возможности для создания разнообразных коррупционных схем, включая так называемые «откаты» и т. п. Наконец, существенную роль призвано сыграть повышение эффективности механизма общественного контроля над деятельностью управленческого аппарата, использование в этих целях депутатского корпуса разного уровня власти, партий, общественных объединений, органов общественного самоуправления, средств массовой информации.

Реализация в ходе административных реформ последних десятилетий концепции так называемой «прозрачной» или «отзывчивой» бюрократии включает следующие важнейшие элементы:

- широкие консультации с гражданами на стадии подготовки решений;
- обязательность публичного обоснования принимаемых решений, рассмотрение альтернативных вариантов действия;
- доступность для граждан и общественных организаций материалов и процесса работы государственных органов;
- подотчётность чиновников, возможность видеть личность управленца, контролировать его действия и ответственность;
- наказание за отказ от предоставления запрашиваемой информации, её ложное или искажённое содержание;
- прямая зависимость оценки и поощрения работы чиновников от удовлетворённости клиентов их работой и качеством оказываемых ими услуг;
- организация работы государственных учреждений по принципу «одного окна», когда гражданину при заказе услуги не нужно самому собирать все необходимые документы и сведения, лично запрашивать их в разнообразных инстанциях и т. п.;

– переход на работу, особенно во взаимодействии с разными группами населения и налаживании обратной связи с ними, на основе технологий электронного правительства.

Считается, что, в конечном счёте, гражданин должен превращаться из пассивного плательщика налогов и просителя в активного клиента – потребителя услуг государственной службы. А главным критерием оценки эффективности государственного управления становится политическая поддержка, наиболее очевидно выявляющаяся в ходе выборов.

Управленческо-технологические меры деbüroкратизации, прежде всего, касаются ухода от авторитарных методов управления, основанных на строгом иерархическом подчинении и использовании преимущественно негативных санкций. Современный менеджмент предполагает мотивацию творческой деятельности и стремления к успеху, опору на знания и инициативу людей, поддержку самостоятельности подчинённых в определении путей достижения поставленных перед ними целей.

Примером могут служить упоминаемые Э. Тоффлером «временные межпрофессиональные группы», в более знакомой нам терминологии, «временные творческие коллективы» или «временные научные коллективы», которые создаются для выполнения конкретных задач и где достигается совмещение в одних и тех же лицах авторов решений и их исполнителей. Для них характерно заинтересованное отношение к новым, оригинальным решениям, высокий должностной и моральный статус их авторов, совместное участие в разработке и реализации выдвинутых идей, равноправие в партнёрстве.

Особого внимания заслуживают результаты социологических исследований о степени автономии¹, в которой нуждаются творческие коллективы на разных этапах своего функционирования. Эти результаты показывают, что на первом месте стоит самостоятельность при формировании состава коллектива (поддерживают более 80%), далее следуют (по степени некоторого снижения значимости) методы принятия решений, оценка результатов и поощрение работников, планирование работы, распределение заданий и выбор руководителя.

Управленческо-технологический блок деbüroкратизации работы аппарата также включает снижение негативного эффекта следующих весьма распространённых бюрократических явлений:

– размытого, недостаточно чёткого определения служебных компетенций, должностных обязанностей и соразмерной с ними ответственности управленческих структур и отдельных лиц, ведущего к дублированию их действий и – главное – к обезличиванию ответственности за эти действия и полученные результаты;

¹ В статье используются данные исследования, проведенного в рамках научного проекта «Состояние, тенденции, перспективы развития интернет-сообществ и информационно-коммуникативных технологий в Республике Беларусь; их проникновение в организацию повседневной жизнедеятельности людей» ГПНИ «Экономика и гуманитарное развитие белорусского общества», который выполняется с 2011 г. Автор статьи – руководитель данного проекта.

- неконтролируемого роста объёмов документооборота, особенно планирующих и отчётных материалов;
- затянутости во времени процедуры прохождения заданий от заказчика и (или) руководителя к непосредственному исполнителю из-за большого числа промежуточных звеньев;
- усложнённой процедуры согласования решений, в том числе из-за привлечения второстепенных участников;
- чрезмерного количества и продолжительности совещаний, часто с обязательным привлечением первых лиц;
- отсутствия эффективных механизмов обжалования действий или бездействия должностных лиц в сочетании с плохим знанием людьми своих прав, порядка обращения в те или иные инстанции и др.

Исследования проблем дебюрократизации и совершенствования работы государственных органов власти позволяют сделать следующие весьма интересные выводы.

При попытках улучшения работы аппарата позитивные результаты быстрее достигаются в сфере культуры общения с населением. Это проявляется в росте таких эмпирических показателей, как внимательность и тактичность, желание помочь и т. п. Достигается данный положительный сдвиг, в первую очередь, за счёт пересмотра персонального состава лиц, ведущих прием, с учетом их образовательного уровня, морально-психологических качеств, умения общаться с людьми, а также специальной учебы кадров, отвечающих за работу с обращениями граждан и юридических лиц.

В данной ситуации важно также избавляться от отмеченной выше обезличенности работников среднего и низового звена, работающих с людьми, в целом лиц, занимающихся приёмом граждан. Для того, чтобы уйти от обезличенности и наладить тактичные деловые контакты, практикуются достаточно простые формы работы, как-то ношение бэджей с указанием фамилии, имени, отчества и должности ответственного лица, а также обязательное аналогичное представление работников, дежурящих на телефоне.

Эффект положительного влияния на культуру делового общения связывается также с принятием закона об этике государственного служащего и кодекса его служебного поведения, который основывается на таких базовых этических нормах как ответственность, подотчётность, открытость и честность.

Более медленно позитивные сдвиги происходят в технологии решения поставленных проблем. Отсюда сохраняющаяся в ответах респондентов частота упоминаний недостаточной компетенции служащих, формализма и волокиты в их действиях, переадресации к другим инстанциям.

В этой связи особое значение приобретает работа по созданию электронного правительства и институционализация службы «одно окно», которое становится частью данного правительства.

Основу электронного правительства составляют сайты государственных органов власти. Как показывают результаты социологических исследований в Беларуси, у них постепенно идет формирование своей интернет-аудитории. От 30 до 40% граждан обращаются на эти сайты по мере возникновения потребности в специальных знаниях и информации, особенно правовой, с целью решения личных проблем и участия в обсуждении вопросов общественной жизни. Одновременно у данных сайтов есть свои постоянные посетители (в зависимости от сайта в пределах 5-15% населения).

Технологически электронное взаимодействие органов государственной власти и населения организовано как через оперативное информирование граждан, так и посредством прямых форм коммуникации.

Электронные технологии коммуникации по степени их привлекательности для людей расположены в следующем порядке:

- свободный доступ к нормативным документам, решениям органов власти, которые оперативно размещаются на сайтах. В Минском городском исполнительном комитете, например, открыт заказ через Интернет копий решений горисполкома и (или) выписок из них, распоряжений председателя Минского горисполкома, а также архивных документов Минского горисполкома;

- электронные обращения граждан и юридических лиц, ответы на которые даются в персональном порядке или, при их массовом характере, на сайте в общедоступном виде;

- предоставление через интернет информации об административных процедурах, режиме работы органов власти, времени приёма граждан и графике «прямых телефонных линий»;

- запись через интернет на приём к должностным лицам.

Службы «одно окно», согласно положения о порядке их создания и деятельности, функционируют во всех городских и районных исполнительных комитетах, администрациях районов в городах Республики Беларусь. Их основной целью является обеспечение в одном месте приёма заявлений заинтересованных лиц для осуществления административных процедур и выдачи решений по ним.

Неотъемлемым атрибутом службы «одно окно» стали электронные процедуры. Сейчас активно практикуется запись через интернет на приём в данную службу, онлайн заказ документов, предоставление сведений об их прохождении и степени готовности. Ведётся постоянная оценка работы служб «одного окна» посредством электронного анкетирования населения. Результаты социологического мониторинга показывают одобрительное отношение большей части населения к созданию службы «одно окно» и её деятельности.

В целом исследованиями выявляется устойчивый рост роли интернета в информировании населения об общественно-политической и экономической жизни. Прежде всего, это касается молодых людей, особую

роль в информировании которых играют разнообразные новостные сайты, включая Telegram, другие мессенджеры, и виртуальные социальные сети. Главное преимущество новых источников информации, по оценке самих её потребителей, состоит в доступности информации и оперативности её получения. Особенно в тех случаях, когда эти два преимущества взаимно дополняются, во-первых, уверенностью в объективности предоставляемой информации; во-вторых, в возможности познакомиться с различными, порой противоположными оценками тех или иных событий, а в результате – сформировать своё вполне осознанное мнение. Тезис о начале доминирования интернета в информировании разных групп населения подтверждается ответами респондентов на вопрос: «Из каких источников Вы регулярно получаете информацию об общественно-политической и экономической жизни?». В ответ на него новостные ресурсы интернета называют около 75 % респондентов, виртуальные социальные сети – 50 %.

В этой ситуации вполне закономерно, что в сравнении с другими формами информирования и взаимодействия органов государственной власти с людьми (личным приёмом, «прямыми телефонными линиями», печатными СМИ, пресс-конференциями по актуальным для населения вопросам и т. д.) общение посредством интернет-технологий по популярности, особенно среди молодёжи, постепенно выходит на первое место.

Заключение

Таким образом, очевидна двоякая социальная природа феномена бюрократии. С одной стороны, как подчёркивал М. Вебер, бюрократия зарекомендовала себя в качестве наиболее эффективной формы организации и управления. С другой стороны, позитивный социальный эффект бюрократической деятельности сопровождается широким спектром негативных последствий, что отмечалось, в частности, в работах С. Н. Паркинсона, Р. Мертона, А. Гоулднера, А. Тоффлера, М. Крозье. Определённый оптимизм в оценках эволюции бюрократии в современном обществе связан с процессом дебюрократизации, который касается сокращения её властных полномочий и уменьшения социально-политического влияния; подконтрольности бюрократических структур институтам гражданского общества; перехода от сугубо авторитарных методов управления, основанных на строгом иерархическом подчинении и использовании преимущественно негативных санкций, к новому менеджменту, в основе которого лежит ставка на мотивацию творческой деятельности, знания и поддержку инициативы людей. Особо важны оптимизация внутренней организации аппарата управления и совершенствование стиля его работы, формирование эффективного сотрудничества с населением.

Социологические исследования проблем дебюрократизации и совершенствования работы государственных органов власти в Беларуси позволяют сделать следующие основные выводы. При попытках улучшения

работы аппарата стало очевидно, что положительные результаты быстрее достигаются в сфере культуры общения с населением. Поэтому особый акцент делается именно на повышение культуры управленческой деятельности и взаимодействия чиновников с людьми. Позитивно сказывается работа по созданию электронного правительства и институционализация службы «одно окно», которое становится частью данного правительства. Разнообразные электронные процедуры взаимодействия органов власти и населения становятся неотъемлемым атрибутом службы «одно окно». Исследования фиксируют одобрительное отношение большей части опрошенных к деятельности электронного правительства и службы «одно окно». В целом белорусский опыт дебюрократизации системы государственного управления вполне может быть рекомендован к распространению.

Библиографический список

1. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 т. Т. 1: Социология / Пер. с нем. В А. Брун-Цеховой и др.; под общ. ред. Л. Г. Ионина. М.: ВШЭ, 2016. 444 с.
2. Крозье М. Современное государство – скромное государство. Другая стратегия изменения // Свободная мысль. 1993. № 11. С. 35–43.
3. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ; ХРАНИТЕЛЬ, 2006 873 с.
4. Паркинсон С. Н. Законы Паркинсона: Сборник / Пер. с англ.; сост. и авт. предисл. В. С. Муравьев. М.: Прогресс, 1989. 448 с.
5. Спиридонова В. И. Бюрократия и реформа (Анализ концепции М. Крозье). М.: ИФРАН, 1997. 201с.
6. Тоффлер Э. Шок будущего / Пер. с англ. Е. Руднева; науч. ред., авт. предисл. П. С. Гуревич. М.: АСТ, 2002. 557 с.
7. Gouldner A. W. Patterns Of Industrial Bureaucracy. New York: The Free Press of Glencoe, 1954. 286 p.

Получено редакцией: 17.05.22

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Рубанов Анатолий Владимирович, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии, Белорусский государственный университет

DOI: 10.19181/vis.2022.13.3.833
EDN: COFWKD

Bureaucracy as a Social Phenomenon

Anatoly V. Rubanov

Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

E-mail: rubanov.bsu@gmail.com

ORCID ID: 0000-0002-4821-1937

For citation: Rubanov A. V. Bureaucracy as a social phenomenon. *Vestnik Instituta sotziologii*. 2022. Vol. 13. No. 3. P. 108–121. DOI: 10.19181/vis.2022.13.3.833; EDN: COFWKD

Abstract. The object of scientific analysis in the article is the dual nature of the phenomenon of bureaucracy. On the one hand, it is regarded as the most rational form of organisation and management in the tradition of M. Weber. On the other hand, there are shown the main manifestations of the pathology of bureaucracy and their causes. The ambiguity of bureaucracy assessments is revealed on the ideas of S. N. Parkinson, R. Merton, A. Gouldner, A. Toffler, M. Crozier. Assessments of the nature and evolution of bureaucracy in modern society are analysed. The article reveals the positive potential of the bureaucratic form of management as well as the main negative manifestations and social consequences of bureaucracy. The implementation of the concept of “transparent” or “responsive” bureaucracy in the course of administrative reforms is shown. The article reveals the essence of the process of de-bureaucratisation as well as the content of the main system-wide and special administrative and technological measures that it includes. It is noted that system-wide measures are associated with the optimisation of the powers and activities of the bureaucracy, the prevention of its influence as an independent socio-political force, the control of civil society. Management and technological measures imply a departure from authoritarianism and the use of new approaches to management, improvement of the internal organisation and style of work of the apparatus, motivation for creative activity and people’s initiatives. It is emphasised in particular that in the process of de-bureaucratisation it is important to establish a dialogue and feedback with the population, improve the culture of management activities and communication of officials with people, create an electronic government and institutionalise the “one stop shop” service, that becomes part of this government. It is noted that sociological studies of the problems of de-bureaucratisation and improvement of the work of state authorities in Belarus allow us to say that when trying to improve the work of the apparatus, positive results are achieved faster in the field of culture of communication with the population. A positive effect is produced by the work on the creation of e-government and the institutionalisation of the “one-stop shop” service, that becomes part of this government. They simplify management procedures, optimize the forms of interaction between the authorities and the majority of the population, and are positively evaluated by people.

Keywords: power, control, bureaucracy, pathology of bureaucracy, bureaucracy dysfunction, de-bureaucratisation, management culture, e-government, “one-stop shop” service

References

1. Weber M. Economy and society: essays on understanding sociology: in 4 vol. Vol. 1: Sociology. Transl. from Germ. by V. A. Brun-Tsekhova et al.; General. ed. L. G. Ionin. Moscow, VSHE, 2016: 444 (in Russ.).
2. Crozier M. The modern state is a modest state. Another strategy for change. *Svobodnaya mysl'*, 1993: 11: 35–43 (in Russ.).
3. Merton R. Sotsial'naya teoriya i sotsial'naya struktura [Social theory and social structure]. Moscow, ACT, Hranitel', 2006: 873 (in Russ.).
4. Parkinson S. N. Zakony Parkinsona: Sbornik [Parkinson's Laws: Collection]. Transl. from Eng., comp., ed. and foreword by V. S. Murav'yev. Moscow, Progress, 1989: 448 (in Russ.).
5. Spiridonova V. I. Byurokratiya i reforma (Analiz kontseptsii M. Kroz'ye) [Bureaucracy and reform: (Analysis of the concept of M. Crozier)]. Moscow, IFRAN, 1997: 201 (in Russ.).
6. Toffler E. Shok budushchego [Future Shock]. Transl. from Eng. by E. Rudneva; Scientific ed., preface by P. S. Gurevich. Moscow, AST, 2002: 557 (in Russ.).
7. Gouldner A. W. Patterns Of Industrial Bureaucracy. New York, The Free Press of Glencoe, 1954: 286.

The article was submitted on: May 17, 2022

INFORMATIONS ABOUT THE AUTHOR

Anatoly V. Rubanov, Doctor of Sociological Sciences, Professor,
Professor of the Sociology Department, Belarusian State University

СИСТЕМА ОБРАЗОВАНИЯ В МЕНЯЮЩЕМСЯ ОБЩЕСТВЕ

DOI: 10.19181/vis.2022.13.3.835

EDN: JVDGMK

Проблемы понимания текста школьниками: социологический взгляд

Ссылка для цитирования: Мансуров В. А., Ломбина Т. Н., Юрченко О. В. Проблемы понимания текста школьниками: социологический взгляд // Вестник Института социологии. 2022. Т. 13. № 3. С. 122–141. DOI: 10.19181/vis.2022.13.3.835; EDN: JVDGMK

For citation: Mansurov V. A., Lombina T. N., Yurchenko O. V. Problems of understanding the text by schoolchildren: a sociological view. *Vestnik Instituta sotziologii*. 2022. Vol. 13. No. 3. P. 122–141. DOI: 10.19181/vis.2022.13.3.835; EDN: JVDGMK

AuthorID РИНЦ: 71618

Мансуров Валерий Андреевич¹

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

mansurov@isras.ru

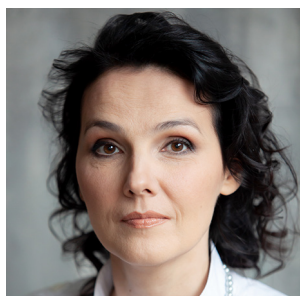

AuthorID РИНЦ: 496645

Ломбина Тамара Николаевна¹

¹АНО Культурно-образовательное объединение развития
и воспитания дошкольников «Читайка», Москва, Россия

lombina@mail.ru

AuthorID РИНЦ: 545571

Юрченко Олеся Викторовна¹

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

olesya@mail.ru

Аннотация. В статье авторы рассматривают понимание как социальный и когнитивный феномен, анализируют условия его формирования в устной и письменной коммуникациях. Понимание текста – основополагающий элемент грамотности человека, так как без осмысления невозможно использовать информацию, размышлять и делать выводы, на основании которых можно достигать цели и участвовать в социальной жизни. В современном мире социализация строится на умении понимать информацию в разных форматах. Понимание текста зависит не только от технических навыков чтения и письма, но и от общего кругозора человека, его представлений о разных сферах жизни. Исследования, проведенные во время массового дистанционного обучения, показали, что перерыв в личной коммуникации учитель-ученик во время обучения негативно сказался и на навыках чтения школьников. Помимо регулярности, для эффективного чтения и понимания важны как социальные установки и ценностные взгляды родителей, так и когнитивный опыт ученика, уровень его речевого развития.

Чтение рассматривается авторами не просто как набор когнитивных навыков, но и как социальное действие. Исследования показывают, что на читательские навыки и осмысление новых знаний школьниками влияют: социально-экономический статус семьи, установки и принципы, в ней принятые. В статье также показано, что длительное время, проводимое школьниками в Интернете, негативно влияет как на осмысление ими текстов, так и на эмпатию. Кроме того, анализируются проблемы интеграции личности в цифровую среду и влияния цифровизации на сознание и мышление. На фоне роста предпочтений досуга в Интернете, происходит снижение значимости чтения для школьников. Увеличение школьной нагрузки также негативно влияет на интерес к чтению. Авторами высказывается гипотеза, что социальное расслоение между школьниками с разным уровнем грамотности можно уменьшить, используя раннее обучение смысловому чтению. Изучение указанной проблематики важно не только для педагогики и психологии, но и для социологии.

Ключевые слова: читательская грамотность, понимание текста, функциональная грамотность, смысловое чтение, обучение чтению, социология образования, психология образования

В современной школе активно обсуждают трудности, с которыми сталкиваются ученики, когда им надо понять прочитанный текст. В масштабном исследовании, проведенном в США, сравнивалась эффективность чтения современных детей и их сверстников 1960-х годов, и было выявлено, что показатели снизились. Нынешние ученики медленнее читают и хуже понимают прочитанное [1]. В России четвероклассники регулярно показывают высокие результаты читательской грамотности в тестах PIRLS, тогда как девятиклассники имеют стабильно низкие показатели в тестах PISA¹ [2]. Возникает вопрос, что влияет на уровень читательской грамотности и почему выпускникам сложно использовать тексты для решения бытовых, социальных и образовательных задач [3, с. 123].

¹ PIRLS и PISA — международные исследования качества образования. PIRLS показывает, как дети, которые оканчивают начальную школу, читают и понимают тексты. PISA тестирует уровень знаний у учеников в средней школе. Проверяет математическую, естественнонаучную и читательскую грамотность.

Учитывая большой объём информации в жизни современных школьников, навык понимания и анализа текста приобретает особую значимость. В школах Москвы с 2021 г. был введён проект «Осмысленное чтение», направленный на поддержку грамотности и чтения¹. Это дополнительные уроки чтения, главная задача которых научить школьников работать с разными видами текстов, быстро анализировать и понимать суть информации, логично и критически мыслить.

В этой статье мы рассматриваем «читательскую грамотность» в междисциплинарном ракурсе: как социологическую и психолого-педагогическую проблему. Читательскую грамотность PISA определяет как способность понимать письменные тексты, использовать их и размышлять над ними для достижения своих целей, увеличения знаний и потенциала для эффективного участия в жизни общества [4]. В такой трактовке грамотность рассматривается не как сугубо когнитивное явление, состоящее из технического набора навыков обработки информации, а как способность извлекать смысл и действовать в рамках социальной практики, сформированной контекстом [5].

Читательская грамотность начинается со способности понять текст, без этого невозможно дальнейшее использование информации. Понимание не сводится к техническим навыкам чтения, письма и умению интерпретировать разные варианты текста, такие, как диаграммы, презентации и другие. Эффективность понимания, как будет показано далее, складывается в том числе из общего кругозора человека, его ценностей, представлений о разных сферах жизни [6, 7]. В фокусе нашего внимания будут социально обусловленные процессы понимания.

Если же человек утрачивает навыки чтения и письма в такой мере, что не может понять простейшего текста на повседневные темы, то речь идёт уже о «функциональной неграмотности в области чтения» или просто о «функциональной неграмотности» [8, 9]. Функциональное чтение² является важным социальным навыком, который позволяет применять полученные знания. Функциональная неграмотность проявляется в первую очередь на бытовом уровне, когда человек не может понять инструкцию к лекарству; не может разобраться, как работает бытовой прибор; не может ориентироваться в путешествии; сталкивается со сложностями при заполнении банковских счетов и других документов [8].

Статистика по функциональной неграмотности ведётся во многих странах мира. Подготовленный в США доклад «Нация в опасности» стал одним из первых документов, в котором на широкое обсуждение был вынесен тезис о том, что функциональная неграмотность представляет собой риск для страны в целом. В докладе было озвучено, что

¹ Осмысленное чтение в московских школах: как научиться видеть суть в любом тексте // «Школа.Москва» сайт Департамента образования и науки г. Москвы. URL: <https://shkolamoskva.ru/reading/> (дата обращения: 15.08.2022).

² Функциональное чтение – способность человека осмыслить и отразить текст, а далее использовать его содержание для достижения собственных целей.

23 млн взрослых в США и 17 млн семнадцатилетних могут считаться функционально неграмотными. Они не справляются с простыми задачами ежедневного чтения, письма и счёта [10].

В России бывший министр просвещения О. Васильева приводила схожие с американскими цифры на встрече с педагогами: «В функциональном чтении мы сегодня отстаём по сравнению с данными десятилетней давности. По разным данным, от 22 до 25% населения страны не владеют функциональным чтением. Это – около 35 млн человек»¹. Исследование PISA–2018, в котором приняли участие 10 тысяч учеников 15-летнего возраста из 265 образовательных организаций в 43 регионах РФ, подтверждает наличие проблемы функционального чтения [11, с. 23].

Важно отметить, что дистанционное обучение, вызванное COVID-19, негативно сказалось на читательских навыках в целом. Как показало исследование, проведённое в ста школьных округах США, развитие навыка беглости чтения приостановилось весной 2020 г. и только осенью 2020 г. ученики вернулись к показателям беглости, которые у них были до начала пандемии [12]. Хотя и осенью ученики второго и третьего класса отставали на 30% от требуемой нормы беглости. Исследование, проведённое Институтом образования НИУ ВШЭ также показало, что многие российские школьники средней и старшей школы испытывали повышенные трудности с пониманием информационных текстов в период дистанта [13].

Причина снижения читательских навыков во время дистанционного обучения во многом связана с тем, что чтение относится к сложным когнитивным навыкам, которые теряются, если ими не пользоваться («use it or lose it skill») [14, с. 5]. Когнитивные навыки отличаются от моторных. Когда человек овладел моторным навыком, он затем сохраняет его на всю жизнь. Если же в каком-то виде деятельности (например, игре на фортепиано) задействованы и когнитивные и моторные навыки, то они уже не будут сохраняться без должной поддержки. Чисто когнитивные навыки, такие как чтение, утрачиваются ещё быстрее [14]. Если ребенок научился читать, а потом не читает или читает мало, то он способен воспроизводить слова, но декодировать и осмыслять текст ему сложно. Только систематическое чтение позволяет научиться глубоко и точно проникать в смысл прочитанного.

Отдельно следует отметить, что взрослые и дети могут не читать, так как просто не хотят и не любят сам процесс чтения, что приводит к «пассивной грамотности» [8]. Длительный отказ от чтения вызывает негативные последствия, так как чтение художественной литературы активно влияет на мышление, формирование логики, способность к анализу и синтезу, умению выделить главное в тексте и считывать его смысл [15]. Более того, вдумчивое прочтение текста требует хорошей долговременной и оперативной памяти, а также системного мышления.

¹ Васильева О. Четверть населения России не владеет функциональным чтением // ТАСС. Общество. 07. 2018. URL: <https://tass.ru/obschestvo/5413075> (дата обращения: 15.08.2022).

Далее рассмотрим, что представляет из себя феномен понимания, какие необходимы условия для формирования понимания в устной и письменной коммуникациях. Затем мы проанализируем истоки проблем на пути формирования читательской грамотности современных школьников. Покажем, как влияет на процессы понимания поверхностное потребление визуальной и текстовой информации, а также снижение мотивации к чтению художественной литературы. В заключительной части статьи обозначим подходы и способы повышения функциональной грамотности в области чтения.

Понимание как социальный и когнитивный феномен

С точки зрения психологии, понимание – это не самостоятельный процесс, а компонент мышления, который направлен на осмысление новых знаний [16, с. 16]. Мышление позволяет человеку познавать окружающий мир, получать новые знания о нём. Понимание является результатом осмысления новых знаний. Ключевое слово для обозначения понимания – это смысл [16].

Для того, чтобы человек что-либо понял необходимо, чтобы были соблюдены основные условия реализации понимания – *мнемическое* и *целевое* [16, с. 20]. Мнемическое условие означает, что мы понимаем то, что находит отклик в нашей памяти, то, что можно соотнести со своими знаниями и прошлым опытом. Невозможно понять то, что абсолютно неизвестно, поэтому понимание предполагает соотнесение понимаемого с контекстом [16, с. 377]. Отсутствие знаний, относящихся к контексту, часто становится главной причиной непонимания.

Целевое условие понимания означает, что человек способен понять то, что не входит в противоречие с его внутренними представлениями, установками и гипотезами. Когда же происходит что-то неожиданное и необычное, то требуется больше усилий для понимания. Таким образом, для понимания текстов различной направленности человеку важно иметь широкий кругозор.

Исследования подтверждают, что существует взаимосвязь между хорошими навыками чтения и обширными познаниями в истории, географии, научных открытиях, искусстве и жизни общества [7, с. 130]. Исследователи А. Куннинхем (США) и К. Станович (Канада) выявили тесную корреляцию между результатами стандартных тестов чтения и результатами тестов на выявление общего культурного уровня [6]. Они изучали учеников 11 класса, оценивая не только их навыки чтения, но и фактические знания в различных областях. В тестах были вопросы на знание конкретных исторических, научных и литературных фактов, а также имён известных людей из разных профессиональных сфер. Лучшие показатели в тестах по чтению были у учеников с более широким кругозором.

Кругозор формируется под влиянием целого комплекса факторов, включая условия обучения ученика и социальные характеристики его семьи (экономическое положение семьи, национальность, район проживания и другие) [17].

Исследования показывают, что разница в навыках чтения между детьми из состоятельных и бедных семей становится заметной уже в 4 классе [18]. Семейные характеристики вносят большой вклад в достижения школьников в области чтения [19]. Дети из семей с более высоким социально-экономическим статусом имеют лучшие показатели по функциональной грамотности в чтении, по математике и естественным наукам. Факторы вовлечённости ребенка в чтение и обучение также влияют на функциональную грамотность, но фактор социального, образовательного и культурного капитала семьи остаётся преобладающим [19, с. 188].

Если же говорить не только о понимании текстовой информации, а о взаимопонимании людей, то к двум отмеченным выше условиям понимания (мнемическому и целевому) следует добавить ещё – *эмпатическое* [16]. Нельзя понять другого человека, не вступив с ним в личностные отношения. Здесь имеется в виду не обязательно личное общение, а эмоциональное отношение к субъекту понимания. Схожая ситуация складывается, когда мы читаем художественный текст. Такое чтение невозможно без эмпатии, которая необходима, чтобы понять мотивацию поступков в человеческих отношениях. Читатель должен осознавать, чем побуждается описываемый диалог или поступок, на что они направлены и ради чего происходят.

Чтение художественного текста, в отличие от информационного, требует от читателя эмоциональной вовлечённости [20]. Считывание смысла художественного произведения зависит от мотива, с которым читается текст, и отношения читателя к тексту, героям и событиям того времени. Понимание смысла, таким образом, является сложным процессом, зависящим в том числе от побуждения читателя к восприятию текста и его отношения к нему.

Для понимания друг друга на уровне общества необходимо ещё одно важное *ценностно-нормативное* условие или представление о том, что считать «должным» [16]. Личные представления каждого конкретного человека могут быть субъективными: люди воспринимают по-разному одно и то же событие/факт. Для понимания происходящего важно соотносить текущую ситуацию с той, какой она должна быть по нашим представлениям. В современном же обществе ценностные ориентиры и представления о должном размыты. Больше половины юношей и девушек (59% в возрасте от 18 до 25 лет) считают, что можно нарушать моральные нормы и принципы, чтобы добиться успеха в жизни [21, с. 272]. Ценностный плюрализм и изменчивость социальных и личностных смыслов также могут затруднять процессы взаимопонимания.

«Цифровое» поколение Z: специфика процессов понимания

Для поколения Z¹ мир, в котором они выросли, является виртуальным [22]. Большинство (93%) подростков пользуются Интернетом, что не зависит от региона их проживания. Они проводят в онлайн в среднем более семи часов в сутки (3:45 – с компьютера и 4:01 с телефона)². Треть упоминаний досуга (33%) в опросе подростков приходится на деятельность, которая связана с виртуальной реальностью [23, с. 3]

Технологические и социальные изменения (формирование виртуальной реальности и рост экранного времени) влияют на когнитивные возможности учеников, в том числе на их способность понимать друг друга и понимать текст. Учёные и ранее отмечали, что длительное экранное время, в том числе просмотр телевизора, приводит к когнитивным задержкам и более низким академическим показателям [24; 25]. Сегодня изменения могут быть ещё более заметными, так как современные дети и подростки «вступили в эпоху массового Интернета» [26].

Учёные из Национального института здоровья США проводили лонгитюдное исследование, с целью выявить, как использование смартфонов влияет на эмоциональное и психическое здоровье, а также на структуру головного мозга. В 2018 г. они провели исследование интеллектуальных способностей детей: 11000 детей в возрасте 9–10 лет по всей стране. Первые результаты, на основе снимков МРТ 4400 детей, показали, что у школьников, кто уделяет гаджетам более семи часов в день, происходит преждевременное истончение мозговой коры [27]. Изменения затронули внешний участок мозга, который отвечает за обработку сигналов от пяти чувств и интеллектуальное развитие человека. Обычно атрофия коры головного мозга наблюдается у человека в зрелом возрасте.

К похожим выводам пришли авторы другого исследования, посвящённого детям от двух до пяти лет. Психологи из канадского университета Калгари объясняют отставание в развитии тем, что увлечённые экраном дети пассивны и слабо взаимодействуют с окружающими [28]. Исследование с участием 2441 матерей и детей от двух до пяти лет показало, что чем больше времени дети двух лет проводили у экрана, тем хуже были их показатели в скрининговом тесте, который оценивает развитие детей в три года. Аналогичные данные были получены и для более старших детей: увеличение экранного времени в три года приводило к более низким показателям в скрининговом тесте в пять лет.

Помимо сложностей в тестах на мышление, у современных детей часто выявляются проблемы в тестах на уровень речевого развития. Масштабное исследование Института возрастной физиологии РАО, в котором участвовало более 50 тысяч детей шести-семи лет, выявило, что

¹ Мы рассматриваем школьников как «цифровое» поколение Z», согласно теории поколений Уильяма Штрауса и Нила Хау.

² По данным Global Index Web.

у значительного числа этих детей (от 40 до 60%) речь не сформирована [29, с. 17]¹. Их отличает ограниченный словарный запас, проблемы с построением грамматически правильных предложений и сложности с ведением диалога. Такие дети мало общаются дома со взрослыми, не знают элементарных речевых формул. Это же исследование показало, что восемь из десяти детей не умеют составлять рассказ по картинкам, даже по сюжетам знакомых сказок.

Резкое увеличение в жизни детей видео- и аудиоконтента привело к снижению значимости чтения. Интерес к книге в досуговых предпочтениях отмечают 36,2% детей десяти-одиннадцатилетнего возраста [26, с. 34]. В более старшем школьном возрасте происходит снижение интереса к чтению [30]. Хотя с 5 по 9 класс и происходит накопление читательской грамотности, но результаты «скромные»: от 5 до 16% по отдельным показателям [3, с. 147]. В другом ранее проведенном зарубежном исследовании отмечалось, что снижение интереса к чтению происходит уже в 1 классе, и во многом этот процесс связан с проблемами в овладении навыками чтения [31]. Другими факторами, влияющими на падение интереса к чтению, можно считать: увеличение школьной нагрузки [30] и проблемы с качеством учебников для средней и старшей школы [3].

Опрос школьников, проведенный в крупных и малых городах Уральского федерального округа (809 учащихся), показал, что читающие дети 4–5 классов менее активны в социальных сетях и у них реже наблюдаются интернет-зависимости различного рода [30, с. 121]. Такие дети чаще заинтересованы в чтении и поиске информации в Интернете в противовес времени, потраченному на развлекательный контент. Эти данные перекликаются с результатами нашего исследования четвероклассников, в котором мы обнаружили, что 70% учеников способны понимать только простые тексты на знакомые темы [32]. Доля таких учеников оказалась значительно выше в тех классах, где дети проводят больше времени в Интернете. Мы можем сформулировать гипотезу, которая требует дальнейшего исследования: время, проведенное в Интернете, может влиять на уровень развития навыка чтения.

Другим важным вопросом для научного изучения становится проблема того, как личность школьников представлена в цифровой среде. Распространение получил термин «сетевая личность», который активно обсуждается в психолого-педагогическом сообществе, хотя ещё и не получил однозначной трактовки [33, с. 15]. С одной стороны «сетевая личность» отражает личностные черты и способы поведения человека в реальном мире, с другой стороны – представляет собой новый социальный феномен [34]. Привычным форматом потребления информа-

¹ Сходные данные есть и по другим странам. В Канаде, например, один из четырех детей, поступающих в школу, имеет сложности или задержку речевого развития, моторных навыков и/или проблемы с эмоциональным здоровьем (socioemotional health) [Janus M., Offord D .R. Development and psychometric properties of the Early Development Instrument (EDI): a measure of children's school readiness. Can J Behav Sci. 2007; 39(1): 1–22. DOI: 10.1037/cjbs2007001Google ScholarCrossref]

ции для «сетевой личности» становится гипертекст, когда информация мозаично и нелинейно усваивается в рамках мультимодальных текстов: сайтов, презентаций, соцсетей и системы мгновенных сообщений.

У современного цифрового поколения меняются характеристики памяти: кратковременная память часто развита лучше долговременной [35]. Поменялись и сами мнемонические процессы. Многие школьники часто запоминают не саму информацию, а источник, где она хранится [36]. Если же говорить о самой кратковременной памяти, по мнению ряда исследователей, её объём уменьшился. При этом снижается произвольная словесно-логическая память, тогда как под влиянием общей визуальной культуры развивается память образная [35]. Можно предположить, что социальный мир будет представлен в памяти поколения Z в меньшей мере, по сравнению с миром виртуальным.

Общение в рамках виртуального пространства также отличается от реального взаимодействия. Взаимодействие в Интернете ограничивается чаще всего письменной коммуникацией, тогда как невербальная часть стирается. Данный феномен противоречиво оценивается учёными [37; 38]. С одной стороны, отмечаются негативные последствия такой коммуникации. Наиболее выраженные отрицательные последствия для психологического благополучия были выявлены среди тех несовершеннолетних, у кого не было друзей в реальной жизни [37, с. 43]. С другой стороны, несовершеннолетние, у которых есть друзья, отмечали, что на их общее психологическое состояние благотворно влияет то, что Интернет гарантирует широкие возможности для общения с друзьями. Так, в другом исследовании было показано [38], что студенты лучше адаптируются к университетской жизни, если продолжают общение в виртуальном мире с теми, с кем познакомились в университете в реальности. Те же, кто общались в Интернете только с незнакомцами, хуже адаптировались в университете.

Можно предположить, что те подростки, чьё общение будет ограничено только виртуальной реальностью, будут хуже идентифицировать эмоции в реальном мире, так как привыкнут к обезличенному общению посредством символов, смайлов и картинок, замещающих текст [23, с. 3]. Дискуссионным остаётся вопрос, как виртуальное общение сказывается на эмпатии. В одном из опросов было отмечено, что уровень эмпатических способностей представителей поколения Y (студентов) несколько выше, чем у представителей поколения Z (школьников) [23, с. 4]. Важны не столько количественные показатели уровня эмпатии (их сложно объективно измерить), сколько различия в предпочитаемом формате общения. Так, «игреки» стремятся к личному контакту и готовы обсуждать личностные переживания других людей. «Зеты» больше ценят комфорт и безопасность, которые им предоставляет виртуальное общение.

Цифровые технологии повлияли и продолжают влиять на способность понимать друг друга и осмысливать новые знания. Учёные предполагают, что со временем ученики будут обладать двойной грамотностью: традиционной читательской грамотностью и новой «цифровой», которая

позволит понимать глубокие и сложные вещи, представленные в онлайн-формате [39]. Хотя, как уже отмечалось выше, цифровизация чтения и рост потребления визуальной информации могут иметь и негативные последствия в виде переноса неконструктивного «поверхностного» чтения на традиционный текст.

Смысловое чтение: факторы влияния и стратегии формирования

Большинство исследователей выделяет две стороны чтения – техническую и смысловую [40]. Техническая сторона подразумевает «расшифровку» текста и перевод в устноречевую форму. Смысловая сторона означает понимание смысла и значения каждого слова и высказывания в целом. Понимание текста – это «процесс одновременного извлечения и конструирования смысла посредством взаимодействия с прочитанным» [17, с. 11].

Понимание текста может происходить на разном уровне: от «глубокого погружения» в текст до поверхностного «скольжения» [39]. Глубина понимания зависит от читателя, от самого текста и цели, с которой текст читают. Чем сложнее цель, тем более серьезный навык чтения требуется. Читатель в процесс чтения привносит свои навыки чтения, жизненный опыт и когнитивные способности [17]. Понимание текста также зависит от: жанра (художественный или информационный), типографских характеристик текста (размер шрифта и длина предложений) [17] и носителя, на котором текст читается (экран или бумага) [41].

Для успешного смыслового чтения необходимы следующие факторы [42]:

- мотивация;
- цель читателя: предварительная осведомленность о тематике текста и понимание задачи, с которой текст читается;
- знания читающего – объем словарного запаса;
- беглость чтения: скорость чтения, при которой возникает понимание прочитанного.

Читательская мотивация является важным побуждающим компонентом для смыслового чтения. Она зависит как от представления школьника о самом себе («Я-концепция»), так и оттого, какую ценность имеет для него чтение [43]. Гендерные различия в читательской мотивации наблюдаются уже в третьем классе: мальчики наделяют чтение меньшей ценностью. Мотивация учеников повышается, если у них есть возможность самостоятельно выбирать тексты для чтения с учётом их сложности и обсуждать прочитанное.

На практике многие школы, учителя и родители используют различные виды вознаграждения за чтение. Однако исследователи отмечают, что мотивация может повыситься ненадолго, затем с отменой вознаграждения

граждения она вновь снижается [7, с. 155]. В некоторых работах речь идёт о допустимости «тематически близкого» вознаграждения [43]. Так, ученики, которые получали книгу в награду за прочитанное или не получали никакой награды, были в большей мере заинтересованы в том, чтобы продолжить чтение, по сравнению с теми учениками, кто в награду получал подарок, не имеющий отношения к чтению.

Важное значение для мотивации имеют психолого-педагогические условия: среда, в которой находится ребёнок. Благоприятно для читательского интереса – наличие книг в домашней или другой библиотеке, которые легко доступны для ребенка. Помимо наличия «книжной» среды, рекомендуется временное ограничение другого вида досуга, особенно связанного с развлечениями в интернете [7, с. 155]

Заинтересованность в чтении также возрастает, если ребёнку читают вслух и обсуждают прочитанное [43]. Младшие школьники лучше понимают прочитанный учителем текст, по сравнению с самостоятельно прочитанным или прослушанным в аудиозаписи. По мнению авторов исследования [44], необходимо подключать родителей учеников к процессу обучения смысловому чтению. Они разработали и протестировали программу летнего чтения для младших школьников и их родителей, целью которой являлось предотвращение потери читательских навыков во время летних каникул.

Метод многократного чтения одного и того же текста также положительно влияет на развитие читательских навыков [45]. Он помогает научиться воспринимать слова, которые редко встречаются в речи, и пополняет словарный запас. Было установлено, что особенно эффективен метод многократного чтения для учеников со слабой школьной успеваемостью.

Понимание текста, помимо мотивации, зависит от того, какая цель стоит перед читателем: какой результат он получит, пытаясь понять текст и сделать выводы [46, с. 125]. Раньше было принято разделять тексты по жанрам, сейчас критерием разделения выступает цель, которую преследует читатель. Педагогам даются методические рекомендации по обучению младших школьников: определять цель чтения перед прочтением текста [47]. После того как определена цель, читатель выбирает необходимую стратегию чтения. Художественный текст читается линейно, тогда как информационный текст можно читать нелинейно и выборочно.

Навыки смыслового чтения, которые необходимы для обучения, могут быть сформированы несколькими способами работы с текстом. Текст понятен настолько, насколько он осмыслен. Согласно трудам А. Леонтьева, для того чтобы понять смысл текста мы должны перевести его в любую другую форму закрепления [48]. Мы понимаем только то, что можем выразить иначе. Леонтьев пишет о нескольких возможных вариантах перевода смысла в другую форму:

- перефразирование;
- пересказ прочитанного другими словами;

- перевод с одного языка на другой язык;
- смысловая компрессия, когда содержание «ужимается» в краткое резюме, сохраняя содержание первоначального варианта текста.

Понимание текста также возникает, если перевести изложенные в нём события и ситуации в осмысленный образ и/или дать тексту эмоциональную оценку [48].

Выделяют различные способы целенаправленного взаимодействия с текстами [46, с. 116]:

- *Структурный или аналитический подход* подразумевает движение от целого к частному. Необходимо понять основной предмет и смысл текста (книги); выделить его смысловые и структурные блоки; понять какие задачи ставит перед собой автор.

- *Интерпретационный или синтетический способ* описывает движение читателя от частного к целому. Ставится задача обнаружить и интерпретировать самые важные слова, предложения и абзацы в книге.

- *Критический или оценочный подход* требует от читателя оценки текста, автора и того, согласен ли он с его точкой зрения.

Конкретные стратегии, используемые педагогами, могут быть разными: «метод шести шляп мышления» Э. Боно; поиск основной идеи текста; задачи составить графическую репрезентацию прочитанного; остановки в процессе чтения и ответы на вопросы. Целесообразным также может быть обсуждение результатов, которые ученики получили после прочтения текста, и сравнение их с теми целями, с которыми они приступили к чтению.

Помимо цели и мотивации, как уже было отмечено, для понимания текста важен словарный запас учеников. Объём словарного запаса – это не только его ширина (breadth) – количество знакомых слов – но и его глубина (depth) [7, с. 78]. Глубина означает тот уровень, на котором человек знаком со словом: поверхностно, достаточно глубоко или досконально. Если у человека «глубокий» словарный запас, то он понимает смысл слова в разных контекстах и во взаимосвязи с другими словами, а также – оттенки значений слова. Чтение – процесс, требующий когнитивного напряжения и временных затрат. Для того чтобы чтение было приятным, необходимо, чтобы понимание прочитанного было лёгким и быстрым.

Возникает вопрос, какой объём незнакомой информации, слов и понятий может содержать текст, чтобы он не вызывал ментальной «перегрузки», когда читатель не в силах его прочесть. Объём незнакомой информации зависит от мотивации читателя. Многим школьникам сложно читать текст с незнакомыми словами [7, с. 89]. В среднем комфортное чтение подразумевает, что читатель понимает 98% читаемого. Это означает, что в каждом абзаце, состоящем, например, из 45 уникальных слов, читатель может быть незнаком с одним или двумя словами.

Тексты учебников, с которыми работают американские школьники, обычно содержат до 80 тысяч слов [7]. Для понимания учебников, не говоря уже о художественной литературе, необходим широкий словарный запас. Школьник, у которого в среднем 36 недель учебы в году, должен осваивать примерно 28 новых слов в неделю, около 1000 новых слов в год [7, с. 98]. Представляется, что такое количество слов ребёнок не узнает в школе, особенно в начальном ее звене, где дети так серьезно не занимаются пополнением словарного запаса.

Заключение

В заключение отметим, что эффективность чтения и его ценность в глазах современных школьников снижается, в том числе из-за того, что всё больше времени у них занимает досуг в Интернете. Наметилась тенденция во взрослении школьников в сторону размывания реальной «Я-концепции» и формирования «сетевой личности» в виртуальной среде. Последствия этого процесса пока мало изучены как с психологической, так и с социологической стороны. Однако уже сегодня можно говорить о том, что длительное пребывание в Интернете может негативно влиять на мышление, внимание и память, то есть в целом на личность. В результате многие школьники сталкиваются с проблемой понимания как учебных, так и других текстов.

Социальное расслоение между теми, кто обладает хорошими и слабыми навыками чтения, возникает уже в начальной школе. Когнитивная психология указывает на то, что чтение является сложным умением и требует регулярной тренировки. Кроме того, чтение и осмысление текста напрямую связаны с объёмом словарного запаса человека, – его шириной и глубиной.

Изучать данную проблематику важно не только с точки зрения психологии, но и социологии. Социологические исследования показывают, что достижения в области чтения во многом зависят от социального статуса семьи. Дети из семей с более высоким культурным и образовательным капиталом имеют лучшие показатели по функциональной грамотности. Кроме того, на способность к смысловому чтению влияют: мотивация, интересы ученика и его целеполагание – понимание, зачем читать те или иные тексты. Объём познаний школьника, широта его кругозора также коррелируют с высокими показателями функциональной грамотности

Раннее обучение смысловому чтению является одним из способов сгладить социальное неравенство между учениками с разным уровнем качества чтения. Только те школьники, кто умеет полно и точно понимать различные тексты, смогут успешно социализироваться и адаптироваться в современном мире.

Библиографический список

1. Spichtig A. N., Hiebert E. H., Vorstius C. et al. Decline of Comprehension-Based Silent Reading Efficiency in the United States: A Comparison of Current Data with Performance in 1960 // *Reading Research Quarterly*. 2016. Vol. 51. № 2. P. 239–259. DOI: 10.1002/rrq.137
2. Цукерман Г. А., Ковалева Г. С., Кузнецова М. И. Становление читательской грамотности, или новые похождения тяни-толкая // *Вопросы образования*. 2015. № 1. С. 284–300.
3. Цукерман Г. А., Ковалева Г. С., Кузнецова М. И. Победа в PIRLS и поражение в PISA: судьба читательской грамотности 10–15-летних школьников // *Вопросы образования*. 2011. № 2. С. 123–151.
4. OECD PISA 2018 Reading Framework // *PISA 2018 Assessment and Analytical Framework*. 2019. OECD Publishing. Paris. DOI: 10.1787/5c07e4f1-en
5. Фрумин И. Д., Добрякова М. С., Баранников К. А., Реморенко И. М. Универсальные компетентности и новая грамотность: чему учить сегодня для успеха завтра. Предварительные выводы международного доклада о тенденциях трансформации школьного образования. М.: НИУ ВШЭ, 2018. 28 с.
6. Cunningham A. E., Stanovich K. E. Early reading acquisition and its relation to reading experience and ability 10 years later // *Developmental Psychology*. 1997. Vol. 33. No. 6. P. 934–945.
7. Willingham D. T. *The Reading Mind: A Cognitive Approach to Understanding How the Mind Reads* (ebook). Jossey-Bass ebook, 2017. 256 p.
8. Чудинова В. П. Функциональная неграмотность – проблема развитых стран // *Социологические исследования*. 1994. № 3. С. 98–102.
9. Кузьмина Ю. В., Попов Д. С. Функциональная грамотность взрослых и их включенность в общество в России // *Социологические исследования*. 2015. № 7. С. 48–57.
10. Cargan L., Ballantine J. M. *A nation at risk: National Commission on excellence in education* // *Reading in sociology*. 4th ed. Belmont, California: Wadsworth Publishing Company, 1987. P. 179–191.
11. Адамович К. А., Капуза А. В., Захаров А. Б., Фрумин И. Д. Основные результаты российских учащихся в международном исследовании читательской, математической и естественнонаучной грамотности PISA-2018 и их интерпретация. М.: НИУ ВШЭ, 2019. 28 с.
12. Domingue B. W., Hough N. J., Lang D., Yeatman J. Changing patterns of growth in oral reading fluency during the COVID-19 pandemic [Policy brief] // *Policy Analysis for California Education*. 2021. URL: <https://edpolicyinca.org/publications/changing-patterns-growth-oral-reading-fluency-during-covid-19-pandemic> (дата обращения: 15.08.2022).
13. Добрякова М. С., Юрченко О. В., Сивак Е. В. Опыт дистанционного обучения и дефициты современной школы: позиции школьников и родителей // *Мониторинг экономики образования*. 2021. № 1. URL: https://www.hse.ru/data/2021/03/15/1399118825/release_11_2021.pdf (дата обращения: 15.08.2022).

14. Wagner D. A. Literacy retention: Comparisons across age, time, and culture // Paris S. G., Wellman H. M. (eds) *Global prospects for education: Development, culture, and schooling*. 1998. P. 229–251. DOI: 10.1037/10294-008

15. Яковлева А. М. Клиповое чтение: текст как изображение-симулякр // *Художественная культура*. 2015. № 2. С. 197–228.

16. Знаков В. В. *Психология понимания мира человека*. М.: ИП РАН, 2016. 488 с.

17. Snow C. Reading for understanding: toward a research and development program in reading comprehension // Official site RAND. 2002. URL: <https://www.videnomlaesning.dk/media/2526/reading-for-understanding.pdf> (дата обращения: 15.08.2022).

18. Willingham D. T., Lovette G. Can reading comprehension be taught? // *Teachers College Record*. 2014. ID Number 17701.

19. Кузьмина Ю. В., Тюменева Ю. А. Читательская грамотность 15-летних школьников: значимость семейных, индивидуальных и школьных характеристик (по данным российской выборки PISA-2009) // *Вопросы образования*. 2011. № 3. С. 164–191.

20. Морозова Н. Г. О понимании текста // *Известия АПН РСФСР. Труды института психологи*. 1947. Вып. 7. С. 191–195.

21. Горшков М. К., Крумм Р., Петухов В. В. Двадцать лет реформ глазами россиян: опыт многолетних социологических замеров. М.: Весь Мир, 2011. 328 с.

22. Стиллман Д. Поколение Z на работе. Как его понять и найти с ним общий язык. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2018. 272 с.

23. Темнова Л., Медникова М. Влияние виртуального пространства на коммуникацию представителей поколений Z и Y // *Теория и практика общественного развития*. 2017. № 11. С. 19–23. DOI: 10.24158/tipor.2017.11.3

24. Hancox R. J., Milne B. J., Poulton R. Association of television viewing during childhood with poor educational achievement // *Arch Pediatr. Adolesc. Med.* 2005. Vol. 159. No. 7. P. 614–618. DOI: 10.1001/archpedi.159.7.614

25. Zimmerman F. J., Christakis D. A. Associations between content types of early media exposure and subsequent attentional problems // *Pediatrics*. 2007. Vol. 120. No. 5. P. 986–992. DOI: 10.1542/peds.2006-3322

26. Цымбаленко С. Б., Шариков А. В., Майорова-Щеглова С. А., Макеев П. Л. Влияние интернета на российских подростков и юношество в контексте развития российского информационного пространства. Результаты социологического исследования. М.: Лига юных журналистов, 2012. 99 с.

27. ABCD study completes enrollment, announces opportunities for scientific engagement. URL: <https://www.nih.gov/news-events/news-releases/abcd-study-completes-enrollment-announces-opportunities-scientific-engagement> (дата обращения: 15.08.2022).

28. Madigan S., Browne D., Racine N. et al. Association between screen time and children's performance on a developmental screening test // *JAMA Pediatr.* 2019. Vol. 173. No. 3. P. 244–250. DOI: 10.1001/jamapediatrics.2018.5056
29. Безруких М. М. Дошкольник. Мифы и реалии // *Вестник практической психологии образования.* 2011. Т. 8. № 4. С. 16–21.
30. Загидуллина М. В. Подростки: чтение и Интернет в повседневной жизни // *Социологические исследования.* 2016. № 5. С. 115–123.
31. McKenna M. C., Kear D. J., Ellsworth R. A. Children's attitudes toward reading: A national survey // *Reading Research Quarterly.* 1995. Vol. 30. No. 4. P. 934–956.
32. Ломбина Т. Н., Мансуров В. А., Юрченко О. В. Проблемы чтения в новой цифровой реальности (на примере школьников). Часть 2 // *Социологическая наука и социальная практика.* 2020. № 1 (29). С. 93–105. DOI: 10.19181/snsp.2020.8.1.7097
33. Кравцов А. О. Диалектика «сетевой личности» в современном образовательном пространстве // *Образовательная динамика сетевой личности.* 2019. С. 15–21.
34. Orchard L. J., Fullwood C. Current perspectives on personality and internet use // *Soc. Sci. Comput. Rev.* 2010. Vol. 28. P. 155–169. DOI: 10.1177/0894439309335115
35. Белозерова Л. А., Поляков С. Д. Трансформация когнитивной сферы детей «цифрового поколения»: опыт анализа // *Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. Акмеология образования. Психология развития.* 2021. № 1 (37). С. 23–32.
36. Sparrow B., Liu J., Wenger D. M. Google effects on memory: cognitive consequences of having information at our fingertips // *Science.* 2011. Vol. 333. No. 6043. P. 776–778. DOI: 10.1126/science.1207745
37. Valkenburg P. M., Peter J. Internet communication and its relation to well-being: identifying some underlying mechanisms // *Media Psychology.* 2007. Vol. 9. No. 1. P. 43–58. DOI: 10.1080/15213260709336802
38. Yang C., Lee Y. Interactants and activities on Facebook, Instagram, and Twitter: associations between social media use and social adjustment to college // *Applied Developmental Science.* 2020. Vol. 24. No. 1. P. 62–78. DOI: 10.1080/10888691.2018.1440233
39. Wolf M. *Proust and the squid: the story and science of the reading brain.* HarperCollins Publishers, 2007. 314 p.
40. Нижегородцева Н. В., Волкова Т. В. Психологический анализ смыслового чтения как специфического вида деятельности // *Ярославский педагогический вестник.* 2012. № 2. С. 257–262.
41. Golan D., Barzillai M., Katzir T. The effect of presentation mode on children's reading preferences, performance, and self-evaluations // *Computers & Education.* 2018. No. 126. P. 346–358. DOI: 10.1016/j.compedu.2018.08.001

42. Veenendaal N. J., Groen M. A., Verhoeven L. What oral text reading fluency can reveal about reading comprehension // *Journal of Research in Reading*. 2015. Vol. 38. No. 3. P. 213–225. DOI: 10.1111/1467–9817.1

43. Gambrell L., Marinak B. Reading motivation: what the research says // *Reading Rockets*. 2009. URL: <http://www.readingrockets.org/article/readingmotivation-what-research-says> (дата обращения: 15.08.2022).

44. Pagan S., Sŷnŷchal M. Involving Parents in a Summer Book Reading Program to Promote Reading Comprehension, Fluency, and Vocabulary in Grade 3 and Grade 5 Children // *Canadian Journal of Education*. 2014. Vol. 37. No. 2. P. 1–31.

45. Eason S. H., Goldberg L. F., Young K. M. et al. Reader–text interactions: How differential text and question types influence cognitive skills needed for reading comprehension // *Journal of Educational Psychology*. 2012. Vol. 104. No. 3. P. 515–528. DOI: 10.1037/a0027182

46. Адлер М. Как читать книги: руководство по чтению великих произведений. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2011. 335 с.

47. Duke N. K., Caughlan S., Juzwik M., Martin N. Reading and writing genre with purpose in K-8 classrooms. Portsmouth, NH: Heinemann, 2012. 228 p.

48. Леонтьев А. А. Основы психолингвистики. М.: Смысл; СПб.: Лань, 2003. 287 с.

Получено редакцией: 17.05.22

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Мансуров Валерий Андреевич, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН

Ломбина Тамара Николаевна, кандидат психологических наук, доцент, заместитель директора по научно-исследовательской работе, АНО Культурно-образовательное объединение развития и воспитания дошкольников «Читайка»

Юрченко Олеся Викторовна, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН

DOI: 10.19181/vis.2022.13.3.835

EDN: JVDGMK

Problems of Understanding the Text by Schoolchildren: A Sociological View

Valery A. Mansurov

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: mansurov@isras.ru

ORCID: 0000-0002-7915-4760

Tamara N. Lombina

Non-for-Profit Organization «Chitaika», Moscow, Russia

E-mail: lombina@chitaika.org

Olesya V. Yurchenko

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: olesya@mail.ru

For citation: Mansurov V. A., Lombina T. N., Yurchenko O. V. Problems of understanding the text by schoolchildren: a sociological view. *Vestnik Instituta sotziologii*. 2022. Vol. 13. No. 3. P. 122–141. DOI: 10.19181/vis.2022.13.3.835; EDN: JVDGMK

Abstract. The article considers understanding as a social and cognitive phenomenon, analyses the conditions for the formation of understanding in oral and written communications. Text comprehension is a fundamental element of human literacy, since without comprehension it is impossible to use information, reflect and draw conclusions, on the basis of which it is possible to achieve goals and participate in social life. Thus, in the modern world it is one of the key elements of socialisation. Understanding the text is based not only on the technical skills of reading and writing, but also on the general outlook of a person, his ideas about different areas of life. Studies conducted during mass distance learning have shown that a break in personal teacher-student communication during training had a negative impact on the reading skills of schoolchildren. In addition to regularity, both social attitudes and value views of parents, as well as the cognitive experience of the student, the level of his speech development are important for effective reading and understanding.

Reading is considered by the authors not just as a set of cognitive skills, but also as a social action. Studies show that the reading skills and comprehension of new knowledge by schoolchildren are influenced by: the socio-economic status of the family, the attitudes and principles adopted in it. The article also shows that a long time spent by schoolchildren on the Internet negatively affects both their comprehension of texts and empathy. In addition, the problems of integrating the individual into the digital environment and the impact of digitalisation on consciousness and thinking are analysed. On the background of the growth of leisure preferences on the Internet, there is a decrease in the importance of reading for schoolchildren. An increase in school load also negatively affects interest in reading. The authors hypothesise that social stratification between schoolchildren with different levels of literacy can be reduced by using earlier teaching of semantic reading. The authors show that the study of these issues is important not only for pedagogical and psychological sciences, but also for sociology.

Keywords: reading literacy, understanding of the text, functional literacy, semantic reading, learning to read, generation Z, sociology of education, educational psychology

References

1. Spichtig A. N., Hiebert E. H., Vorstius C. et al. Decline of Comprehension-Based Silent Reading Efficiency in the United States: A Comparison of Current Data with Performance in 1960. *Reading Research Quarterly*, 2016: 51(2): 239–259. DOI: 10.1002/rrq.137
2. Tsukerman G. A., Kovaleva G. S., Kuznetsova M. I. Formation of reading literacy, or new adventures of pushing and pulling. *Voprosy obrazovaniya*, 2015: 1: 284–300 (in Russ.).
3. Tsukerman G. A., Kovaleva G. S., Kuznetsova M. I. Victory in PIRLS and defeat in PISA: the fate of reading literacy of 10-15-year-old schoolchildren. *Voprosy obrazovaniya*, 2011: 2: 123–151 (in Russ.).
4. OECD PISA 2018 Reading Framework. *PISA 2018 Assessment and Analytical Framework*. 2019. DOI: 10.1787/5c07e4f1-en
5. Frumin I. D., Dobryakova M. S., Barannikov K. A., Remorenko I. M. Universal competencies and new literacy: what to teach today for success tomorrow. Moscow, NIU VSHE, 2018: 28 (in Russ.).
6. Cunningham A. E., Stanovich K. E. Early reading acquisition and its relation to reading experience and ability 10 years later. *Developmental Psychology*, 1997: 33(6): 934–945.
7. Willingham D. T. *The Reading Mind: A Cognitive Approach to Understanding How the Mind Reads* (ebook). Jossey-Bass ebook, 2017: 256.
8. Chudinova V. P. Functional illiteracy as the problem of developed countries. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, 1994: 3: 98–102 (in Russ.).
9. Kuz'mina Y., Popov D. Functional literacy of adults and their inclusion in social life in Russia. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, 2015: 7: 48–57 (in Russ.).
10. Cargan L., Ballantine J. M. A nation at risk: National commission on excellence in education. *Reading in sociology*. 4th ed. Wadsworth Publishing Company. Belmont, California, 1987: 179–191.

11. Adamovich K. A., Kapuza A. V., Zakharov A. B., Frumin I. D. The main results of Russian students in the international research of reading, mathematical and natural science literacy PISA-2018 and their interpretation. Moscow, NIU VSHE, 2019: 28 (in Russ.).
12. Domingue B. W., Hough H. J., Lang D., Yeatman J. Changing patterns of growth in oral reading fluency during the COVID-19 pandemic [Policy brief]. *Policy Analysis for California Education*. 2021. Accessed 15.08.2022. URL: <https://edpolicyinca.org/publications/changing-patterns-growth-oral-reading-fluency-during-covid-19-pandemic>
13. Dobryakova M., Yurchenko O., Sivak Ye. Learning Experience and Deficiencies of a Modern School: Positions of Schoolchildren and Parents. *Monitoring ekonomiki obrazovaniya*, 2021: 1. Accessed 15.08.2022. URL: https://www.hse.ru/data/2021/03/15/1399118825/release_11_2021.pdf (in Russ.).
14. Wagner D. A. Literacy retention: Comparisons across age, time, and culture. In Paris S. G., Wellman H. M. (eds) *Global prospects for education: Development, culture, and schooling*. American Psychological Association, 1998: 229–251. DOI: 10.1037/10294-008
15. Yakovleva A. M. Clip reading: text as a simulacrum image. *Khudozhestvennaya kul'tura*, 2015: 2: 197–228 (in Russ.).
16. Znakov V. V. *The Psychology of Understanding of the Man's World*. Moscow, IP RAN, 2016: 488 (in Russ.).
17. Snow C. Reading for Understanding: Toward a Research and Development Program in Reading Comprehension. *Official site RAND*. 2002. Accessed 15.08.2022. URL: <https://www.videnomlaesning.dk/media/2526/reading-for-understanding.pdf>
18. Willingham D. T., Lovette G. Can reading comprehension be taught? *Teachers College Record*, 2014: 17701.
19. Kuz'mina Yu., Tyumeneva Yu. Reading literacy of 15-year olds: the importance of family, individual and school characteristics. *Voprosy obrazovaniya*, 2011: 3: 164–191 (in Russ.).
20. Morozova N. G. On understanding the text. *Izvestiya APN RSFSR. Trudy instituta psikhologii*, 1947: 7: 191–195 (in Russ.).
21. Gorshkov M. K., Krumm R., Petukhov V. V. Twenty years of reforms through the eyes of Russians: the experience of many years of sociological measurements. Moscow, Ves' Mir, 2011: 328 (in Russ.).
22. Stillman D. Generation Z at work. How to understand them and find a common language with them. Moscow, Mann, Ivanov i Ferber, 2018: 272 (in Russ.).
23. Temnova L., Mednikova M. The influence of virtual space on the communication of representatives of generations Z and Y. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 2017: 11: 19–23. DOI: 10.24158/tipor.2017.11.3 (in Russ.).
24. Hancox R. J., Milne B. J., Poulton R. Association of television viewing during childhood with poor educational achievement. *Arch Pediatr Adolesc Med.*, 2005: 159(7): 614–618. DOI: 10.1001/archpedi.159.7.614
25. Zimmerman F. J., Christakis D. A. Associations between content types of early media exposure and subsequent attentional problems. *Pediatrics*, 2007: 120(5): 986–992. DOI: 10.1542/peds.2006-3322
26. Tsymbalenko S. B., Sharikov A. V., Mayorova-Shcheglova S. A., Makeyev P. L. The influence of the Internet on Russian adolescents and youth in the context of the development of the Russian information space. Sociological research results. Moscow, Liga yunikh zhurnalistov, 2012: 99 (in Russ.).
27. ABCD study completes enrollment, announces opportunities for scientific engagement. Accessed 15.08.2022. URL: <https://www.nih.gov/news-events/news-releases/abcd-study-completes-enrollment-announces-opportunities-scientific-engagement>
28. Madigan S., Browne D., Racine N. et al. Association Between Screen Time and Children's Performance on a Developmental Screening Test. *JAMA Pediatr*, 2019: 173(3): 244–250. DOI: 10.1001/jamapediatrics.2018.5056
29. Bezrukikh M. M. Preschooler. Myths and realities. *Vestnik prakticheskoy psikhologii obrazovaniya*, 2011: 8(4): 16–21 (in Russ.).
30. Zagidullina M. V. Adolescents: Reading and the Internet in Everyday Life. *Sotsiologicheskoye issledovaniya*, 2016: 5: 115–123 (in Russ.).

31. Mckenna M. C., Kear D. J., Ellsworth R. A. Children 's attitudes toward reading: A national survey. *Reading Research Quarterly*, 1995: 30(4): 934–956 (in Russ.).
32. Lombina T. N., Mansurov V. A., Yurchenko O. V. Reading problems in the new digital reality (on the example of schoolchildren). Part 2. *Sotsiologicheskaya nauka I sotsial'naya praktika*, 2020: 1(29): 93–105 (in Russ.). DOI: 10.19181/snsp.2020.8.1.7097
33. Kravtsov A. O. Dialectics of the “network personality” in the modern educational space. *Obrazovatel'naya dinamika setevoy lichnosti*, 2019: 15–21 (in Russ.).
34. Orchard L. J., Fullwood C. Current perspectives on personality and internet use. *Soc. Sci. Comput. Rev*, 2010: 28: 155–169. DOI: 10.1177/0894439309335115
35. Belozerova L. A., Polyakov S. D. Transformation of the cognitive sphere of children of the “digital generation”: the experience of analysis. *Izv. Sarat. un-ta Nov. ser. Ser. Akmeologiya obrazovaniya. Psikhologiya razvitiya*, 2021: 1 (37): 23–32 (in Russ.).
36. Sparrow B., Liu J., Wenger D. M. Google effects on memory: Cognitive consequences of having information at our fingertips. *Science*, 2011: 333 (6043): 776–778. DOI: 10.1126/science.1207745
37. Valkenburg P. M., Peter J. Internet communication and its relation to well-being: Identifying some underlying mechanisms. *Media Psychology*, 2007: 9(1): 43–58. DOI: 10.1080/15213260709336802
38. Yang C., Lee Y. Interactants and activities on Facebook, Instagram, and Twitter: Associations between social media use and social adjustment to college. *Applied Developmental Science*, 2020: 24(1): 62–78.
39. Wolf M. Proust and the squid: the story and science of the reading brain. HarperCollins Publishers, 2007: 314.
40. Nizhegorodtseva N. V., Volkova T. V. Psychological analysis of semantic reading as a specific type of activity. *Yaroslavskiy pedagogicheskij vestnik*, 2012: 2: 257–262 (in Russ.).
41. Golan D., Barzillai M., Katzir T. The Effect of Presentation Mode on Children's Reading Preferences, Performance, and Self-evaluations. *Computers & Education*, 2018: 126: 346–358. DOI: 10.1016/j.compedu.2018.08.001
42. Veenendaal N. J., Groen M. A., Verhoeven L. What oral text reading fluency can reveal about reading comprehension. *Journal of Research in Reading*, 2015: 38(3): 213–225. DOI: 10.1111/1467-9817.1
43. Gambrell L., Marinak B. Reading Motivation: What the Research Says. *Reading Rockets*. 2009. Accessed 15.08.2022. URL: <http://www.readingrockets.org/article/readingmotivation-what-research-says>
44. Pagan S., Šinčhal M. Involving Parents in a Summer Book Reading Program to Promote Reading Comprehension, Fluency, and Vocabulary in Grade 3 and Grade 5 Children. *Canadian Journal of Education*, 2014: 37(2): 1–31.
45. Eason S. H., Goldberg L. F., Young K. M., Geist M. C., Cutting L. E. Reader–text interactions: How differential text and question types influence cognitive skills needed for reading comprehension. *Journal of Educational Psychology*, 2012: 104(3): 515–528. DOI: 10.1037/a0027182
46. Adler M. How to Read Books: A Guide to Reading Great Writings. Moscow, Mann, Ivanov i Ferber, 2011: 335 (in Russ.).
47. Duke N. K., Caughlan S., Juzwik M., Martin N. Reading and writing genre with purpose in K-8 classrooms. Portsmouth, NH, Heinemann, 2012: 228.
48. Leont'yev A. A. Fundamentals of Psycholinguistics. Moscow, Smysl, St. Petersburg, Lan', 2003: 287 (in Russ.).

The article was submitted on: May 17, 2022

INFORMATIONS ABOUT THE AUTHORS

Valery A. Mansurov, Doctor of Philosophical sciences, Professor, Chief Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS

Tamara N. Lombina, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Deputy Director for Research, Non-for-Profit Organization «Chitaika»

Olesya V. Yurchenko, Candidate of Sociological Sciences, Senior Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS

СИСТЕМА ОБРАЗОВАНИЯ В МЕНЯЮЩЕМСЯ ОБЩЕСТВЕ

DOI: 10.19181/vis.2022.13.3.834

EDN: IOOYLC

Институциональные возможности и практики участия американских родителей в системе школьного образования¹

Ссылка для цитирования: Шаброва Н. В. Институциональные возможности и практики участия американских родителей в системе школьного образования // Вестник Института социологии. 2022. Том 13. № 3. С. 142–161. DOI: 10.19181/vis.2022.13.3.834; EDN: IOOYLC

For citation: Shabrova N. V. Institutional Opportunities and Practices for the Participation of American Parents in the School System. *Vestnik instituta sotziologii*. 2022. Vol. 13. No. 3. P. 142–161. DOI: 10.19181/vis.2022.13.3.834; EDN: IOOYLC

Шаброва Нина Васильевна¹

¹Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия

urfu-stu@mail.ru

AuthorID РИНЦ: 586740

Аннотация. В данной статье проанализированы институциональные возможности и практики участия родителей в системе школьного образования Соединённых Штатов Америки. Образование является сферой, в которой сегодня наиболее ярко проявляется гражданская субъектность родителей как в зарубежных странах, так и в России. Поэтому автор полагает, что опыт американских родителей, отражающий длительный и противоречивый процесс реализации принципов гражданского общества в сфере образовательных отношений, представляет интерес как в научном, так и в прикладном аспектах.

Методологическим базисом исследования является концепция Д. Эпштейн. Автором изучено содержание нормативно-правовых документов, регулирующих участие американских родителей в образовании их детей-школьников; осуществлён вторичный анализ статистической информации и данных социологических исследований.

Проведённое исследование показало: 1) зависимость институциональных возможностей реализации американскими родителями потребностей и интересов в сфере школьного образования от особенностей системы школьного образования региона (штата); 2) сохраняющееся неравенство в доступе к качественному школьному образованию у различных подбщностей американских родителей; 3) влияние социального неравенства американских родителей на возможности защиты детско-родительских прав и интересов в сфере школьного образования; 4) сложности в реализации партисипативной модели взаимо-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-29-07016.

действия школы и американского родительского сообщества; 5) влияние экономических и социальных ресурсов американских родителей (дохода, времени, культурного и образовательного капитала) на характер их вовлечённости во внутришкольную жизнь детей; 6) кризис доверия американского родительского сообщества к массовым (национальным) родительским общественным организациям и выполняемым ими функциям.

Делается вывод о том, что, несмотря на различия институционального ландшафта гражданской деятельности в США и России – как в целом, так и в сфере школьного образования, в обеих странах существуют схожие проблемы взаимодействия родителей и школы. В связи с этим автор приходит к выводу о важности учёта некоторых конструктивных практик, сложившихся в американском обществе, в деятельности родителей российских школьников.

Ключевые слова: родительское сообщество, гражданское общество, институциональные возможности участия родителей в школьном образовании, практики социальной и гражданской активности родителей

Российское родительство находится в процессе становления в качестве субъекта гражданского общества. Для исследования перспектив его превращения в самостоятельный субъект необходим анализ институциональных условий, возможностей и барьеров, создаваемых государством, и практик родителей в таком качестве в странах с развитым гражданским обществом. В данной статье мы анализируем сложный и противоречивый опыт США в реализации принципов гражданского общества в разных штатах, в том числе в системе школьного образования. Этот опыт стал предметом многих научных публикаций, прежде всего американских исследователей, посвящённых взаимодействию современной американской семьи и школы [6].

Цель статьи – выявить институциональные возможности и практики участия американских родителей в системе школьного образования.

Теоретико-методологические основания исследования

Из множества теоретических интерпретаций [1; 19; 26], позволяющих изучить вовлечённость родителей в практики реализации и защиты потребностей и интересов (своих и детей) в сфере школьного образования мы выбираем в качестве методологического базиса исследования концепцию родительского участия в образовании, предложенную Д. Эпштейн¹ [20]. Данная концепция более, чем другие, отвечает задачам авторского исследования социального и гражданского участия родителей в школьном образовании детей, потому что содержит соответствующие типы деятельности родителей (волонтерство, участие в принятии решений, сотрудничество с сообществом).

¹ Данная концепция включает в себя шесть типов родительского участия в образовании ребенка в зависимости от модели взаимоотношений и взаимодействия учителей, учеников, родителей и членов местных сообществ: воспитание, домашнее обучение, общение (коммуникации), волонтерство, принятие решений, сотрудничество с сообществом.

Мы сгруппировали шесть типов родительского участия в образовании, предложенные Д. Эпштейн, в три – в зависимости от уровня реализации и защиты потребностей и интересов родителей и их детей. К первому уровню мы отнесли деятельность родителей, направленную на реализацию и защиту *индивидуальных потребностей и интересов* детей и родителей (воспитание, домашнее обучение, общение). Второй уровень предполагает деятельность родителей, ориентированную на реализацию и защиту *коллективных потребностей и интересов* родителей и детей *в рамках школы* (волонтерство, участие в принятии решений). Третий уровень – деятельность родителей, направленная на реализацию (и защиту) *коллективных потребностей и интересов* родителей и детей *в масштабах местного сообщества* (сотрудничество с сообществом).

Для достижения поставленной цели мы изучили содержание нормативно-правовых документов, регулирующих участие американских родителей в образовании их детей-школьников; провели вторичный анализ статистической информации и данных социологических исследований¹. В качестве конкретных признаков (показателей) деятельности родителей школьников в системе образования как субъекта гражданского общества для нас выступили: 1) активный выбор родителями способов реализации индивидуальных детско-родительских потребностей и интересов (школы, видов дополнительного образования и др.); 2) включение в волонтерскую деятельность и практики соуправления школой; 3) самоорганизация родителей в формальные и неформальные объединения и консолидация с другими структурами гражданского общества; 4) защита детских и родительских прав и интересов в сфере школьного образования в случаях их ограничения и/или нарушения.

Институциональные возможности участия американских родителей в системе школьного образования²

Американская система школьного образования (K-12³) включает в себя три уровня: начальная школа (elementary school) (1–5 классы), средняя школа (middle school) (6–8 классы) и высшая (старшая) школа (high school) (9–12 классы). Согласно данным Национального центра статистики образования США численность детей школьного возраста

¹ В анализе не учитывались практики «пандемийного периода». Новые данные либо не представлены (поскольку ход и последствия пандемии не позволяют адекватно их формировать), либо носят противоречивый характер.

² Рассмотрены институциональные возможности участия американских родителей в системе школьного образования на основе анализа содержания ключевых нормативно-правовых документов.

³ Название показывает период обучения в школе: от Kindergarten – нулевого класса начальной школы до 12 класса старшей школы (high school).

(5–17 лет) в 2017 г. составляла 53 717 тыс. человек¹, то есть 73% от общего числа детей в возрасте до 18 лет и почти 16% от постоянного населения США в целом.

В частных образовательных учреждениях учится примерно 10% американских школьников. С 2016 по 2021 гг. доля американских школьников, обучающихся в форме семейного образования, выросла с 3% до 6% от общего количества школьников². Важно отметить, что данная тенденция характерна и для других стран, включая Россию³. Причины выбора данной формы образования весьма разнообразны. К основным из них относятся: нежелание родителей, чтобы их детей учили идеям, с которыми они не согласны; невозможность школы удовлетворить потребности детей с индивидуальными особенностями; стремление защитить детей от наркотиков и преступности, существующих в некоторых школах [8].

Официальный статистический учёт численности родителей школьников в США не ведётся. Можно провести её примерный расчёт на основе информации о структуре семейных ячеек с детьми до 18 лет и доли школьников в общей структуре детей до 18 лет. В 2017 г. в США насчитывалось почти 24 млн полных (с двумя родителями) семей с детьми до 18 лет и около 10,6 млн – неполных (с одним родителем)⁴. Таким образом, можно говорить о том, что в 2017 г. в США насчитывалось не менее 58 млн родителей с детьми до 18 лет. Учитывая долю школьников от общего числа детей до 18 лет (73%), можно предположить, что численность родителей американских школьников составляет около 40 млн чел.

Особенности институциональных возможностей реализации американскими родителями потребностей, интересов (как своих, так и детей) и их защиты в сфере школьного образования обусловлены, по нашему мнению, двумя моментами. Во-первых, спецификой федеративной формы государственного устройства США, предполагающей высокий уровень самостоятельности штатов в принятии законов в сфере школьного образования. Во-вторых, особенностями англосаксонской правовой

¹ Estimated total and school-age resident populations // Digest of Education Statistics. Accessed 04.11.2020. URL: https://nces.ed.gov/programs/digest/current_tables.asp

² Digest of Education Statistics. Accessed 11.12.2021. URL: https://nces.ed.gov/programs/digest/current_tables.asp; Ray B. D. Research Facts on Homeschooling, Homeschool Fast Facts. Accessed 11.12.2021. URL: <https://www.nheri.org/research-facts-on-homeschooling/>

³ По сравнению с 2019–2020 уч. г. в 2020–2021 учебном году количество российских школьников, обучающихся в форме семейного образования и самообразования, возросло почти на 5 тыс. чел., а в 2021–2022 уч. г. их доля увеличилась более, чем в 2 раза [Расчитано по: Сводные отчеты по форме федерального статистического наблюдения № 00-1 «Сведения об образовательной организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам начального общего, основного общего, среднего общего образования» // Банк документов Министерства просвещения URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/bc860a2dbd4c77d1f4792e6a89cb5f15/> (дата обращения: 26.03.2022)].

⁴ Number and percentage distribution of family households, by family structure and presence of own children under 18: Selected years // Digest of Education Statistics. Accessed 04.11.2020. URL: https://nces.ed.gov/programs/digest/d18/tables/dt18_102.10.asp?current=yes

системы, в которой, с одной стороны, существует гибкость, оперативность, связь с повседневной жизнью, а с другой – запутанность и недостаточная определённость из-за отсутствия чёткой структуры системы права.

Первые законы, регулирующие права и обязанности граждан в сфере образования, появились в США почти 200 лет назад. За последние 60 лет они пересматривались в соответствии с Конституцией и базовыми поправками к ней [4; 7].

В первую очередь необходимо отметить, что все граждане США имеют равные возможности для получения образования. Запрещена законом дискриминация в сфере образования на основании расы, пола, национального происхождения, ограниченных возможностей здоровья и др. (Закон о гражданских правах 1964 г., Закон о равных возможностях в сфере образования 1974 г.)¹.

Вторая значимая особенность заключается в том, что высокий уровень региональной автономности даёт конституционные основания для создания в каждом штате собственной системы школьного образования. Руководство штата имеет право устанавливать: 1) компоненты законов об обязательной посещаемости образовательных учреждений (возраст поступления и окончания школы², продолжительность учебного года, требования к зачислению, исключению и т. д.); 2) стандарты оценки достижений учащихся и работы учителей (стандартизированное тестирование, минимальные кредитные часы, обязательные предметы обучения и т. д.).

Третья особенность состоит в автономности образовательных организаций, а демократические принципы управления ими позволяют избираемым школьным советам определять программы обучения, нанимать учителей, распределять финансирование³.

Учитывая перечисленные положения американского законодательства о школьном образовании, выделим базовые институциональные возможности реализации и защиты американскими родителями детско-родительских потребностей и интересов в сфере образования.

¹ Civil Rights Act of 1964. Accessed 25.05.2022. URL: <https://www.archives.gov/milestone-documents/civil-rights-act>; Equal Education Opportunities Act of 1974. Accessed 05.11.2020. URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/20/chapter-39>

² Минимальный возраст поступления в школу – 5 лет – существует в 11 штатах, в т.ч. округе Колумбия, а максимальный – 8 лет – в 2 (Пенсильвания, Вашингтон). В 15 штатах возраст поступления в школу – 6 лет, а в 13 штатах – 7 лет. Отличаются штаты и общим количеством лет обучения в школе. Оно варьируется от 9 до 13 лет: 9 лет – в 14% штатов, 10 лет – в 24% штатов, 11 лет – в 20% штатов, 12 лет – в 22% штатов и 13 лет в 20% штатов. Посчитано по: Compulsory school attendance laws, minimum and maximum age limits for required free education, by state: 2017. Accessed 04.11.2020. URL: https://nces.ed.gov/programs/statereform/tab5_1.asp

³ Государственные школы финансируются из местных (городских) бюджетов. Значительная доля средств, направляемая на финансирование школ, поступает в бюджет посредством налоговых отчислений граждан (родителей) на недвижимость. Кроме того, финансовые средства могут поступать в школу и из других источников (добровольные взносы родителей, благотворительная деятельность организаций).

1. Родители имеют фундаментальное право «руководить» образованием своих детей, включая право выбирать форму образования (в образовательной организации или вне её) и обучения¹, помогать своему ребёнку в выборе образовательной траектории². Вместе с тем, следует отметить достаточно жёсткую привязку выбора государственной школы к месту жительства учащегося (школьному округу). В федеральном законе о равных возможностях в сфере образования 1974 г. отмечается, что данное положение не является ограничением равных образовательных возможностей³.

2. Родители несут ответственность за получение ребёнком образования (в частности, относительно посещения школы) и могут быть подвергнуты административному (а в некоторых случаях и уголовному) наказанию за невыполнение своих родительских обязанностей⁴.

3. Выбирая обучение ребёнка в образовательном учреждении, родители передают часть своих прав и обязанностей школе.

4. Родители имеют право получения информационной, консультационной и материальной поддержки (например, обеспечение бесплатным питанием в случае бедности семьи).

5. Родители вовлекаются во взаимодействие со школой, местными и региональными органами управления образованием⁵. Делается это для повышения качества образования, помощи родителям в продуктивном участии в образовании детей. Важно подчеркнуть, что участие родителей в родительских движениях, организациях, программах и мероприятиях носит добровольный характер.

Практики участия американских родителей в системе школьного образования

Наиболее значимыми для американских родителей аспектами выбора образовательной организации являются: дисциплина в школе (безопасность), близость к дому, высокие показатели результатов экзаменов учащихся [17]. В последние годы исследователи активно крити-

¹ В некоторых штатах родителям необходимо зарегистрировать свое намерение обучать ребенка в форме семейного образования в отделе образования или в местном школьном совете. Во многих штатах требуется ежегодное подтверждение результатов процесса обучения на дому. В некоторых штатах допускается сочетание семейного (домашнего) обучения и посещение занятий в государственных школах, участие в их мероприятиях.

² Family Educational Rights and Privacy Act Regulations (FERPA) // U.S. Department of Education. Accessed 10.12.2020. URL: <https://www2.ed.gov/policy/gen/reg/ferpa/index.html>

³ 20 U.S. Code Chapter 39 Equal educational opportunities and transportation of students. Accessed 05.11.2020. URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/20/chapter-39>

⁴ Compulsory-School. Accessed 05.11.2020. URL: <https://education.stateuniversity.com/pages/1878/Compulsory-School-Attendance.html#ixzz6cteE2Hf4>

⁵ United States Code. Title 20. Education. Accessed 05.11.2020. URL: <https://codes.findlaw.com/us/>

куют использование массовых опросов родителей для изучения параметров выбора школы [16, 17, 22]. Данная критика основана на том, что подобные опросы не несут пользы для разработки государственных программ улучшения школ и увеличения возможностей родительского выбора. Они дают лишь представления о типичном выборе «типичного родителя», но не позволяют учитывать его социальный контекст.

Преодолеть это ограничение, по мнению учёных, позволяет использование качественных методов (включённые наблюдения, глубинные интервью). В частности, Дж. Холм в своём исследовании провела 42 интервью с представителями среднего класса, переехавшими в другой школьный район для обеспечения детей качественным образованием [22]. Она выяснила, что выбор родителями образовательной организации был основан на репутации школы, социально сконструированной через взаимодействие родителей с высокостатусными знакомыми, коллегами, соседями, а не на качестве подготовки в ней.

Дж. Холм считает, что родители осуществляли свой выбор, ведомые идеологией статуса, которая заставляла их делать предположения о культуре и ценностях тех, кто находится в различных школьных сообществах. Эти родители полагали, что «плохие» школы не заботятся об образовании, а обучающиеся в них преимущественно «цветные» учащиеся из семей с низким доходом будут препятствовать учёбе их детей или угрожать физическим насилием. В «хороших» школах, по их мнению, созданы более благоприятные условия для качественного образования, а ценности и поведение учеников (в основном белых, из семей с высоким достатком) лучше и безопаснее для их детей.

Таким образом, заключает Дж. Холм, решения родителей среднего класса о выборе школы являются не просто индивидуализированными усилиями для обеспечения детей хорошим образованием, а средством, с помощью которого их детям будут предоставляться как материальные, так и социальные преимущества.

Результаты данного исследования продемонстрировали сохраняющееся неравенство в доступе к качественному школьному образованию разных слоёв американцев. Они подтвердили выводы ряда предыдущих работ: белые родители с высоким уровнем дохода чаще выбирают школы с белыми учащимися из обеспеченных семей, а «цветные» родители, как правило, выбирают школы, в которых больше «цветных» детей. При этом, как отмечает Дж. Холм, ни один из массовых опросов родителей не выявил прямого влияния расовой структуры учащихся школ на выбор родителями школы. При опросах общественного мнения большинство родителей всех рас выражает решительную поддержку принципу интегрированных по расовому признаку школ.

Ограниченные возможности выбора школы различными слоями американского общества отмечаются и в других работах. Например, Ш. Эванс подчеркивает преимущества родителей из среднего класса в возможностях ориентации в школьной системе и получения доступа к желаемым школам, обусловленные их ресурсами и капиталом [21]. Родители из среднего

класса обладают ресурсами времени (для посещения дней открытых дверей), образовательным капиталом (для заполнения анкет и заявок), культурным капиталом (необходимым для общения со школьным персоналом).

Диспропорции представительства в статусных государственных образовательных учреждениях городских школьных округов разных категорий учащихся (незначительное число темнокожих, латиноамериканских и бедных учеников по сравнению с белыми и азиатскими обучающимися) актуализировали в первой декаде XXI в. среди педагогов, родителей, учёных и представителей власти обсуждение возможностей справедливого и равноправного процесса приёма в школы [21]. Дискуссия проходила в нескольких направлениях. Во-первых, она затронула роль региональной власти в урегулировании неравного доступа различных слоёв населения к качественному образованию. Сторонники государственного (регионального) регулирования выступали за отслеживание органами власти пропорционально равномерного представительства разных категорий детей в школах (прежде всего статусных) в соответствии с расовой и экономической структурой населения, которая существует в штате в целом. Приверженцами данной позиции чаще выступали дискриминируемые группы (темнокожие, латиноамериканцы, представители бедных слоёв).

Противники вмешательства властей штата в процесс равногo представительства разных социальных групп при приёме в школы аргументировали свою позицию нарушением 14-й поправки к Конституции США о том, что подобное регулирование нарушает их права как граждан Соединённых Штатов. Сторонниками этой точки зрения в большей мере были родители из среднего класса, рассматривавшие такое регулирование как угрозу доступа их детей к качественным школам [21].

Определённым итогом дебатов стал иск родительского сообщества к власти школьного округа Сиэтла в Верховный суд США (*Parents Involved in Community Schools v. Seattle School District*)¹. Суд постановил, что попытки распределения учащихся в государственных школах округа в соответствии с расовой принадлежностью не является мерой для достижения «расового баланса», а государственные школы не могут использовать критерий расовой принадлежности как единственный определяющий фактор при распределении учащихся.

Вторым направлением в обсуждении возможностей справедливого и равноправного процесса приёма в школы был вопрос, связанный с границами выбора родителями и их детьми образовательных учреждений. Учёные провели целый ряд исследований, но их результаты носят противоречивый характер. Часть авторов доказывает, что расширение границ выбора школы позволяет уменьшить расовую сегрегацию. Другая, напротив, приводит доводы об усилении расовой сегрегации при расширении границ выбора школы, поскольку подключается фактор экономического положения семьи, дополнительных родительских инвестиций в образование детей [28].

¹ Parents Involved in Community Schools v. Seattle School District. Accessed 04.12.2020. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Parents_Involved_in_Community_Schools_v._Seattle_School_District_No._1

Деятельность родителей в ходе обучения ребёнка в образовательной организации (школе) реализуется в двух направлениях: 1) в виде включения во внутришкольную жизнь ребёнка и сопряжённую с ней деятельность и 2) в виде участия в образовании ребенка вне школьных стен.

Вовлечение американских родителей во внутришкольную жизнь ребёнка осуществляется на двух уровнях. Первый уровень связан с реализацией индивидуальных потребностей и интересов родителей и их детей. По результатам опроса 2115 родителей учащихся четвертого класса, проведенного С. М. Деррик-Льюис в 2000 г. в 15 начальных и средних школах Балтимора, штат Мэриленд, выяснилось, что абсолютное большинство родителей создают условия и помогают своим детям осваивать учебный материал [19]. Более 95% родителей отмечали, что они постоянно говорят с детьми о важности учёбы, интересуются их школьными делами и проверяют домашнее задание. Около 80% родителей помогают детям планировать время и выполнять домашнее задание, готовиться к тестированию. При этом, как показало исследование, родители редко обращаются к учителям за помощью. Несколько раз разговаривали с учителем своего ребенка в школе лишь около 40% родителей, а по телефону – ещё меньше (около 30%). Таким образом, можно предположить, что американские родители формируют образовательную мотивацию у своих детей, помогают им справляться с возникающими в процессе обучения трудностями, практически не прибегая к помощи школьных учителей.

Второй уровень включения американских родителей во внутришкольную жизнь ребёнка – это участие в мероприятиях, организуемых школой (и/или родительским комитетом школы) и вовлечение в школьное управление. По данным исследования С. М. Деррик-Льюис, в школьных мероприятиях на постоянной основе участвует около 50% родителей [19, с. 52]. Интересны, на наш взгляд, данные о вовлечённости родителей в волонтерскую деятельность в школе. О систематическом участии в помощи классу или школе заявило около 30% опрошенных родителей. Почти 32% родителей сообщили о том, что они никогда не вовлекались в данную деятельность. В других (более поздних) исследованиях был зафиксирован более высокий уровень участия американских родителей в волонтерской деятельности в школе (52,9%), но, тем не менее, по мнению учёных, он остаётся достаточно низким [26, с. 687].

Создание родительских комитетов и участие американских родителей в их деятельности как форма участия в управлении школой носит добровольный характер и имеет длительную историю. Национальная Ассоциация родителей и учителей (National Parent-Teacher Association, NPTA)¹ как формальная некоммерческая организация возникла в США в конце XIX в. В настоящее время она насчи-

¹ National Parent-teacher associations (NPTA) общенациональная формальная организация, состоящая из родителей, учителей и других заинтересованных лиц. Помимо нее в США действуют и другие родительские организации и в широком смысле подобные организации называются parent-teacher organizations (PTOs).

тывает около 4 млн членов¹. Важно отметить, что членство в NPTA с 1960-х гг. серьёзно сократилось, но это не означает, что родительские организации совсем прекратили своё существование [25]. В целом расчёты специалистов говорят о наличии в более чем в 60% государственных начальных школ какой-либо родительской организации (Parent-Teacher Organizations, РТО) [24]. Изменилась структура таких организаций. За последние 20 лет получили распространение так называемые неаффилированные родительские организации (или родительские организации учащихся и учителей). Представители этих неаффилированных организаций, отдающих предпочтение организационной независимости, по мнению руководства NPTA и некоторых исследователей, «сосредоточены исключительно на проблемах своей школы и не являются частью более крупной организованной сети, поэтому у них нет возможности влиять на решения за пределами своего школьного двора»². Таким образом, можно говорить о существующем в настоящее время в американском обществе противоречии между различными родительскими объединениями.

Активность участия родителей в различных РТО, по результатам исследований, не велика. В опросе С. М. Деррик-Льюис около 50% родителей сообщили, что никогда не посещали собраний РТО [19, с. 51]. В исследовании Л. Поузи-Мэддокс только 35,3% участников отметили своё присутствие на собраниях РТО [26, с. 687].

Содержание деятельности конкретных американских родительских организаций может отличаться. Работа РТО чаще всего предполагает: сбор членских взносов, родительских и общественных пожертвований, участие в принятии управленческих решений (например, найм школьного персонала, внесение изменений в образовательные программы), организация и проведение школьных мероприятий. Собранные средства родительские организации тратят в зависимости от потребностей детей и школы на: организацию внеурочных дополнительных занятий, помощь ученикам с трудностями в обучении, стимулирование учителей и учеников, улучшение материально-технической оснащённости школы и др. [23, 24, 25]. Таким образом, РТО выполняют ряд важных функций: формируют и укрепляют социальный капитал (коммуникации, доверие) между родителями, учащимися и педагогами, помогают школам координировать свои усилия по созданию эффективных возможностей для обучения [25].

Сокращение членства родителей в NPTA и критика учителей в их адрес по поводу низкого уровня вовлечённости во внутришкольную жизнь актуализировали исследования о мотивах и целях, видах и способах участия родительства в данной деятельности [24, 26]. В результате учёные

¹ Сайт National Parent-teacher associations (NPTA). Accessed 03.12.2020. URL: <https://www.pta.org/home/About-National-Parent-Teacher-Association/Mission-Values/pta-vs-unaffiliated-parent-groups>

² Сайт National Parent-teacher associations (NPTA). Accessed 03.12.2020. URL: <https://www.pta.org/home/About-National-Parent-Teacher-Association/Mission-Values/pta-vs-unaffiliated-parent-groups>

пришли к выводам, что, несмотря на общее стремление всех родителей участвовать в школьной жизни для благополучия детей, они избирают различные стратегии поведения. Эти стратегии обусловлены целым рядом факторов: мотивацией, убеждениями, собственной историей образования, нынешним жизненным контекстом (экономическими, социальными и семейными обстоятельствами), социальной структурой родительских групп (расовой, этнической принадлежностью, социальным классом), характером приглашения к участию [26]. Ниже проанализируем некоторые из них с точки зрения внутриобщностного (родительского) и межобщностного (с учителями и администрацией школы) взаимодействия.

В управляющие органы РТО входит относительно небольшая группа родителей. Большая часть работы школьного родительского комитета происходит вне открытых общешкольных собраний. Посвятить себя этой деятельности могут, прежде всего, состоятельные граждане и представители среднего класса, имеющие время, деньги и профессиональные навыки [25]. Ряд исследований показал, что ключевым моментом эффективности деятельности школьной родительской организации являются мотивы её членов, прежде всего, её ядра – родительского комитета [18, 24]. Ориентация на реализацию коллективных потребностей и интересов, работа на обеспечение благополучия всех учеников приносит позитивные результаты. Формируемый таким образом социальный капитал способствует созданию коалиций разных подобщностей родителей для участия в гражданских действиях, позволяет им обмениваться знаниями и ресурсами, облегчает понимание и позволяет учитывать интересы и потребности друг друга.

При доминировании у активистов родительских организаций ориентации на удовлетворение потребностей собственных детей (зачастую обусловленных экономическим положением, расовой, этнической принадлежностью) происходит ограничение и закрепление неравного доступа к удовлетворению потребностей и интересов иных, не входящих в родительский актив, представителей родительских подобщностей и их детей. Чаще всего в качестве таких сегрегированных групп выступают подобщности родителей, не обладающих экономическим и образовательным капиталом, чернокожие, латиноамериканцы и мигранты. Эти сегрегированные группы вынуждены использовать свои стратегии действий. В одних случаях они создают альтернативные родительскому комитету структуры для контроля за его деятельностью [24]. В других – решают школьные проблемы индивидуально [27]. Иногда они выбирают стратегию избегания, отказываясь от реализации потребностей и интересов в сфере образования, не решаясь защищать права (свои и своих детей), чувствуя бессилие и опасаясь отчисления детей из школы [18].

Важным для реализации американскими родителями потребностей и интересов в сфере школьного образования является характер межобщностного взаимодействия с учителями и администрацией школы. Проведённые в последнее десятилетие исследования говорят о противоречивости и неоднозначности взаимоотношений родительского сообщества

и школы. С одной стороны, стимулируемые государственной образовательной политикой школы и родительское сообщество обозначили пути сближения, поиска решений общих задач по воспитанию и образованию детей. В настоящее время разработан и реализуется целый ряд федеральных и региональных программ по обучению родителей, их включению в активный диалог со школой и поиск компромиссных решений.

Ярким примером такого позитивного объединения усилий родителей и педагогов является набирающее силу в последние годы движение *Opt Out* [27]. Его сторонники выступают за отказ от проведения формальных процедур тестирования детей в школе. Идея протеста учителей против тестирования детей в школе, как отмечали участники исследования, появлялась неоднократно, но у учителей нет выбора, потому что они слишком боятся административного давления [27]. В этом вопросе именно родители могут выступить тем актором, который может что-то изменить. Члены движения, принявшие участие в исследовании, сообщали учёным, что они активно учили своих детей рассматривать отказ от тестирования как акт протеста, гражданского неповиновения против несправедливых правил и законов с целью создания справедливого образования для всех детей. Некоторые активисты уже видят, что их усилия приносят результаты.

Полагаем, что сам факт существования совместных (родителей, учителей, учащихся) организаций, объединений, движений в сфере образования выступает важным механизмом гражданского общества. Он может быть использован и в российской практике, поскольку, благодаря ему, появляется возможность:

1. Объединения всех заинтересованных в развитии и совершенствовании сферы образования.
2. Обсуждения, согласования позиций образовательных общностей родителей, педагогов и учащихся относительно различных проблем и поиска компромисса в их решении.
3. Взаимной коллективной защиты прав и интересов образовательных сообществ.

Вместе с тем на практике, как отмечают учёные, настоящее партнёрство родителей и учителей встречается не часто [23]. Стремление к плодотворному сотрудничеству наталкивается на целый ряд барьеров. Таким барьерами могут быть разные приоритеты и ожидания родителей и школьного персонала в отношении благополучия детей и школы, целей и результатов школьного образования, потребностей и возможностей различных подобщностей родителей.

Особую тревогу у исследователей вызывает стигматизация педагогами в США некоторых категорий родителей и их детей. В частности, в ряде рассмотренных нами работ отмечается, что белые педагоги придерживаются негативных представлений о жизни малообеспеченных семей и семей рабочего класса, семей иммигрантов и «цветных» семей. Они считают, что представители данных родительских подобщ-

ностей не готовы и не способны поддерживать образование своих детей, включаться в традиционные школьные модели и методы участия как белые и вообще представители среднего класса [26]. Отчасти это так. Действительно, некоторые из этих родительских подбощностей не имеют ресурсов для включения во внутришкольную деятельность наравне с белыми родителями и/или родителями из среднего класса. Тогда, возможно, актуальным становится поиск иных, новых способов и форм участия представителей данных родительских подбощностей в школьной жизни детей.

Реализация американскими родителями образовательных потребностей и интересов детей вне школы обусловлена спецификой организации дополнительного образования американских школьников, в частности обязательным внеурочным посещением учащимися кружков и секций на территории школьного кампуса. Исходя из этого, мы сконцентрируем своё внимание на досуговом образовании, т. е. деятельности родителей, ориентированной на организацию досуга для формирования и развития культурного и образовательного капитала детей. В этом плане следует отметить позитивную работу Национального центра статистики образования. Он осуществляет мониторинговое исследование вовлечённости семей учащихся начальной школы в досуговое образование¹. Согласно отчёту за 2016 г., 56% родителей сообщили о посещении в течение последнего месяца мероприятий, спонсируемых местным сообществом, религиозной или этнической группой, 42% посетили библиотеку, 34% ходили на спектакль, концерт или другое шоу, 33% побывали в зоопарке или аквариуме, а 30% посетили художественную галерею, музей или историческое место. Кроме того, родители отмечали виды деятельности, которыми они занимались за последнюю неделю с ребёнком дома: 72% рассказывали своим детям истории, 69% занимались декоративно-прикладным искусством, 67% играли в настольные игры или решали головоломки, а 51% обсуждали семейную историю/этническое наследие.

Сравнительный анализ структуры совместной деятельности родителей и детей вне школы показывает, что в 2016 г. по сравнению с 2012 г. выросло число семей, посетивших зоопарк или аквариум (33% / 25%), художественную галерею, музей или историческое место (30% / 26%), рассказывавших своим детям истории (72% / 69%), игравших в настольные игры или решавших головоломки (67% / 64%). Посетителями зоопарка или аквариума чаще были чернокожие (40%) и латиноамериканцы (38%), чем белые (28%).

В 2016 г. реже, чем в 2012 г., родители сообщали о совместном с детьми посещении библиотеки (42% / 46%). Интересно, что о посещении библиотеки в 2016 г. чаще сообщали родители-азиаты (57%), нежели чернокожие (43%), белые (40%) и латиноамериканцы (38%). Кроме того,

¹ U.S. Department of Education, National Center for Education Statistics, Parent and Family Involvement in Education Survey (NHES-PFI:2016) of the National Household Education Surveys Program // Digest of Education Statistics, 2017. Tables 207.20 and 207.30 Accessed 28.11.2020. URL: https://nces.ed.gov/programs/coe/indicator_sga.asp

чернокожие и латиноамериканские родители гораздо чаще, чем белые, обсуждали семейную историю/этническое наследие (соответственно 70%, 64% и 37%).

Уровень образования родителей практически не влияет на их включённость в различные виды образовательной деятельности детей вне школы, тогда как воздействие уровня дохода семьи более значимо. Дети из обеспеченных семей чаще ходили на спектакли и концерты (44% / 22%), посещали галереи, музеи или исторические места (37% / 24%), реже обсуждали с родителями семейную историю/этническое наследие (44% / 58%).

Таким образом, можно говорить о стремлении значительной части американских родителей инвестировать в образование детей вне школы, но структура способов реализации этих стремлений обуславливается расовой принадлежностью и экономическим положением семьи. Вместе с тем это не статичное состояние, поскольку в американском обществе продолжают происходить трансформации, касающиеся организации родителями досугового образования.

Выводы

Проведённый анализ институциональных возможностей и практик реализации американскими родителями потребностей, интересов (своих и детей) и их защиты в сфере школьного образования позволяет сделать несколько выводов. Во-первых, наличие в каждом регионе (штате) своей системы школьного образования существенно влияет на перечень институциональных возможностей реализации американскими родителями детско-родительских потребностей, интересов и их защиты в сфере школьного образования.

Во-вторых, реально в полной мере воспользоваться этими институциональными возможностями могут не все подобщности американских родителей. Несмотря на предпринимаемые властью меры по снижению неравенства доступа к качественному школьному образованию (прежде всего, экономического и расового), оно сохраняется.

В-третьих, социальное неравенство подобщностей американских родителей влияет и на возможности защиты ими своих (и детей) прав и интересов в сфере образования. В частности, специфика американской судебной системы ограничивает возможности малообеспеченных слоёв населения отстаивать свои права и интересы в суде – ключевом органе по разрешению споров о нарушении гражданских прав. Это выступает решающим моментом в использовании некоторыми подобщностями американских родителей коллективных форм защиты своих прав и интересов.

В-четвёртых, образовательная политика, реализуемая федеральной и региональной властью в последние 20 лет, ориентирована на создание модели соучастия (или партисипативной модели) взаимодействия школы и родительства, но сегодня данная модель реализуется только в отдельных образовательных учреждениях.

В-пятых, подобности американских родителей не одинаково вовлечены во внутришкольную жизнь детей. Более активно в ней участвуют белые и/или обеспеченные родители, обладающие временем, деньгами, культурным и образовательным капиталом, нежели «цветные» и/или малообеспеченные. Наконец, существующая в настоящее время структура формальных родительских организаций, снижение членства в них родителей свидетельствуют об определённом кризисе доверия к массовым (национальным) родительским общественным организациям и выполняемым ими функциям.

Институциональные возможности участия российских родителей в системе школьного образования не уступают американским. Российское законодательство создаёт институциональные условия для реализации родительским сообществом функций субъекта гражданского общества. Российские родители, согласно действующему Федеральному закону «Об образовании в Российской Федерации», являются участниками системы отношений в сфере образования¹, получают ряд правовых, организационных, экономических гарантий. Они обладают правом выбора формы получения образования и формы обучения, организации, осуществляющей образовательную деятельность, языка образования и др. Кроме того российские родители имеют законные основания получать информационную поддержку и психолого-медико-педагогическую помощь для детей, участвовать в управлении организацией, осуществляющей образовательную деятельность и защищать права и интересы как свои родительские, так и своих обучающихся детей².

Анализ практик деятельности американских родителей в сфере школьного образования позволил прийти к выводу о том, что, несмотря на различия институционального ландшафта гражданской деятельности в США и России – как в целом, так и в сфере школьного образования, у американских и российских родителей существуют схожие проблемы в реализации детско-родительских потребностей и интересов. К таким проблемам, актуальным и для России, могут быть отнесены неравенство доступа к качественному школьному образованию [9; 11; 14], слабая реализация партисипативной модели взаимодействия школы и родительства, имитационный характер участия последних в управлении школой [2; 10; 13], усиление социальной напряжённости между родителями и детьми, с одной стороны, и учителями и администрацией – с другой [5; 12; 15]. В связи с этим видится возможность использования некоторых конструктивных практик американских родителей, позволяющих им наиболее полно реализовать себя в качестве субъекта гражданского общества. Вместе с тем заимствования должны осуществляться не механически, а органически, вписываясь в сложившуюся в России систему общественных отношений.

¹ Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ. Ст. 2, п. 2.30–32 URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 11.07.2020).

² Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ. Ст. 44, п.3 URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 11.07.2020).

В результате исследования были выделены две зарубежные практики, которые могут быть адаптированы к российским реалиям, тем более, что они допускаются российским законодательством. Первая из них – использование коллективных форм защиты детско-родительских прав и интересов. Она особенно актуальна при ограниченности родительских ресурсов. Вторая практика – консолидация родителей с детьми и учителями для реализации и защиты общих потребностей и интересов посредством создания совместных организаций (как формальных, так и неформальных). Благодаря этому появится возможность: 1) объединения всех субъектов, заинтересованных в развитии и совершенствовании сферы образования; 2) обсуждения, согласования позиций образовательных общностей родителей, педагогов и учащихся относительно различных проблем и поиска компромисса в их решении; 3) взаимной коллективной защиты прав и интересов образовательных общностей.

Библиографический список

1. Белоусов К. Ю., Матюшкина М. Д. Участие родителей в образовании своих детей и в образовательной политике школы // Перспективы науки и образования. 2020. № 5 (47). С. 222–245. DOI: 10.32744/pse.2020.5.16

2. Власова Т. А., Макарова М. Н. Как родители включены во внутришкольные формы взаимодействия? // Журнал социологии и социальной антропологии. 2016. Т. 19. № 2(85). С. 74–87.

3. Гошин М. Е., Пинская М. А., Григорьев Д. С. Формы участия родителей в образовании детей в школах разного типа // Социологические исследования. 2021. № 5. С. 70–83. DOI: 10.31857/S013216250012685-6

4. Кананыкина Е. С. История образовательного законодательства Америки // Актуальные вопросы современной науки. 2012. №22. С. 190–245.

5. Клячко Т. Л., Семионова Е. А., Токарева Г. С. Успешность и неуспешность школьников: ожидания родителей, оценка учителей // Вопросы образования. 2019. №4. С. 71–92. DOI: 10.17323/1814-9545-2019-4-71-92

6. Озорнина Н. Ю., Любицкая К. А., Бочавер А. А. К проблемам понятийного аппарата в исследованиях родительства в образовании // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. №2. С. 42–65. DOI: 10.14515/monitoring.2022.2.1997

7. Осипов А. М. Социология образования / Под ред. А. М. Осипова. М.: Издательство Юрайт, 2018. 367 с.

8. Пол Р. Революция в школе. Новое решение для разрушенной системы образования. СПб.: Питер, 2015. 208 с.

9. Потехина И. П., Михалева М. Н. Родители о качестве школьного образования: динамика мнений // Образование и наука в России: состояние и потенциал развития. Сборник научных трудов. Выпуск 2. М.: Институт социально-политических исследований РАН, 2017. 448 с.

10. Рогач О. В., Фролова Е. В., Рябова Т. М. Модернизация школьного образования в оценках родительской общественности // Перспективы науки и образования. 2019. № 4(40). С. 183–183. DOI: 10.32744/pse.2019.4.15
11. Свешникова О. Российские родители: новое в поведении и мировосприятии // Pro et Contra. 2010. январь – апрель. С. 61–77.
12. Фролова Е. В., Рябова Т. М., Рогач О. В., Зуйкина А. В. Конфликты в системе школьного образования: ключевые проблемы, специфика и факторы развития // Перспективы науки и образования. 2019. № 3 (39). С. 227–239. DOI: 10.32744/pse.2019.3.17
13. Шимутина Е. Н., Иванов И. Ю. Исследование вовлечения родителей в образовательный процесс в контексте повышения эффективности управления образованием // Вестник МГПУ. Серия «Экономика». 2017. № 4 (14). С. 8–20.
14. Шпаковская Л. Л. Образовательные притязания родителей как механизм воспроизводства социального неравенства // Журнал исследований социальной политики. 2015. Т. 13. №2. С. 211–224.
15. Эрлих О. В. Взаимодействие семьи и школы в новых социально-педагогических условиях // Человек и образование. 2017. №2(51). С. 34–37.
16. Ball S. J., Bowe R., Gewirtz S. Circuits of Schooling: A Sociological Exploration of Parental Choice of School in Social Class Contexts // The Sociological Review. 1995. Vol. 43. Iss. 1. P. 52–78.
17. Bowe R., Gewirtz S., Ball S.J. Captured by the Discourse? Issues and concerns in researching “parental choice” // British Journal of Sociology of Education. 1994. Vol. 15. No. 1. P. 63–78. DOI: 10.1080/0142569940150104
18. Cucchiara M. B., Horvat E. M. Perils and Promises: Middle-Class Parental Involvement in Urban Schools // American Educational Research Journal. 2009. Vol. 46. No. 4. P. 974–1004. DOI: 10.3102/0002831209345791
19. Derrick-Lewis S. M. Parental Involvement Typologies as Related to Student Achievement. Electronic Theses and Dissertations. 2001. Paper 71. URL: <http://dc.etsu.edu/etd/71> (дата обращения: 20.11.2020).
20. Epstein J. L., Salinas K. C. Partnering with Families and Communities // Education Leadership. 2004. Vol. 61. No. 8. P. 12–18.
21. Evans Sh. A. When Schools Choose: Evaluation and Educational Inequality // The Sociological Quarterly. 2020. Vol. 61. No. 4. P. 727–747. DOI: 10.1080/00380253.2019.1711248
22. Holme J. J. Buying Homes, Buying Schools: School Choice and the Social Construction of School Quality // Harvard Educational Review. 2002. Vol. 72. No. 2. P. 177–206. DOI: 10.17763/HAER.72.2.U6272X676823788R
23. Lareau A., Mucoz V. L. “You’re Not Going to Call the Shots”: Structural Conflicts between the Principal and the PTO at a Suburban Public Elementary School // Sociology of Education. 2012. Vol. 85. Iss. 3. P. 201–218. DOI: 10.1177/0038040711435855

24. Murray B., Domina T., Petts A., Renzulli L., Boylan R. “We’re in This Together”: Bridging and Bonding Social Capital in Elementary School PTOs // *American Educational Research Journal*. 2020. Vol. 57. No. 5. P. 2210–2244. DOI: 10.3102/0002831220908848

25. Murray B., Domina T., Renzulli L., Boylan R. Civil society goes to school: Parent-teacher associations and the equality of educational opportunity // *RSF: The Russell Sage Foundation Journal of the Social Sciences*. 2019. Vol. 5. No. 3. P. 41–63. DOI: 10.7758/RSF.2019.5.3.03

26. Posey-Maddox L, Haley-Lock A. One Size Does Not Fit All: Understanding Parent Engagement in the Contexts of Work, Family, and Public Schooling // *Urban Education*. 2020. Vol. 55. Iss. 5. P. 671–698. DOI: 10.1177/0042085916660348

27. Schroeder S., Currin E. & McCardle T. Mother tongues: the Opt Out movement’s vocal response to patriarchal, neoliberal education reform // *Gender and Education*. 2018. Vol. 30. Iss. 8. P. 1001–1018. DOI: 10.1080/09540253.2016.1270422

28. Sohoni D., Saporito S. Mapping School Segregation: Using GIS to Explore Racial Segregation between Schools and their Corresponding Attendance Areas // *American Journal of Education*. 2009. Vol. 115. No. 4. P. 569–600. DOI: 10.1086/599782

Получено редакцией: 17.01.22

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Шаброва Нина Васильевна, кандидат социологических наук, доцент, кафедра социологии и технологий государственного и муниципального управления, Институт экономики и управления, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина

DOI: 10.19181/vis.2022.13.3.834

EDN: IOOYLC

Institutional Opportunities and Practices for the Participation of American Parents in the School System¹

Nina V. Shabrova

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

E-mail: urfu-stu@mail.ru

ORCID: 0000-0002-5694-1040

For citation: Shabrova N. V. Institutional Opportunities and Practices for the Participation of American Parents in the School System. *Vestnik instituta sotziologii*. 2022. Vol. 13. No. 3. P. 142–161. DOI: 10.19181/vis.2022.13.3.834; EDN: IOOYLC

Abstract. The article analyses the institutional possibilities and practices of parent participation in the school system of the United States of America. Education is an area where today the civic subjectivity of parents is most clearly manifested both in foreign countries and in Russia. Therefore, the author believes that the experience of American

¹ The reported study was funded by RFBR, project number 19-29-07016.

parents, that reflects a long and controversial process of implementing the principles of civil society in the field of educational relations, is of interest both in scientific and applied aspects.

The methodological basis of the study is the concept of D. Epstein. The author studied the content of legal documents regulating the participation of American parents in the education of their schoolchildren; a secondary analysis of statistical information and sociological research data was carried out.

The study showed: 1) the dependence of the institutional possibilities for the realisation by American parents of the needs and interests in the field of school education on the characteristics of the school education system of the region (state); 2) persistent social disparities in access to quality schooling among different sub-communities of American parents; 3) the impact of social inequality of American parents on the possibilities of protecting child-parental rights and interests in the field of school education; 4) difficulties in implementing the participatory model of interaction between the school and the American parent community; 5) the influence of economic and social resources of American parents (income, time, cultural and educational capital) on the nature of their involvement in the intra-school life of children; 6) a crisis of confidence of the American parent community in mass (national) parent public organisations and the functions they perform.

It is concluded that, despite the differences in the institutional landscape of civic activity in the United States and Russia, both in general and in the field of school education, in both countries there are similar problems of interaction between parents and the school. In this regard, the author comes to the conclusion about the importance of taking into account some of the constructive practices that have developed in American society when developing the activities of the parents of Russian schoolchildren.

Keywords: parental community, civil society, institutional opportunities for parents to participate in school education, practices of social and civic engagement of parents

References

1. Belousov K. Yu., Matyushkina M. D. Participation of parents in the education of their children and in the educational policy of the school. *Perspektivy nauki i obrazovaniya*, 2020: 5(47): 222–245 (in Russ.). DOI: 10.32744/pse.2020.5.16
2. Vlasova T. A., Makarova M. N. How are parents included in intra-school forms of interaction? *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii*, 2016: 19(2): 74–87 (in Russ.)
3. Goshin M. E., Pinskaya M. A., Grigoriev D. S. Forms of participation of parents in the education of children in schools of different types. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2021: 5: 70–83. (in Russ.). DOI: 10.31857/S013216250012685-6
4. Kananykina E. S. History of the educational legislation of America. *Aktual'nye voprosy sovremennoj nauki*, 2012: 22: 190–245. (in Russ.)
5. Klyachko T. L., Semionova E. A., Tokareva G. S. Success and failure of schoolchildren: parents' expectations, teachers' assessment. *Voprosy obrazovaniya / Educational Studies Moscow*, 2019: 4: 71–92 (in Russ.). DOI: 10.17323/1814-9545-2019-4-71-92
6. Ozornina N. Yu., Lyubitskaya K. A., Bochaver A. A. On the Problems of the Conceptual Apparatus in Research on Parenting in Education. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny*, 2022: 2: 42–65 (in Russ.). DOI: 10.14515/monitoring.2022.2.1997
7. Osipov A. M. Sociology of education. Ed. by A. M. Osipov. Moscow, Yurayt, 2018: 367 (in Russ.)
8. Pol R. Revolution in school. A new solution for a broken education system. St. Petersburg, Piter, 2015: 208 (in Russ.)
9. Potekhina I. P., Mikhaleva M. N. Parents on the quality of school education: dynamics of opinions. Education and Science in Russia: state and potential of development. Coll. of scient. papers. Iss. 2. Moscow, ISPI RAN, 2017: 448 (in Russ.)
10. Rogach O. V., Frolova E. V., Ryabova T. M. Modernization of school education reflected in assessments of parents' associations. *Perspektivy nauki i obrazovaniya*, 2019: 4(40): 183–193 (in Russ.). DOI: 10.32744/pse.2019.4.15
11. Sveshnikova O. Russian parents: new in behavior and perception of the world. *Pro et Contra*, 2010: January–April: 61–77 (in Russ.)
12. Frolova E. V., Ryabova T. M., Rogach O. V., Zuikina A. V. Conflicts in the school education system: key problems, specifics, and development factors. *Perspektivy nauki i obrazovaniya*, 2019: 3(39): 227–239 (in Russ.). DOI: 10.32744/pse.2019.3.17

13. Shimutina E. N., Ivanov I. Yu. Research of parents ' involvement in the educational process in the context of improving the effectiveness of education management. *Vestnik MGPU. Seriya «Ekonomika»*, 2017: 4 (14): 8–20 (in Russ.)
14. Shpakovskaya L. Educational claims of parents as a mechanism of reproduction of social inequality. *Zhurnal issledovanij social'noj politiki*, 2015: 13(2): 211–224 (in Russ.)
15. Erlich O. V. Interaction of family and school in new socio-pedagogical conditions. *Chelovek i obrazovanie*, 2017: 2(51): 34–37 (in Russ.)
16. Ball S. J., Bowe R., Gewirtz S. Circuits of Schooling: A Sociological Exploration of Parental Choice of School in Social Class Contexts. *The Sociological Review*, 1995: 43(1): 52–78.
17. Bowe R., Gewirtz S., Ball S.J. Captured by the Discourse? Issues and concerns in researching “parental choice”. *British Journal of Sociology of Education*, 1994: 15(1): 63–78. DOI: 10.1080/0142569940150104
18. Cucchiara M. B., Horvat E. M. Perils and Promises: Middle-Class Parental Involvement in Urban Schools. *American Educational Research Journal*, 2009: 46(4): 974–1004. DOI: 10.3102/0002831209345791
19. Derrick-Lewis S. M. Parental Involvement Typologies as Related to Student Achievement. Electronic Theses and Dissertations. 2001. Paper 71. Accessed 20.11.2020. URL: <http://dc.etsu.edu/etd/71>
20. Epstein J. L., Salinas K. C. Partnering with Families and Communities. *Education Leadership*, 2004: 61(8): 12–18.
21. Evans Sh. A. When Schools Choose: Evaluation and Educational Inequality. *The Sociological Quarterly*, 2020: 61(4): 727–747. DOI: 10.1080/00380253.2019.1711248
22. Holme J. J. Buying Homes, Buying Schools: School Choice and the Social Construction of School Quality. *Harvard Educational Review*, 2002: 72(2): 177–206. DOI: 10.17763/HAER.72.2.U6272X676823788R
23. Lareau A., Mucoz V. L. “You’re Not Going to Call the Shots”: Structural Conflicts between the Principal and the PTO at a Suburban Public Elementary School. *Sociology of Education*, 2012: 85(3): 201–218. DOI: 10.1177/0038040711435855
24. Murray B., Domina T., Petts A., Renzulli L., Boylan R. “We’re in This Together”: Bridging and Bonding Social Capital in Elementary School PTOs. *American Educational Research Journal*, 2020: 57(5): 2210–2244. DOI: 10.3102/0002831220908848
25. Murray B., Domina T., Renzulli L., Boylan R. Civil society goes to school: Parent-teacher associations and the equality of educational opportunity. *RSF: The Russell Sage Foundation Journal of the Social Sciences*, 2019: 5(3): 41–63. DOI: 10.7758/RSF.2019.5.3.03
26. Posey-Maddox L, Haley-Lock A. One Size Does Not Fit All: Understanding Parent Engagement in the Contexts of Work, Family, and Public Schooling. *Urban Education*, 2020: 55(5): 671–698. DOI: 10.1177/0042085916660348
27. Schroeder S., Currin E. & McCardle T. Mother tongues: the Opt Out movement’s vocal response to patriarchal, neoliberal education reform. *Gender and Education*, 2018: 30(8): 1001–1018. DOI: 10.1080/09540253.2016.1270422
28. Sohoni D., Saporito S. Mapping School Segregation: Using GIS to Explore Racial Segregation between Schools and their Corresponding Attendance Areas. *American Journal of Education*, 2009: 115(4): 569–600. DOI: 10.1086/599782

The article was submitted on: January 17, 2022

INFORMATIONS ABOUT THE AUTHOR

Nina V. Shabrova, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of Sociology and Technology of Public and Municipal Administration, Institute of Economics and Management, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin

Трибуна молодого учёного

DOI: 10.19181/vis.2022.13.3.836

EDN: LEXLHV

Метод виньеток в онлайн-исследовании: измерение восприятия справедливости¹

Ссылка для цитирования: Калинин Р. Г. Метод виньеток в онлайн-исследовании: измерение восприятия справедливости // Вестник Института социологии. 2022. Т. 13. № 3. С. 162–178. DOI: 10.19181/vis.2022.13.3.836; EDN: LEXLHV

For citation: Kalinin R. G. Vignette Method in Online Research: Measuring Perceptions of Fairness. *Vestnik Instituta sotziologii*. 2022. Vol. 13. No. 3. P. 162–178. DOI: 10.19181/vis.2022.13.3.836; EDN: LEXLHV

Калинин Роман Геннадьевич¹

¹Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

rkalinin@hse.ru

AuthorID ПИНЦ: 984796

Аннотация. Статья посвящена использованию метода виньеток в онлайн-исследовании. Демонстрируются возможности метода на основе измерения восприятия справедливости и проводится оценка разработанного для этих целей инструментария. Анализ качества предложенных шкал проводится с помощью количественных оценок по основным психометрическим показателям: конструктивной и критериальной валидности. Подробно описываются обоснование и расчёт данных показателей, а также приводится интерпретация полученных значений. Умеренный показатель конструктивной валидности и удовлетворительный показатель критериальной валидности свидетельствуют о необходимости дальнейшей оптимизации шкал.

Отдельное внимание уделено особенностям применения данного метода онлайн при помощи участников, рекрутируемых из коммерческой панели испытуемых. Анализируются параданные и прослеживается зависимость содержательных результатов исследования от несемантических аспектов инструментария. В частности, демонстрируется влияние взаимодействия порядка предъявления стимулов и типа устройств на суждения о справедливости. Показывается, что участники, выполнявшие задания с помощью мобильных устройств, склонны считать более справедливыми условия, которые им показаны первыми. В отличие от участников, выполнявших задания на настольных устройствах, у которых этот эффект практически не наблюдается.

Рекрутирование участников из онлайн-панели для исследования, в котором используется

¹ Исследование подготовлено при финансовой поддержке Российского Фонда Фундаментальных Исследований, проект № 19-311-90081. Автор признателен Инне Феликсовне Девятко и Александру Бызову за замечательные идеи.

метод виньеток, продемонстрировало ряд ограничений, которые стоит учитывать при планировании исследования. С учетом продемонстрированной невнимательности участников при выполнении заданий с мобильных устройств, рекомендуется ограничивать заполнение анкет использованием настольных устройств — компьютеров и ноутбуков. Также, в отличие от предыдущих исследований в данной области, при использовании метода виньеток рекомендуется ограничение количества уровней факторов в экспериментальном плане для уменьшения когнитивной сложности заданий в условиях невозможности контролировать внимательность их выполнения.

Полученные результаты анализируются в контексте методологических исследований. Предлагаются методические решения по использованию метода виньеток онлайн, указываются актуальные и возможные источники искажения данных, а также даются рекомендации по дальнейшему использованию разработанного инструментария.

Ключевые слова: метод виньеток, факторный опрос, эксперимент, конструктивная валидность, критериальная валидность, дистрибутивная справедливость, вера в справедливый мир

Введение

Нормативные суждения имеют сложную структуру и формируются под влиянием множества факторов. Так как последние взаимодействуют друг с другом, усиливая или ослабляя свое влияние в различных комбинациях, эту структуру практически невозможно выявить стандартными опросными методами. Поэтому был разработан метод виньеток, который позволяет измерить относительную степень влияния факторов на суждения в контексте остальных факторов. Название метода может варьироваться. Например, в англоязычной литературе его чаще всего называют «факторным опросом» (*factorial survey*) [23; 38] или просто «виньетками» (*vignettes*) [9; 37], а в некоторых справочниках его дополнительно называют «методом Росси» [22].

В строгих определениях, факторный опрос и техника виньеток являются разными методическими приемами, которые могут применяться как вместе, так и по отдельности. Факторный опрос — это опрос в форме эксперимента с многофакторным планом, то есть с несколькими независимыми переменными¹. Техника виньеток — это способ предоставить участнику исследования образ человека или ситуации в виде небольшого описания, то есть виньетки. Она может использоваться как в количественных опросах, так и в качественных исследованиях: в интервью или фокус группах [2; 42]. В социологии часто обе техники применяются вместе для изучения обыденных нормативных суждений, поэтому в русскоязычной литературе за этим комбинированным методом закрепилось устойчивое название «метод виньеток»² [1; 5].

¹ Подробнее про факторные экспериментальные планы см.: [3, гл. 7–8].

² Далее термины «факторный опрос» и «метод виньеток» употребляются в качестве синонимов.

Метод виньеток имеет ряд преимуществ для изучения нормативных суждений: экспериментальный дизайн позволяет сделать причинный вывод о влиянии изучаемых факторов на исследуемое явление, а описание оцениваемой ситуации позволяет участникам исследования более полно оценить социальный контекст, который эту ситуацию определяет. Поэтому сам автор метода использовал его для изучения нормативных суждений о справедливости заработных плат [37, с. 184], а метод стал популярен в исследованиях восприятия справедливости [7; 25].

Если респондентам задать вопрос о справедливых критериях распределения заработных плат, они чаще отмечают продуктивность, опыт и экономическое положение индивида. Но когда эти признаки оцениваются в контексте ситуации, данные критерии уступают по важности престижу профессии [29, с. 425]. При этом, последний фактор лучше всего объясняет и реальное распределение заработных плат в обществе, и воспринимаемое справедливое распределение [21]. Иными словами, когда у людей спрашивают про справедливость «в целом», они более склонны к упрощенным и социально одобряемым ответам, а метод виньеток позволяет обойти это ограничение.

Одно из ограничений метода виньеток касается проблемы внешней валидности, то есть возможности обобщить результаты на другие ситуации за пределами эксперимента [30]. Метод виньеток разделяет эту проблему «соответствия слов делам» с другими опросными инструментами [18], однако некоторые исследования показывают, что ответы в факторных опросах действительно могут довольно близко соответствовать принятию решений в реальных ситуациях [20]. Так, метод виньеток использовался при проведении референдума по вопросам иммиграции в Швейцарии. Исследователи взяли результаты референдума в качестве ориентира и сравнивали с ними результаты различных по форме факторных опросов.

Интересным в упомянутом исследовании оказалось то, что внешнее сходство ситуаций в реальном мире и виньетке являлось не самым корректным предиктором результата. Исследователи пришли к выводу о том, что эффект вовлеченности респондента в опрос затмевает влияние внешнего сходства виньеток с ситуацией в реальной жизни [20, р. с.2400]. Похоже, что главным вызовом метода является невнимательность и немотивированность участников исследования¹. Это подводит нас к одному из вопросов данной статьи: если вовлеченность в выполнение заданий является важным фактором для метода виньеток, насколько оправдано проведение исследования с его помощью *онлайн*?

Многочисленные исследования разницы онлайн и офлайн опросов показывают противоречивые результаты — одни выявляют разницу между способами заполнения, другие нет. Представляется, что разница наиболее заметна во взаимодействии с другими факторами, такими как тип опроса и вовлеченность респондента, требования к которой отличаются у стандартного количественного и факторного опросов. Поэтому

¹ Стоит отметить, что в жизни люди тоже не всегда внимательны и мотивированы.

мы провели исследование на основе выборки участников исследования, рекрутированных из коммерческой онлайн-панели¹, предыдущие исследования которой не зафиксировали различий между результатами офлайн и онлайн заполнения в рамках стандартного количественного опроса [33].

Помимо проблемы вовлеченности, отдельным вызовом для метода виньеток является смещение ответов в зависимости от порядка предъявления стимулов, которое может возникать при слишком простых виньетках или когда у респондентов низкая уверенность в своих ответах [12]. Предыдущие исследования, касающиеся влияния типов устройств на результаты стандартных количественных опросов так же не выявили существенной разницы [8; 41]. Однако так как внешний вид анкеты влияет на результаты её заполнения [6; 15], в том числе и при измерении нормативных суждений [16], мы решили проверить выраженность свойственного методу виньеток «эффекта порядка» в зависимости от типа устройства.

Методически данное исследование посвящено количественной оценке шкал для изучения восприятия справедливости с помощью метода виньеток². Его содержательный аспект касается того, как индивиды принимают решения о справедливом распределении ресурсов — в зависимости от типа ресурсов, структуры группы и добровольности участия в распределении. Однако эти аспекты в данной статье подробно не раскрываются, так как не относятся к его методической части³.

Дальнейшее описание структурировано следующим образом. Сперва уточняются особенности использования метода виньеток и разработки шкал для исследования восприятия справедливости. После этого описывается апробация полученного инструментария и представляются полученные результаты. Наконец, интерпретируются результаты, а также даются рекомендации по дальнейшему использованию метода при работе с онлайн-панелью.

Метод

Вынесение суждений о справедливости является когнитивно сложной задачей для исследуемых, потому что требует математических подсчетов с учетом особенностей ситуации распределения. А когда когнитивная сложность задачи увеличивается, участники исследования начинают использовать так называемую «эвристику равенства» [34], то есть выбирают наиболее простые решения с точки зрения подсчета,

¹ Online Market Intelligence (OMI) является самой большой панелью русскоговорящих участников, включающей более миллиона активных пользователей. В обмен на небольшое вознаграждение, участники панели могут пройти не более чем четыре опроса в месяц. Более детальную информацию можно узнать на сайте <http://omirussia.ru/>.

² В данном исследовании речь идет о дистрибутивной справедливости, которая относится к распределению благ и издержек внутри социальных групп [28, с. 38].

³ Содержательные аспекты исследования описаны в протоколах пререгистрации на сайте Фонда открытой науки (Open Science Foundation <https://osf.io/zextw/>).

чем в большинстве случаев является простое равенство. Поэтому при использовании метода виньеток необходимо соблюдение баланса между подробностью описания и сложностью его восприятия.

Есть разные предложения по поводу того, какое количество факторов и виньеток на одного участника ведет к увеличению внимательности при заполнении, а также уменьшению социально-одобряемых ответов и *сатисфайсинга*¹. В первых исследованиях в 1970-е годы участникам предлагалось оценивать до 95 (sic!) виньеток [39], однако на современном этапе считается, что после 10-й винюетки внимание респондентов сильно понижается, что особенно сказывается на людях старшего возраста (>60 лет) и с более низким уровнем образования [11]. К тому же, чем больше виньеток заполняет участник, тем больше он обучается в процессе. Поэтому оптимальным количеством виньеток на одного респондента в лабораторных условиях является 10. Справедливо будет предположить, что в онлайн-исследовании, когда нет возможности контролировать степень вовлечённости участников, оптимальное количество виньеток будет меньше.

Что касается количества факторов на одну винюетку, то оптимальным, в смысле устойчивости в суждениях, называют 8 факторов, в то время как 5 факторов по качеству ответов были хуже, а 12 переменных ухудшали качество довольно сильно, приводя участника к когнитивной перегрузке [11]. Для того, чтобы соблюсти упомянутый выше баланс между количеством факторов и сложностью описания, мы решили уменьшить количество факторов до трех, по два уровня каждый (2 x 2 x 2), а количество виньеток до четырех на одного участника. Вдобавок, чтобы участники не пропускали значения уровней варьируемых факторов, мы выделяли ключевые слова **полужирным шрифтом**² [11, с. 138].

Наибольшую сложность в исследованиях восприятия справедливости представляет выбор зависимой переменной. Дело в том, что справедливость является многомерным концептом, за которым скрывается множество различных концепций справедливости, а вместе с ними и наборов переменных, через которые они могут быть операционализированы, и которые невозможно поместить на одной шкале. Ввиду этого, мы использовали несколько независимых переменных, фиксирующих изменения восприятия справедливости между равным и пропорциональным распределениями издержек, не затрагивая другие её аспекты³.

Лёгкость ответа на поставленный вопрос не всегда совпадает с точностью этого ответа или интерпретируемостью результатов. Например, простой для участника исследования вопрос «*Насколько справедливо [предложенное распределение ресурсов]?*» (косвенное измерение) часто

¹ Сатисфайсинг — способ заполнения анкеты, при котором респонденты дают не содержательные ответы, а только позволяющие пройти по анкете дальше [26].

² Прием выделения ключевых слов часто используется в винюетках, особенно при увеличении количества факторов.

³ Анализ многогранности концепта справедливости см.: [4].

бывает сложен в интерпретации того, какую именно грань справедливости оценивал участник. И наоборот, просьба указать, например, «*Какое именно количество [ресурса] для каждого реципиента является справедливым?*» (прямое измерение), увеличивает когнитивную нагрузку на участника, однако позволяет исследователю более однозначно интерпретировать результаты. В обоих случаях участник может и не иметь мнения по данному вопросу. Но проблема косвенного измерения состоит в том, что мы уже даем участнику готовые числа, привязывая ответ к предъявленному примеру [31]. А при прямом измерении участник, не знающий, что ответить, или не желающий заниматься подсчётами, будет ставить значения наугад или выбирать срединные [24].

Мы попытались избежать недостатков обоих методов и сделать вопросы простыми как для участников, так и для возможной интерпретации. Поэтому мы выбрали косвенный способ измерения, но использовали две зависимые переменные, которые измерялись двумя вопросами с одинаковой шкалой для каждой виньетки:

1. *Насколько справедливо решение, при котором все платят взносы одинакового размера?*

2. *Насколько справедливо решение, при котором все платят взносы, которые прямо соответствуют доходу (т. е. процент от дохода)?*

Под каждым вопросом была инструкция со шкалой: «Отметьте на шкале от 0 до 10, где «0» – крайне несправедливо, а «10» – абсолютно справедливо».

Для дополнительной верификации ответов участников мы добавили третий вопрос:

3. *На ваш взгляд, какой процент жителей сочтет справедливым решение, при котором все платят взносы, которые прямо соответствуют доходу (т. е. процент от дохода)?*

После него мы также давали пояснение: «Отметьте на шкале от 0% до 100%, где «0%» – никто не сочтет справедливым, а «100%» – все сочтут справедливым».

Так как одним из основных допущений параметрических тестов является наличие интервальной шкалы зависимой переменной, мы рассматривали для измерения зависимых переменных варианты открытых шкал и различные возможности интервального шкалирования, которые по утверждению некоторых авторов, показывают хорошие результаты [27]. Однако другие исследователи показывают, что открытые шкалы показывают себя хуже в качестве данных, чем обычные рейтинговые шкалы [10; 40], например, приводя к большему количеству пропущенных ответов. Мы решили, что так как в нашем проекте нет надежных ориентиров для измерения качества более сложных шкал, стоит остановиться на порядковой 11-балльной шкале от 0 до 10, которая благодаря количеству делений и простоте интерпретации обладает многими свойствами интервальной шкалы [43].

В качестве дополнительного ориентира, вместе с новым тестируемым инструментарием мы также включили в анкету общую и личную шкалы «веры в справедливый мир» (далее — ВСМ). Первая измеряет то, насколько участники считают, что мир справедлив «в целом», а вторая — насколько мир справедлив по отношению к ним. Опросник является валидизированным переводом на русский язык [35] оригинального опросника веры в справедливый мир [17]. Так как у обеих шкал довольно хорошие показатели надежности, на его основе можно сделать выводы о качестве заполнения анкеты в общем.

Результаты

План анализа результатов заключается в следующем. Сперва мы опишем выборку исследования вместе с показателями выполнения заданий. Затем мы проверим результаты на ряд психометрических показателей, сравнив их с известными значениями в других исследованиях. Затем мы проведем анализ параданных, таких как скорость выполнения заданий, а также влияния устройств и порядка выполнения заданий на содержательные результаты исследования.

На основе случайной стратифицированной по полу выборки среди участников панели, было разослано 4357 приглашений на почтовые адреса потенциальных участников методического исследования. На приглашение откликнулся 81 участник (2%), из которых основные задания выполнили 68 человек, а полностью анкету заполнили 66 человек. Коэффициент завершения является приемлемым, но не очень высоким для данной панели участников, при сравнительно небольшой длительности заполнения ($Mdn = 6$ мин 37 сек, $n = 66$). Большинство бросивших анкету (15), сделало это во время выполнения основного задания (13), поэтому можно предположить, что это связано не с усталостью, а потому что им задания не нравились или были слишком сложными. Среди участников полностью заполненных анкет 39 женщин. Средний возраст участника 42.9 лет ($SD = 13.6$, $Mdn = 42$). В выборке представлены жители населенных пунктов разного размера, в том числе 19 человек из мегаполисов и 12 человек из населенных пунктов меньше 50 тыс человек.

Психометрические показатели

Изучив распределения по зависимым переменным в разных условиях, мы обнаружили, что в 7–14 случаев (из 66) каждого условия участники ставили одинаковую оценку обоим типам распределения — и пропорциональному, и равному. В итоге, 39 участников хотя бы в одном из условий оценили справедливость обоих распределений одинаково, при этом наибольший вклад внесли виньетки, в которых указывалось, что распределение было добровольным, в них на оба вопроса одинаково

ответили более половины участников. Вероятно, если человек участвует в распределении добровольно, индивиды склонны считать любое распределение одинаково справедливым.

Конструктивная валидность — это степень того, насколько корректно тест измеряет теоретический конструкт [36]. В качестве её критериев мы предлагаем рассмотреть отрицательную связь между оценками справедливости равного и пропорционального распределений, так как шкалы по замыслу должны быть разнонаправленными. Дополнительным критерием будет служить положительная связь между оценкой справедливости пропорционального распределения и предполагаемой долей реципиентов, которые сочтут пропорциональное распределение справедливым. Предполагается, что чем больше человек считает определенное распределение справедливым, тем вероятнее он будет считать, что большинство реципиентов будет считать так же.

Для оценки силы связи между зависимыми переменными мы использовали корреляцию с повторными измерениями [13]. Связь между оценками двух распределений действительно оказалась отрицательная ($r(197) = -0.24$, $p < 0.001$, $CI_{.95} [-0.37, -0.1]$), однако не такая сильная, как мы предполагали. Что касается предсказываемой положительной корреляции оценки справедливости пропорционального распределения и оценки доли людей, которые сочтут такое распределение справедливым, то её коэффициент значительно больше при том же уровне значимости ($r(197) = 0.62$, $p < 0.001$, $CI_{.95} [0.52, 0.7]$).

Так как больше половины участников поставили в случае оценки добровольного распределения одинаковые значения в оценке справедливости обеих шкал, есть смысл проверить, как будут себя вести показатели без этих наблюдений. Если исключить таких участников из выборки, то обратная корреляция между обеими шкалами оценки справедливости ожидаемо сильно вырастает ($r(80) = -0.7$, $p < 0.001$, $CI_{.95} [-0.79, -0.56]$). То же самое касается и положительной корреляции между оценкой справедливости пропорционального распределения и оценки доли людей, которые сочтут его справедливым ($r(80) = 0.77$, $p < 0.001$, $CI_{.95} [0.67, 0.85]$). То есть инфляция ошибки скорее всего связана как раз с тем, что часть участников либо были сбиты с толку некоторыми сочетаниями уровней факторов и вопросов, либо недобросовестно выполняли задания.

Критериальная валидность — это относительная степень того, насколько точно результат определенного измерения предсказывается другим, то есть критерием [14]. В качестве последнего мы использовали показатели общей веры в справедливый мир (ВСМ). Положительная связь общей ВСМ с предпочтением равного распределения издержек как справедливого предполагается потому, что ряд исследований показывает, что люди с более высоким уровнем ВСМ склонны считать, что жертвы обстоятельств заслуживают того, что с ними происходит [19, с. 49].

Прежде чем сопоставлять значения ВСМ со значениями разработанного инструментария, стоит проверить критериальную шкалу на надежность-согласованность — то есть насколько каждый элемент

шкалы согласован с остальными. И общая, и личная ВСМ показали довольно высокую надежность-согласованность ($\alpha = 0.82$, $\alpha = 0.91$). У двух шкал также положительная корреляция ($r = 0.56$, $p < 0.001$) и значимая разница при сравнении средних с помощью теста Стьюдента ($t(65) = -3.53$, $p < 0.001$, $d = 0.4$). Похожие показатели у этих шкал и в психометрических исследованиях [35, р. 69], в том числе и средние значения, с той лишь разницей, что в нашей выборке общая ВСМ ($M = 3.44$) не так сильно отстает от личной ВСМ ($M = 3.76$)¹.

Убедившись в том, что шкала общей ВСМ показывает хорошие результаты на полученных данных, мы решили проверить наши предположения по поводу связи ВСМ и двух основных зависимых переменных – оценок справедливости пропорционального и равного распределений. Для этого мы построили для каждой зависимой переменной многоуровневую регрессионную модель с общей ВСМ в качестве независимой переменной и контролем на уровне участника.

Как и ожидалось, результаты регрессии показали, что участники с более высоким уровнем общей ВСМ действительно более склонны ставить более высокие оценки равному распределению издержек, чем люди с менее высоким уровнем ВСМ ($\beta = 0.92$, $SE = 0.37$, $t(264) = 2.5$, $p = 0.01$). Однако вопреки нашим ожиданиям, участники с более высоким уровнем общей ВСМ склонны и пропорциональному распределению ставить оценки выше, чем люди с менее высоким уровнем ВСМ, причем с близкими показателями ($\beta = 0.97$, $SE = 0.37$, $t(264) = 2.65$, $p = 0.01$). Несмотря на то, что мы не ожидали такого эффекта для второго результата, он объясним с точки зрения самой концепции. Люди с более сильной ВСМ в целом более склонны называть ситуации справедливыми — вне зависимости от обстоятельств.

Данные результаты также отчасти объясняют и не очень сильную обратную корреляцию у основных зависимых переменных. Вероятно, не все участники считают равное и пропорциональное распределения взаимоисключающими, даже когда вопросы о них идут друг за другом. Некоторые участники могли испытывать эффект «заякорения» относительно своих предыдущих ответов [31], когда очень высокая оценка справедливости одного распределения не позволяла поставить слишком низкую другому. Вместе с умеренными показателями конструктивной и удовлетворительными показателями критериальной валидности, эта двойственность в интерпретации говорит о необходимости дальнейшего исследования свойств шкалы.

После основных заданий задавались вопросы о понятности и лёгкости заданий ($r = 0.86$), а также внимательности их выполнения, которые можно считать шкалой субъективного качества заполнения ($\alpha = 0.9$). Данные самоотчета о понятности ($M = 8.2$, $Mdn = 9$, $SD = 2.2$),

¹ Такая разница может быть следствием разницы в выборках. В указанном выше психометрическом исследовании принимали участие студенты московских университетов, с точки зрения которых, жизнь вполне может быть к ним более справедлива, чем с точки зрения обычных людей.

лёгкости ($M = 8.4$, $Mdn = 9$, $SD = 1.9$) и внимательности заполнения ($M = 8.7$, $Mdn = 9.5$, $SD = 1.7$) довольно высокие. Однако утверждать, что задания лёгкие, не значит с лёгкостью их выполнять, поэтому стоит взглянуть на объективные данные.

Влияние типа устройств

Общее время заполнения анкеты было небольшим ($M = 9$ мин 53 сек, $Mdn = 6$ м 37 с, $SD = 17$ м 5 с, $min = 2$ м 2 с, $max = 139$ м). Время заполнения разных страниц основного задания не показало значимой связи с полученными результатами. Можно лишь отметить, что с мобильных устройств участники в среднем заполняли анкету дольше ($M = 18$ мин 52 сек, $SD = 33$ м 57 с, $Mdn = 8$ м 46 с), чем с настольных компьютеров ($M = 6$ мин 41 сек, $SD = 3$ м 35 с, $Mdn = 6$ м 16 с). Большая стандартная ошибка у времени заполнения с мобильных устройств говорит о том, что некоторые участники отвлекались, а затем возвращались к заполнению анкеты спустя длительное время, поэтому было решено проверить степень влияния типа устройства на содержательные результаты.

Стоит отметить, что в обеих версиях нашей анкеты (и для мобильных, и для настольных устройств) основные два вопроса о справедливости распределения показывались в случайном порядке. При этом в настольной версии вопросы сменяли друг друга, когда описание оставалось на месте, а шкала была горизонтальной. В мобильной же версии эти вопросы показывались под описанием один под одним, а шкала была расположена вертикально, то есть по ходу скроллинга.

Так как решение о том, в каком порядке показывать вопросы принималось автоматически на основе генератора случайных чисел, встроенного в инструментарий, 10 участников видели во всех условиях одинаковый порядок вопросов, поэтому мы исключили их из анализа. Для оставшихся участников, по каждому из вариантов порядков предъявления, если их было больше одного, считалось среднее, а сам порядок предъявления использовался как внутрисубъектная переменная с двумя уровнями.

Дисперсионный анализ с повторными измерениями показал значимое (!) влияние порядка представления распределений на оценку их справедливости ($F(1,54) = 29.14$, $p < .001$, $\eta_G^2 = 0.04$). Также был выявлен значимый эффект взаимодействия порядка представления и типа устройства, на котором выполнялись задания ($F(1,54) = 12.39$, $p < .001$, $\eta_G^2 = 0.02$). Если участникам, выполняющим задания на мобильных устройствах, первым предлагалось оценить пропорциональное распределение, то они были более склонны оценивать его более справедливым. Если им предлагалось оценить сперва равное распределение издержек, то они чаще оценивали более справедливым именно его (см. Рис. 1). При этом, среди участников, которые выполняли задания с настольных устройств, такого эффекта не наблюдается.

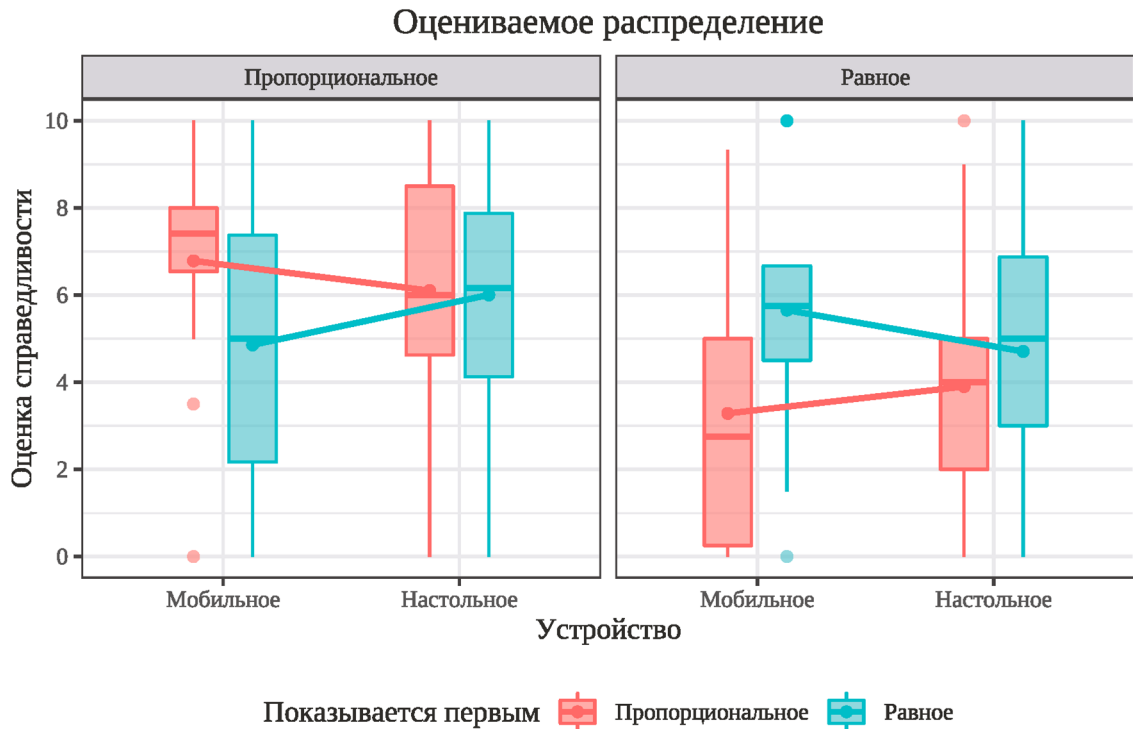

Рис. 1. Оценка справедливости распределений в зависимости от порядка предъявления стимулов и устройства выполнения задания

Figure 1. Assessment of the fairness of distributions depending on the order of stimulus presentation and the device for performing the task

Вывод

Проверка шкал «веры в справедливый мир» и удовлетворительные показатели критериальной валидности показали, что умеренные показатели конструктивной валидности связаны с особенностями самих шкал, а не качеством выполнения заданий. Поэтому шкала нуждается в доработке и трансформации в шкалу прямого измерения. При этом качество результатов зависит от типа устройств, на которых участники выполняли задания, и во взаимодействии с которым был выявлен значительный эффект порядка предъявления стимулов. Так как предыдущие исследования на данной онлайн-панели и других подобных выборках такого эффекта не выявили, можно предположить, что именно выполнение виньеток является затруднительным с мобильных устройств, а потому имеет смысл ограничивать выполнение заданий только настольными устройствами.

Библиографический список

1. Быков А. В. Метод факторных виньеток и шкала самооценки альтруизма: Сравнение онлайн- и офлайн-опросов // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2014. № 39. С. 62–98.

2. Власов М. С., Протасова И. Н. Виньетки как метод диагностики моральных оснований // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. 2018. № 37. С. 71–75.
3. Гудвин Д. Исследование в психологии: Методы и планирование. СПб.: Питер, 2004. 558 с.
4. Калинин Р. Г. Изучение дистрибутивной справедливости в социальных науках: Обзор концептуализаций и методологических подходов // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2019. № 49. С. 7–56.
5. Пузанова Ж. В., Тертышникова А. Г. Метод виньеток в социологических исследованиях: Методологические принципы и методические решения // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Социология. 2015. № 4. С. 44–56.
6. Терентьев Е. А., Нефедова А. И., Груздев И. А. Влияние визуализации опросного инструментария в онлайн-исследованиях на качество данных // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 5. С. 1–15.
7. Alves W. M., Rossi P. H. Who Should Get What? Fairness Judgments of the Distribution of Earnings // American Journal of Sociology. 1978. Vol. 84. No. 3. P. 541–564.
8. Antoun C., Couper M. P., Conrad F. G. Effects of Mobile versus PC Web on Survey Response Quality A Crossover Experiment in a Probability Web Panel // Public Opinion Quarterly. 2017. Vol. 81. No. S1. P. 280–306. DOI: 10.1093/poq/nfw088
9. Atzmüller C., Steiner P. M. Experimental Vignette Studies in Survey Research // Methodology: European Journal of Research Methods for the Behavioral and Social Sciences. 2010. Vol. 6. No. 3. P. 128–138.
10. Auspurg K., Hinz T. Factorial Survey Experiments. Vol. 175. Los Angeles: SAGE, 2015. 168 p.
11. Auspurg K., Hinz T., Liebig S., Sauer C. The Factorial Survey as a Method for Measuring Sensitive Issues // Improving Survey Methods. Routledge, 2014. P. 137–149.
12. Auspurg K., Jäckle A. First Equals Most Important? Order Effects in Vignette-Based Measurement // Sociological Methods and Research. 2017. Vol. 46. No. 3. P. 490–539. DOI: 10.1177/0049124115591016
13. Bakdash J. Z., Marusich L. R. Repeated Measures Correlation // Frontiers in Psychology. 2017. Vol. 8. No. 456. DOI: 10.3389/fpsyg.2017.00456
14. Carmines E. G., Woods J. Validity. The SAGE Encyclopedia of Social Science Research Methods. Thousand Oaks, CA: Sage Publications, Inc., 2004. P. 1171–1172.
15. Couper M. P., Conrad F. G., Tourangeau R. Visual Context Effects in Web Surveys // Public Opinion Quarterly. 2007. Vol. 71. No. 4. P. 623–634. DOI: 10.1093/poq/nfm044
16. Cullen S. Survey-Driven Romanticism // Review of Philosophy and Psychology. 2010. Vol. 1. No. 2. P. 275–296. DOI: 10.1007/s13164-009-0016-1
17. Dalbert C., Montada L., Schmitt M. Glaube an eine gerechte Welt als Motiv: Validierungskorrelate zweier Skalen // Psychologische Beiträge. 1987. Vol. 29. No. 4. P. 596–615.

18. Eifler S., Petzold K. Validity Aspects of Vignette Experiments: Expected “What-If” Differences Between Reports of Behavioral Intentions and Actual Behavior // *Experimental Methods in Survey Research: Techniques That Combine Random Sampling with Random Assignment*. Wiley Online Books, 2019. P. 393–416.
19. Hafer C. L., Sutton R. Belief in a Just World // *Handbook of Social Justice Theory and Research*. New York: Springer, 2016. P. 145–160. DOI: 10.1007/978-1-4939-3216-0_8
20. Hainmueller J., Hangartner D., Yamamoto T. Validating vignette and conjoint survey experiments against real-world behavior // *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. 2015. Vol. 112. No. 8. P. 2395–2400. DOI: 10.1073/pnas.1416587112
21. Hermkens P. L. J., Boerman F. A. Consensus with respect to the fairness of incomes: Differences between social groups // *Social Justice Research*. 1989. Vol. 3. No. 3. P. 201–215.
22. Jasso G. Factorial Survey Method (Rossi’s Method) // *The SAGE Encyclopedia of Social Science Research Methods*. Thousand Oaks, CA: Sage Publications, Inc., 2004. P. 374–376.
23. Jasso G. Factorial Survey Methods for Studying Beliefs and Judgments // *Sociological Methods & Research*. 2006. Vol. 34. No. 3. P. 334–423. DOI: 10.1177/0049124105283121
24. Jasso G. Safeguarding Justice Research // *Sociological Methods & Research*. 2012. Vol. 41. No. 1. P. 217–239. DOI: 10.2458/v7i2.20321
25. Jasso G., Rossi P. H. Distributive Justice and Earned Income // *American Sociological Review*. 1977. Vol. 42. No. 4. P. 639–651.
26. Krosnick J. A. Response strategies for coping with the cognitive demands of attitude measures in surveys // *Applied Cognitive Psychology*. 1991. Vol. 5. No. 3. P. 213–236.
27. Lang V. Scaling Sensitive Factorial Survey Analysis // *Sociological Methods & Research*. 2018. P. 649–682. DOI: 10.1177/0049124118799382
28. Liebig S., Sauer C. Sociology of Justice // *Handbook of Social Justice Theory and Research*. New York: Springer, 2016. P. 37–59.
29. Liebig S., Sauer C., Friedhoff S. Using Factorial Surveys to Study Justice Perceptions: Five Methodological Problems of Attitudinal Justice Research // *Social Justice Research*. 2015. Vol. 28. No. 4. P. 415–434.
30. Lucas J. W. Theory-Testing, Generalization, and the Problem of External Validity // *Sociological Theory*. 2003. Vol. 21. No. 3. P. 236–253.
31. Markovsky B. Anchoring Justice // *Social Psychology Quarterly*. 1988. Vol. 51. No. 3. P. 213–224.
32. Markovsky B., Eriksson K. Comparing Direct and Indirect Measures of Just Rewards // *Sociological Methods & Research*. 2012. Vol. 41. No. 1. P. 199–216.
33. Mavletova A. Data Quality in PC and Mobile Web Surveys // *Social Science Computer Review*. 2013. Vol. 31. No. 6. P. 725–743. DOI: 10.1177/0894439313485201
34. Messick D. M., Schell T. Evidence for an equality heuristic in social decision making // *Acta Psychologica*. 1992. Vol. 80. No. 1–3. P. 311–323.
35. Nartova-Bochaver S., Donat M., Astanina N., Rьprich C. Russian Adaptations of General and Personal Belief in a Just World Scales: Validation and Psychometric Properties // *Social Justice Research*. 2018. Vol. 31. No. 1. P. 61–84. DOI: 10.1007/s11211-017-0302-5

36. Peng C. Y. J., Mueller D. J. Construct Validity // The SAGE Encyclopedia of Social Science Research Methods. Thousand Oaks, CA: Sage Publications, Inc., 2004. P. 182–183.

37. Rossi P. H. Vignette Analysis: Uncovering the Normative Structure of Complex Judgments // Qualitative and Quantitative Social Research: Papers in Honor of Paul F. Lazarsfeld. New York: Free Press, 1979. P. 176–186.

38. Rossi P. H., Anderson A. The Factorial Survey Approach: An Introduction // Measuring Social Judgments: The Factorial Survey Approach. Beverly Hills: Sage Publications, 1982. The Factorial Survey Approach. P. 15–67.

39. Rossi P. H., Sampson W. A., Bose C. E., Jasso G. Measuring household social standing // Social Science Research. 1974. Vol. 3. No. 3. P. 169–190.

40. Sauer C., Auspurg K., Hinz T. Designing Multi-Factorial Survey Experiments: Effects of Presentation Style (Text or Table), Answering Scales, and Vignette Order // Methods, data, analyses. 2020. Vol. 14. No. 2. P. 195–214. DOI: 10.12758/mda.2020.06

41. Sommer J., Diedenhofen B., Musch J. Not to Be Considered Harmful: Mobile-Device Users Do Not Spoil Data Quality in Web Surveys // Social Science Computer Review. 2017. Vol. 35. No. 3. P. 378–387. DOI: 10.1177/0894439316633452

42. Spalding N. J., Phillips T. Exploring the Use of Vignettes: From Validity to Trustworthiness // Qualitative Health Research. 2007. Vol. 17. No. 7. P. 954–962. DOI: 10.1177/1049732307306187

43. Wu H., Leung S. O. Can Likert Scales be Treated as Interval Scales? – A Simulation Study // Journal of Social Service Research. 2017. Vol. 43. No. 4. P. 527–532. DOI: 10.1080/01488376.2017.1329775

Получено редакцией: 17.09.21

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Калинин Роман Геннадьевич, младший научный сотрудник,
аспирантская школа по социологическим наукам,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

DOI: 10.19181/vis.2022.13.3.836

EDN: LEXLHV

Vignette Method in Online Research: Measuring Perceptions of Fairness¹

Roman G. Kalinin

National Research University «Higher School of Economics», Moscow, Russia

E-mail: rkalinin@hse.ru

ORCID 0000-0001-5367-5886

For citation: Kalinin R. G. Vignette Method in Online Research: Measuring Perceptions of Fairness. *Vestnik Instituta sotziologii*. 2022. Vol. 13. No. 3. P. 162–178. DOI: 10.19181/vis.2022.13.3.836; EDN: LEXLHV

¹ The study was prepared with the financial support of the RFBR, project No. 19-311-90081. The author is grateful to Inna Feliksovna Devyatko and Alexander Byzov for their wonderful ideas.

Abstract. The article covers the use of the vignette method in online research. The possibilities of the method based on the measurement of the perception of justice are demonstrated and the tools developed for these purposes are evaluated. The analysis of the quality of the proposed scales is carried out using quantitative assessments of the main psychometric indicators: constructive and criterion validity. The substantiation and calculation of these indicators are described in detail, as well as the interpretation of the obtained values. A moderate indicator of construct validity and a satisfactory indicator of criterion validity indicate the need for further optimisation of the scales.

Special attention is paid to the peculiarities of using this method online with the help of participants recruited from a commercial panel of test subjects. The paradata are analysed and the dependence of the meaningful results of the study on the non-semantic aspects of the tools is traced. In particular, the influence of the interaction between the order of presentation of stimuli and the type of devices on judgments about fairness is demonstrated. It is shown that participants who completed tasks using mobile devices tend to consider the conditions that they were shown first to be more fair. In contrast to participants who performed tasks on desktop devices, where this effect is practically not observed.

Recruiting participants from an online panel for a study using the vignette method demonstrated a number of limitations that should be considered when designing a study. Given the demonstrated inattention of participants when completing tasks from mobile devices, it is recommended to limit the completion of questionnaires to the use of desktop devices – computers and laptops. Also, unlike previous studies in this area, when using the vignette method, it is recommended to limit the number of levels of factors in the experimental plan to reduce the cognitive complexity of tasks in the conditions of the inability to control the attentiveness of their performance.

The results obtained are analysed in the context of methodological research. Methodological solutions are proposed for using the online vignette method, current and possible sources of data distortion are indicated, and recommendations are given for the further use of the developed tools.

Keywords: vignette method, factorial survey, experiment, construct validity, criterion validity, distributive justice, belief in a just world

References

1. Bykov A. V. Factorial Vignettes Method and Self-Report Altruism Scale: Comparison of Online and Offline Surveys. *Sotsiologiya: metodologiya, metody, matematicheskoye modelirovaniye*, 2014: 39: 62–98 (in Russ.).
2. Vlasov M. S., Protasova I. N. Vignettes as a Measure of Moral Foundations. *Vestnik Altayskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta*, 2018: 37: 71–75 (in Russ.).
3. Goodwin C. J. Research in Psychology: Methods and Design. St. Petersburg, Piter, 2004: 558 (in Russ.).
4. Kalinin R. G. Distributive Justice Research in Social Sciences: A Review of Conceptualizations and Methodological Approaches. *Sotsiologiya: metodologiya, metody, matematicheskoye modelirovaniye*, 2019: 49: 7–56 (in Russ.).
5. Puzanova Zh. V., Tertyshnikova A. G. Vignette Method in Sociological Research: Methodological Principles and Techniques. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Ser.: Sotsiologiya*, 2015: 4: 4: 44–56 (in Russ.).
6. Terentiev E. A., Nefedova A. I., Gruzdev I. A. Visualization of Questionnaire in Online Surveys: How Different Design Features Impact the Data Quality. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskkiye i sotsial'nyye peremeny*, 2016: 5: 1–15 (in Russ.).
7. Alves W. M., Rossi P. H. Who Should Get What? Fairness Judgments of the Distribution of Earnings. *American Journal of Sociology*, 1978: 84: 3: 541–564.
8. Antoun C., Couper M. P., Conrad F. G. Effects of Mobile versus PC Web on Survey Response Quality: A Crossover Experiment in a Probability Web Panel. *Public Opinion Quarterly*, 2017: 81: S1: 280–306.
9. Atzmüller C., Steiner P. M. Experimental Vignette Studies in Survey Research. *Methodology: European Journal of Research Methods for the Behavioral and Social Sciences*, 2010: 6: 3: 128–138.
10. Auspurg K., Hinz T. Factorial Survey Experiments: 175. Los Angeles, SAGE, 2015: 168.
11. Auspurg K., Hinz T., Liebig S., Sauer C. The Factorial Survey as a Method for Measuring Sensitive Issues. In *Improving Survey Methods*. Routledge, 2014: 137–149.
12. Auspurg K., Jдckle A. First Equals Most Important? Order Effects in Vignette-Based Measurement. *Sociological Methods and Research*, 2017: 46: 3: 490–539.

13. Bakdash J. Z., Marusich L. R. Repeated Measures Correlation. *Frontiers in Psychology*, 2017: 8: 456.
14. Carmines E. G., Woods J. Validity. The SAGE Encyclopedia of Social Science Research Methods. Thousand Oaks, CA, Sage Publications Inc., 2004: 1171–1172.
15. Couper M. P., Conrad F. G., Tourangeau R. Visual Context Effects in Web Surveys. *Public Opinion Quarterly*, 2007: 71: 4: 623–634.
16. Cullen S. Survey-Driven Romanticism. *Review of Philosophy and Psychology*, 2010: 1: 2: 275–296.
17. Dalbert C., Montada L., Schmitt M. Belief in a just world: Validation correlates of two scales. *Psychologische Beitrage*, 1987: 29: 4: 596–615 (in Germ.).
18. Eifler S., Petzold K. Validity Aspects of Vignette Experiments: Expected “What-If” Differences Between Reports of Behavioral Intentions and Actual Behavior. In *Experimental Methods in Survey Research: Techniques That Combine Random Sampling with Random Assignment*. Wiley Online Books, 2019: Validity Aspects of Vignette Experiments: 393–416.
19. Hafer C. L., Sutton R. Belief in a Just World. In *Handbook of Social Justice Theory and Research*. New York, NY, Springer, 2016: 145–160.
20. Hainmueller J., Hangartner D., Yamamoto T. Validating vignette and conjoint survey experiments against real-world behavior. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*, 2015: 112: 8: 2395–2400.
21. Hermkens P. L. J., Boerman F. A. Consensus with respect to the fairness of incomes: Differences between social groups. *Social Justice Research*, 1989: 3: 3: 201–215.
22. Jasso G. Factorial Survey Method (Rossi’s Method). In *The SAGE Encyclopedia of Social Science Research Methods*. Thousand Oaks, CA, Sage Publications Inc., 2004: 374–376.
23. Jasso G. Factorial Survey Methods for Studying Beliefs and Judgments. *Sociological Methods & Research*, 2006: 34: 3: 334–423.
24. Jasso G. Safeguarding Justice Research. *Sociological Methods & Research*, 2012: 41: 1: 217–239.
25. Jasso G., Rossi P. H. Distributive Justice and Earned Income. *American Sociological Review*, 1977: 42: 4: 639–651.
26. Krosnick J. A. Response strategies for coping with the cognitive demands of attitude measures in surveys. *Applied Cognitive Psychology*, 1991: 5: 3: 213–236.
27. Lang V. Scaling Sensitive Factorial Survey Analysis. *Sociological Methods & Research*, 2018: 649–682.
28. Liebig S., Sauer C. Sociology of Justice. In *Handbook of Social Justice Theory and Research*. Springer, New York, 2016: 37–59.
29. Liebig S., Sauer C., Friedhoff S. Using Factorial Surveys to Study Justice Perceptions: Five Methodological Problems of Attitudinal Justice Research. *Social Justice Research*, 2015: 28: 4: 415–434.
30. Lucas J. W. Theory-Testing, Generalization, and the Problem of External Validity. *Sociological Theory*, 2003: 21: 3: 236–253.
31. Markovsky B. Anchoring Justice. *Social Psychology Quarterly*, 1988: 51: 3: 213–224.
32. Markovsky B., Eriksson K. Comparing Direct and Indirect Measures of Just Rewards. *Sociological Methods & Research*, 2012: 41: 1: 199–216.
33. Mavletova A. Data Quality in PC and Mobile Web Surveys. *Social Science Computer Review*, 2013: 31: 6: 725–743.
34. Messick D. M., Schell T. Evidence for an equality heuristic in social decision making. *Acta Psychologica*, 1992: 80: 1–3: 311–323.
35. Nartova-Bochaver S., Donat M., Astanina N., Rьprich C. Russian Adaptations of General and Personal Belief in a Just World Scales: Validation and Psychometric Properties. *Social Justice Research*, 2018: 31: 1: 61–84.
36. Peng C. Y. J., Mueller D. J. Construct Validity. In *The SAGE Encyclopedia of Social Science Research Methods*. Thousand Oaks, CA, Sage Publications Inc., 2004: 182–183.

37. Rossi P. H. Vignette Analysis: Uncovering the Normative Structure of Complex Judgments. In *Qualitative and Quantitative Social Research: Papers in Honor of Paul F. Lazarsfeld*. New York, Free Press, 1979: Vignette Analysis: 176–186.
38. Rossi P. H., Anderson A. The Factorial Survey Approach: An Introduction. In *Measuring Social Judgments: The Factorial Survey Approach*. Beverly Hills, Sage Publications, 1982: The Factorial Survey Approach: 15–67.
39. Rossi P. H., Sampson W. A., Bose C. E., Jasso G. Measuring household social standing. *Social Science Research*, 1974: 3: 3: 169–190.
40. Sauer C., Auspurg K., Hinz T. Designing Multi-Factorial Survey Experiments: Effects of Presentation Style (Text or Table), Answering Scales, and Vignette Order. *Methods, data, analyses*, 2020: 14: 2: 195–214.
41. Sommer J., Diedenhofen B., Musch J. Not to Be Considered Harmful: Mobile-Device Users Do Not Spoil Data Quality in Web Surveys. *Social Science Computer Review*, 2017: 35: 3: 378–387.
42. Spalding N. J., Phillips T. Exploring the Use of Vignettes: From Validity to Trustworthiness. *Qualitative Health Research*, 2007: 17: 7: 954–962.
43. Wu H., Leung S. O. Can Likert Scales be Treated as Interval Scales? –A Simulation Study. *Journal of Social Service Research*, 2017: 43: 4: 527–532.

The article was submitted on: September 17, 2021

INFORMATIONS ABOUT THE AUTHOR

Roman G. Kalinin, Junior Researcher, Doctoral School of Sociology,
National Research University «Higher School of Economics»

Трибуна молодого учёного

DOI: 10.19181/vis.2022.13.3.837

EDN: MARMAK

Социологические факторы влияния образовательной среды на профессиональное выгорание преподавателей вузов

Ссылка для цитирования: Самсонова Е. А. Социологические факторы влияния образовательной среды на профессиональное выгорание преподавателей вузов // Вестник Института социологии. 2022. Т. 13. № 3. С. 179–192. DOI: 10.19181/vis.2022.13.3.837; EDN: MARMAK

For citation: Samsonova E. A. Sociological Factors of the Influence of the Educational Environment on the Professional Burnout of University Teachers. *Vestnik Instituta sotziologii*. 2022. Vol. 13. No. 3. P. 179–192. DOI: 10.19181/vis.2022.13.3.837; EDN: MARMAK

Самсонова Евгения Андреевна¹

¹Сибирский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Новосибирск, Россия

samsonova-ea@ranepa.ru

AuthorID ПИНЦ: 631870

Аннотация. В статье представлены результаты авторского исследования, проведённого в вузах города Новосибирска. Автор исходит из того, что модернизация образования оказывает влияние не только на образовательный процесс в рамках оптимизации преподавания, условий и качества образования, но и на самих его участников, в том числе преподавателей.

Реализация национального проекта «Образование», переход к цифровым технологиям в образовании, современные социально-политические и экономические реалии приводят к принципиальным изменениям условий функционирования высших учебных заведений, росту требований к качеству профессиональной подготовки и появлению новых функций и обязанностей преподавателей. Практика показывает, что нововведения оказывают как положительное, так и отрицательное воздействие на образовательную среду и самих преподавателей как ключевых субъектов реализации образовательной деятельности. По итогам проведённого анализа собранных в ходе полевого исследования данных, автор приходит к выводу, что профессиональное выгорание преподавателя как синдром ответной реакции, проявляющийся в истощении, снижении продуктивности деятельности, деперсонализации является следствием действия системы факторов. Опираясь на результаты исследования, автор рассматривает широкий спектр профессиональных рисков, выделяя причины возникновения и управленческие переменные, способствующие проявлению профессионального выгорания у преподавателей. Инструментарий исследования позволил определить причины профессионального выгорания, наличие симптомов и признаков, уровень истощения, деперсонализации и редукции. Анализ полученных данных позволил сделать вывод

о том, что усложнение условий профессиональной деятельности в силу действия системы социологических факторов приводит к увеличению числа преподавателей с выраженной степенью профессионального выгорания вне зависимости от уровня занимаемой должности, при этом установлена зависимость степени выгорания от стажа преподавательского труда. Также определены области профессиональной деятельности, наиболее уязвимые для деформаций, и возможные меры профилактики и преодоления синдрома профессионального выгорания. Установлено, что профессиональное выгорание преподавателей отрицательно влияет качество образовательного процесса, приводит к проблемам в кадровом обеспечении вузов и требует разработки управленческих решений по оптимизации образовательной среды с целью минимизации профессиональных рисков и снижения негативного воздействия факторов на здоровье и деятельность преподавателей вузов.

Ключевые слова: социологические факторы, высшее образование, управление образованием, преподаватели вузов, организационная культура, профессиональное выгорание, риски профессионального выгорания, качество образования

Происходящие глобальные изменения, модернизация высшей школы, институциональные преобразования системы профессиональной подготовки, внедрение новых образовательных технологий на основе цифровых платформ и другие нововведения невозможны без компетентного профессорско-преподавательского состава вузов, обеспечивающего их реализацию в повседневной практике. Личность преподавателя остается ведущим фактором качества образовательного процесса. Однако изменения в содержании профессиональной деятельности, расширение функций, появление новых задач, обязанностей и требований оказывают влияние не только на профессиональную компетентность и мотивацию, но и психологическое здоровье и самочувствие педагогов. Причём это влияние может иметь как позитивный, так и негативный характер, носит дихотомический характер. С одной стороны, нововведения способствуют совершенствованию преподавательских навыков, расширению возможностей, подходов к преподаванию, т. е. развитию профессионализма в современных условиях. С другой стороны, появление новых требований может отрицательно сказаться на состоянии здоровья, работоспособности и профессионального самочувствия в целом.

В настоящее время всё чаще у представителей педагогической профессии отмечается нарастание симптомов профессионального выгорания как одного из феноменов личностной деформации, возникающей в профессиональной деятельности как ответная реакция на невозможность преодолевать рабочие стрессы.

Именно поэтому, по мнению И. А. Васильева, внедрение изменений в практику деятельности должно проходить с социологическим и социально-психологическим сопровождением, иначе возможны «культурные травмы» и социально-психологические последствия, которые окажут воздействие на выполнение образовательными учреждениями их основных функций [2, с. 73].

Научное осмысление влияния социологических факторов образовательной среды на преподавателя как ключевого субъекта профессиональной деятельности необходимо для учета в практике управления, создания в высших учебных заведениях соответствующих механизмов управления образовательной средой, определения условий по предупреждению и преодолению профессионального выгорания у преподавателей.

Определение современных характеристик образовательной среды, изучение факторов и проявлений профессионального выгорания позволит получить данные, которые могут лечь в основу разработки системы профилактических мероприятий по предупреждению и преодолению профессионального выгорания, поддержания работоспособности и снижения профессиональных рисков в целом.

Таким образом, актуальность проведения исследований проблематики профессионального выгорания преподавателей вузов обусловлено целым рядом объективных оснований и делает данную задачу необходимой на современном этапе развития высшей школы.

Постановка проблемы

Современные условия образовательной среды предъявляют ряд новых требований к профессиональным навыкам преподавателей, начиная от владения цифровыми технологиями, заканчивая возможностями постоянного пересмотра форм, средств и материалов преподаваемых дисциплин, а, значит, и способностью к самообразованию. Принципиальные изменения в характере и содержании профессиональной деятельности преподавателя вуза трансформируют его статус, повышают ответственность за качество и результаты труда. По мнению И. А. Асеевой, современный мир, в частности образовательная среда, переходит на новый уровень технологизированной среды, где информационные и социальные технологии создают новую антропотехнореальность, специфика которой заключается в изменении привычного образа жизнедеятельности с дальнейшей профессиональной переподготовкой на базе кибертехнологий [1, с. 142]. Изменение привычного образа профессиональной деятельности проявляется в пересмотре и усовершенствовании функциональных обязанностей, что создаёт ряд ограничений в комфортности педагогической деятельности, нестабильность образовательного процесса, сложность во взаимоотношениях, отсутствие чётких ориентиров на будущее. Это, в свою очередь, приводит к физическим, психологическим и трудовым перегрузкам. Отсутствие явных ориентиров в области образовательной политики, по мнению О. Н. Сергеевой, провоцирует психоэмоциональное напряжение педагогов и эмоциональную дезадаптацию [11, с. 38]. Длительное нахождение в состоянии перегрузок приводит к сбоям общего состояния здоровья. Сегодня, одним из распространённых симптомов профессиональных заболеваний преподавателей принято выделять профессиональное выгорание (М. О. Джейранова [3], Н. Г. Осухова [7], С. Н. Пак[8] и др.).

Вопросами профессионального выгорания занимаются учёные в разных областях медицины, психологии, социологии, политики, педагогики и т. д. Опасность последствий выгорания преподавателей для вузов является снижение работоспособности, и, как следствие, снижение включённости в новые проекты развития вуза, теряются способности к энтузиазму, оперативности и результативности. Преподаватели продолжают работать, но с меньшей интенсивностью и заинтересованностью, что в дальнейшем может привести к профессионально-личностной деформации, когда преподаватель – и это часто можно видеть в практике и слышать от самих преподавателей проводит занятия на «автомате» – переходит в позицию «урокодателя», т. е. просто к «автоматизированным» формам занятия. На проведение научных исследований, методическую работу, применение творческих методов преподавания, организацию интерактивных форм, использование игровых приемов у него уже не остается ни сил, ни желаний. При этом на первый план выходит не снижение компетентности как таковой, а профессиональная демотивация. То есть начинают проявляться, а затем и нарастать симптомы профессионального выгорания.

Изучение синдрома выгорания началось в 1970-х гг., основателем исследования данного симптома является Х. Фреуденбергер, который выявил возможность выгорания в любой моменту работников «помогающих профессий» [13, с. 81]. Современные исследования, посвящённые изучению синдрома выгорания, свидетельствуют, что профессиональному выгоранию подвержены все, вне зависимости от рода деятельности, ценностей, национальности, социального статуса и т. д. Есть предположение, что условием возникновения выгорания является влияние глобализации, либерализации, технологизации, которые приводят к быстрым изменениям условий и требований к трудовой деятельности [15, с. 210].

На сегодняшний день профессиональное выгорание признано синдромом хронического стресса на рабочем месте¹. Игнорирование хронического стресса на работе может привести к ряду негативных последствий [12, с. 34–35], среди которых:

- нарушение психомоторных функций (избыточное статическое напряжение мышц приводит к спазмам и блокирование мобильности движения, дрожание или тремор рук, нарушение дыхательной функции, уменьшение сенсомоторной реакции);
- нарушение производительности труда – допускание ошибок в привычных действиях, нехватка времени, низкая работоспособность;
- нарушение социально-ролевых функций и взаимоотношений;
- изменение образа жизни;
- развитие психосоматических заболеваний.

¹ ВОЗ признала болезнью выгорания на работе // ИПК Институт профессионального кадровика. URL: <https://profkadrovik.ru/news/elem-voz-priznala-boleznyu-vygoranie-na-rabote/> (дата обращения: 12.06.2022).

Такого рода изменения здоровья, будучи массовыми и присущими определённой социальной группе, могут иметь существенные социальные последствия. Таким образом, данная проблематика из медицинской и психологической сферы переходит уже в социологическую область и требует системных решений в рамках социального управления.

Преподавательская деятельность, как и медицинская, больше всего подвержена профессиональному выгоранию из-за наличия ежедневных сверх стрессовых ситуаций, повышенной интеллектуальной насыщенности, коммуникативности и ответственности, большим количеством обязанностей и т. п., что приводит к эмоциональному перенасыщению и перегрузкам умственным, так и физическим. В результате постоянных изменений образовательных стандартов, появления новых технологий в сфере образования для преподавателей создаются жёсткие временные рамки адаптации к условиям и выполнению рабочих заданий, ужесточаются требования к скорости и темпу выполнения поставленных задач, резко нарушается комфортность осуществления профессиональной деятельности.

Таким образом, факторы возникновения выгорания можно разделить на социальные и психологические. К социальным можно отнести неудовлетворенность оплатой труда, престижем, статусом и уважением в обществе представителей данной профессии, высокую учебную и внеучебную нагрузку, сжатые сроки выполнения множества задач и поручений, неясные социально-профессиональные перспективы. Переживание постоянных стрессовых ситуаций, страхов и опасений, раздражения и тревоги носят психологический характер. И.Ю. Курганова делит трудовые условия, способствующие развитию профессионального выгорания преподавателей на физиологические (повышенная зрительная, голосовая, слуховая нагрузки, статическая нагрузка, гиподинамия) и психолого-организационные факторы (соответствовать критериям, невозможность выбора обучающихся, накопление эмоционального напряжения) [5, с. 25].

Перечисленные факторы можно объединить в условия трудовой жизни. Проблема улучшения условий труда, как правило, одна из важных для современного руководителя. Поэтому разработка стратегии управления, включающей мониторинг возможных профессиональных рисков и путей их преодоления без негативных последствий для состояния здоровья преподавателей, представляется ключевой задачей.

Поиск путей решения проблемы в условиях модернизации системы образования, по мнению Н. В. Проказиной и В. Л. Ланцева, должно строиться на понимании необходимости развития преподавателя в профессиональной деятельности при неизбежности оптимизации учебного процесса [10, с. 160–162]. По мнению И. П. Поповой, преподавателям комфортнее работать в условиях профессиональной автономии, т. е. относительной свободе выбора форм и методов преподавания, самостоятельности в принятии решений на своем уровне деятельности [9, с. 252].

Таким образом, проблема профессионального выгорания обусловлена противоречием между объективностью формирования данного феномена в условиях современной образовательной среды и наличием множества подходов к выделению факторов, влияющих на профессиональное здоровье преподавателей вузов, основанных на общем анализе условий труда.

Автором предпринята попытка уточнить и обобщить факторы современной образовательной среды, провоцирующие возникновение профессионального выгорания у преподавателей вузов, для дальнейшего поиска механизмов управленческого воздействия.

Материалы и методы исследования

Для выявления влияния образовательной среды вуза на профессиональное выгорание преподавателей на базе высших учебных заведений г. Новосибирска при участии автора было проведено полевое исследование. Объектом исследования являлись представители профессорско-преподавательского состава, включая как рядовых преподавателей, так и заведующих кафедрами и деканов факультетов. С помощью онлайн-форм Google проведены опросы в форме анкетирования с использованием открытых, закрытых вопросов и вопросов с ранжированием значимости или степени проявления предложенных условий. Возраст участников от 30 до 65 лет, большая часть респондентов относится к возрастной группе 41–50 лет (41,7%), по 20,8% составили представители возрастных групп 31–40 и 51–60 лет. Педагогический стаж большинства респондентов от 16 до 45 лет (70,8%). Структура выборки по должностным группам случайная и представлена следующими должностями: руководители вуза (ректор/директор, проректор/заместители директора) – 9,1%, руководители структурных подразделений (деканы, заведующие кафедрами) – 20,8%, административный персонал (методисты, администраторы, ассистенты) – 10,5% и профессорско-преподавательский состав – 59,6%. Среди респондентов только 8,9% составили представители мужского пола, но при этом большой разницы в ответах не выявлено. Таким образом, выборка формировалась из высказавших желание принять участие в опросе и относящихся к целевой группе.

Исследование направлено на изучение причин и факторов появления выгорания у преподавателей, а также диагностику наличия выгорания у респондентов. В фокусе исследования находилось несколько аспектов: степень выраженности выгорания, влияние должности на степень выгорания, определение профессиональных рисков, приводящих к выгоранию, эффективность существующих методов и средств профилактики поддержания сотрудников вуза. Полученные данные не могут претендовать на возможность экстраполяции полученных результатов на профессиональную группу в целом, однако по закону малой выборки позволяют выявить общую тенденцию и стать отправной точкой для проведения более крупных исследований.

Результаты исследования

Определение наличия и степени выраженности выгорания у респондентов диагностировали с помощью теста «Диагностика профессионального «выгорания» (К. Маслач, С. Джексон, в адаптации Н. Е. Водопьяновой). Согласно методике К. Маслач выгорание можно оценить посредством трёх компонентов: истощение, цинизм и профессиональная неэффективность [14, с. 351]. В адаптированном опроснике Н. Е. Водопьяновой и Е. Старченковой описываются три состояния – эмоциональное истощение, деперсонализация и редукция личных достижений (профессиональная успешность) [6]. По результатам теста у представителей руководящих должностей в вузе (заведующих, руководителей и деканов) выражено эмоциональное истощение в пределах 65–85% от максимальных показателей у 44,4% опрошенных, что означает высокую утомляемость, угнетённость, признаки эмоциональной опустошенности. Деперсонализация, характеризующая взаимоотношения в коллективе, у 22,2% респондентов, занимающих руководящие должности свидетельствует о формальных взаимоотношениях, возможной чёрствости и ощущении несправедливости, соответственно, по итогам двух критериев можно объяснить полученные данные по редукции личных достижений, которые дают высокие показатели (в диапазоне от 60 до 90%) у 77% опрошенных, что означает снижение общего оптимизма в работе, потерю веры в свои силы и возможности. У доцентов, старших преподавателей и преподавателей показатели значительно ниже. Так, только у 16,6% выражено эмоциональное истощение в пределах 50–55%, у остальных показатели в диапазоне 15–37% проявления. Деперсонализация у преподавателей находится в диапазоне 17–40%, то есть средний уровень выраженности. Показатели редукции также ниже. Полученные данные свидетельствуют о наличии профессионального выгорания у работников вузов, которые совмещают преподавательскую деятельность с управленческой (таблица 1).

Таблица 1 (Table 1)

Результаты диагностики профессионального выгорания у сотрудников вуза
(средний диапазон значения в %)
*Results of diagnostics of professional burnout among university employees
(average range of values in %)*

Должность	Проявления выгорания	Эмоциональное истощение	Деперсонализация	Редукция личных достижений
Преподаватель		15–30	17–40	20–50
Старший преподаватель		24–40	20–37	75–80
Доцент		24–40	20–45	50–55
Заведующие кафедрами,		52–85	50–73	15–75
Деканы, заместители деканов		30–68	10–30	62–90
Руководство вуза (ректор/директор, проректор/заместители директора)		59–83	40–70	33–88

Полученные данные противоречат результатам анкетирования, так как подверженность выгоранию отметили только 58,3% опрошенных из всех групп респондентов, 20% респондентов не замечают у себя выгорания, остальные отмечают проявление некоторых признаков выгорания как у себя, так и у коллег. Игнорирование симптомов выгорания на первых стадиях, осознание наличия таковых признаков среди опрошенных начинается при процентном значении выше 50% от максимальной выраженности одной из характеристик. Это означает, что на данный момент профессиональные риски привели к психофизиологическим последствиям и могут оказать негативное влияние на общее состояние здоровья и работоспособность преподавателя.

По мнению респондентов, состояние профессионального здоровья и самочувствия в большей степени оказывает влияние:

- на характер взаимоотношений с коллегами, обучающимися, руководителями (37,5%);
- оперативность принятия решений (20,8%);
- работоспособность и интенсивность труда (12,5%);
- мотивацию и волю (8,3%);
- эмоциональную устойчивость – переживание напряжения, конфликтов, стрессов (4,3%).

Необходимо также отметить, что по мнению респондентов, выгорание влечёт за собой нарушение состояния здоровья, где на первом месте подвергается нарушениям центральная нервная система, затем сердечно-сосудистая система, далее опорно-двигательный аппарат с иммунной системой. Под влиянием цифровизации перехода на дистанционную форму обучения выделяются также проблемы со снижением зрения и обострения психосоматических заболеваний.

С помощью анкетного опросника были выявлены основные причины, приводящие к профессиональному выгоранию, среди них:

- сверхинтенсивная рабочая нагрузка;
- новые требования с повышенным уровнем ответственности;
- так называемая сдвоенная бумажная работа, дублируемая в электронном документообороте;
- негативная атмосфера в коллективе, отсутствие сплочённости, дружелюбности, коллективизма;
- «размытость» обязанностей с ответственностью, перекладывание ответственности на тех, кто ниже по должности;
- низкая оплата труда, недооценивание труда преподавателей и качества оказываемых услуг;
- потеря мотивации, пренебрежение ценностями и потребностями преподавателей;
- монотонность работы;

- несвоевременное доведение информации об изменениях и поручениях.

Сопоставляя полученные данные, можно сделать вывод о негативном влиянии образовательной среды на профессиональное здоровье и самочувствие преподавателя, в частности, развитие профессионального выгорания.

Результаты эмпирического исследования позволяют определить перечень условий, которые необходимо учитывать с целью минимизации рисков профессионального выгорания преподавателя:

- учёт объёма учебной нагрузки преподавателя, соотношение с его возможностями и перспективами саморазвития;
- характер поручений, сроки исполнения;
- наличие или отсутствие стимулирующих факторов с учётом ценностей и образа жизни преподавателей;
- мониторинг самочувствия, состояния здоровья и работоспособности;
- возможность проведения профилактических мероприятий по предупреждению выгорания и других профессиональных заболеваний;
- учёт факторов и раздражителей, вызывающих профессиональные деформации и риски.

На наш взгляд, оптимизация образовательной среды с учетом рассмотренных факторов и на основе оптимального распределения профессиональных задач и функций преподавателей вузов позволит улучшить ситуацию по предупреждению и преодолению профессионального выгорания.

Пути решения проблемы профессионального выгорания преподавателя вуза

Проведенное исследование позволяет определить в качестве основных направлений решения проблемы профессионального выгорания преподавателя вуза

1. Поиск механизмов совершенствования управления образовательной средой на всех уровнях системы высшего образования.
2. Активизация позиции самого преподавателя как субъекта профессиональной деятельности по отношению к собственному профессиональному здоровью.

В рамках второго направления, как показывает практика и рекомендации специалистов в области профессиональных рисков, наиболее эффективными профилактическими мерами профессионального выгорания, являются ведение здорового образа жизни, применение психологических методик и тренингов, поддержка хобби и новых видов деятельно-

сти из других сфер и качественное медицинское обслуживание. Однако, понимая и принимая в целом значимость данных мер, самостоятельно их предпринимают только 55,8% опрошенных.

В ходе исследования выяснилось, что вузы сами проводят незначительную часть из указанных профилактических мероприятий, таких как занятия физической культурой и спортом на базе учреждения (отметили 41,3% респондент), участие в психологических тренингах (23,5% респондентов) и освоение новых видов деятельности, самореализации (35,2% среди респондентов). Отличием системы вводимых профилактических мероприятий должно быть создание условий не только на основе психологических мер, но и с учётом всех сфер жизнедеятельности преподавателей, факторов, оказывающих прямое воздействие.

По нашему мнению, результаты исследования убедительно показывают, что необходимо расширение мер профилактики с учётом потребностей и интересов сотрудников вузов. При этом необходимо проводить мониторинг развития профессионального выгорания, чтобы минимизировать риск перехода выгорания из начальной стадии в стадию, на которой проявляются профессиональные деформации. Одним из вариантов решения может быть разработка модели корпоративной системы управления профессиональным здоровьем и психологическим самочувствием. Успешность, эффективность данной управленческой модели будет обеспечена при наличии следующих компонентов:

- соответствующего мотивационного климата;
- корпоративной культуры вуза;
- взаимной ответственности, гарантий преподавателям и повышению их социальной защищённости.

Одним из вариантов решения проблемы в рамках первого направления является построение чёткого алгоритма «мягкого» внедрения новшеств и постепенного перехода к новым требованиям моделям управления, с проектированием путей внедрения по форме блочных схем «да-нет» и без увеличения стрессовой нагрузки.

Актуальность управления профессиональным здоровьем с целью предупреждения профессионального выгорания и обеспечения ожидаемых обществом результатов труда в широком социальном аспекте обоснована и экономическими соображениями, так как способствует снижению издержек и финансов затрат [4, с. 86].

К выводам

Таким образом, в ходе исследования проблемы влияния социальных факторов образовательной среды вуза на развитие у преподавателей профессионального выгорания установлено, что происходящие изменения в профессиональной деятельности преподавателей оказывают негативное влияние на их самочувствие, работоспособность, качество и результаты труда. Выявленные детерминанты профессионального выго-

рания носят разнородный характер, они обусловлены множеством факторов, отражающих различные аспекты труда. Практически у всех принявших в эмпирическом исследовании участников из числа преподавателей вузов выявлено наличие профессионального выгорания разной степени выраженности, при этом у респондентов, совмещающих преподавательскую деятельность с управленческой степень выгорания значительно выше вне зависимости от возраста, пола и занимаемой должности.

Также нами определены основные направления решения проблемы профессионального выгорания у преподавателей, в числе которых: формирование мотивации их участия в профилактических мероприятиях, мониторинг признаков выгорания на начальных стадиях, анализ факторов риска. С целью предупреждения профессионального выгорания необходимо учитывать и совершенствовать индивидуально-личностные характеристики преподавателей высших учебных заведений. Профилактика должна носить комплексный характер, так с психологической стороны преподавателей полезно обучать управлять эмоциями, развивать самоконтроль за реакцией на стрессовые ситуации, конфликты с коллегами, формировать уверенность в себе. С социологической стороны, профилактика должна учитывать роль и престиж профессиональной деятельности, коммуникативную активность, социальную позицию в профессиональном обществе, установки и ценности, способность конструктивно меняться в современных условиях и т. д. С медицинской стороны – поддержание и сохранение здоровья и психологического самочувствия. Вместе с тем, действенной мерой должна стать разработка модели управления профессиональным здоровьем в вузе посредством совершенствования различных характеристик образовательной среды.

Библиографический список

1. Асеева И. А. Готовы ли россияне к новой антропотехнореальности? // Вестник Института социологии. 2020. Т. 11. № 2. С. 141–156. DOI: 10.19181/vis.2020.11.2.650
2. Васильев И. А. Качество школьного образования: субъективный взгляд на объективный процесс // Социологический журнал. 2013. № 4. С. 72–88. DOI: 10.19181/socjour.2013.4.437
3. Джейранова М. О., Жданова Д. Р., Рубизова А. А., Богданова Т. М. Синдром эмоционального выгорания у преподавателей медицинских вузов // Международный студенческий научный вестник. 2018. № 5. URL : <https://eduherald.ru/ru/article/view?id=19166> (дата обращения: 12.06.2022).
4. Кошарная Г. Б., Данилова Е. А., Маракаева К. М. Корпоративная система управления здоровьем // Siberian Socium. 2020. Т. 4. № 2(12). С. 76–89. DOI: 10.21684/2587-8484-2020-4-2-76-89
5. Курганова И. Ю. Эмоциональное выгорание в деятельности педагога // Образование. Карьера. Общество. 2013. № 3 (39). С. 24–26.
6. Опросник «Профессиональное выгорание». URL: [http://imc-mosk.ru/files/Napравление%20deyatelnosti/zdorovie/oprosnik-professional-noe-vygoranie.pdf](http://imc-mosk.ru/files/Napравlenie%20deyatelnosti/zdorovie/oprosnik-professional-noe-vygoranie.pdf) (дата обращения: 10.01.2022).

7. Осухова Н. Г. Профессиональное выгорание, или Как сохранить здоровье и не «сгореть» на работе. М.: Пед. Ун-т «Первое сентября», 2011. 56 с.
8. Пак С. Н. Основные аспекты синдрома профессионального выгорания педагогов // Современные проблемы науки и образования. 2016. № 6. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=25469> (дата обращения: 12.06.2022).
9. Попова И. П. Самостоятельность в работе: взгляд на долговременные тенденции // Вестник Института социологии. 2019. Т. 10. № 4. С. 249–267. DOI: 10.19181/vis.2019.31.4.619
10. Проказина Н. В., Ланцев В. Л. Роль общественно-профессиональных объединений педагогов в условиях модернизации системы образования // Вестник Института социологии. 2020. Т. 11. № 2. С. 157–173. DOI: 10.19181/vis.2020.11.2.651
11. Сергеева О. Н. Профессиональное выгорание и социальное здоровье педагога: исследование проблемы // Образование. Карьера. Общество. 2012. № 1(33). С. 38–40.
12. Яхно А. А. Профессиональный стресс и эмоциональное выгорание в системе здравоохранения российской федерации // Альманах сестринского дела. 2009. Т. 2. № 2. С. 34–39.
13. Freudenberger H. J. Staff Burn-Out // Journal of Social Issues. 1974. № 30(1). P.159–165.
14. Maslach C., Leiter M. P. Chapter 43 – Burnout // Stress: Concepts, Cognition, Emotion, and Behavior / Ed. by G. Fink. Academic Press, 2016. P. 351–357.
15. Schaufeli W. B., Leiter M. P., Maslach C. Burnout: 35 years of research and practice // Career Development International. 2009. No. 14(3). P. 204–220.

Получено редакцией: 21.01.22

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Самсонова Евгения Андреевна, аспирант кафедры управления персоналом, Сибирский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

DOI: 10.19181/vis.2022.13.3.837

EDN: MARMAK

Sociological Factors of the Influence of the Educational Environment on the Professional Burnout of University Teachers

Eugeniya A. Samsonova

Siberian Institute of Management – Branch of Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Novosibirsk, Russia

E-mail: samsonova-ea@ranepa.ru

ORCID ID: 0000-0003-2009-9645

For citation: Samsonova E. A. Sociological Factors of the Influence of the Educational Environment on the Professional Burnout of University Teachers. *Vestnik Instituta sotziologii*. 2022. Vol. 13. No. 3. P. 179–192. DOI: 10.19181/vis.2022.13.3.837; EDN: MARMAK

Abstract. The article presents the results of the author’s research conducted in the universities of the city of Novosibirsk. The author proceeds from the fact that the modernisation of education has an impact not only on the educational process as part of the optimisation of teaching, conditions and quality of education, but also on its participants, including teachers.

The implementation of the national project “Education”, the transition to digital technologies in education, modern socio-political and economic realities lead to fundamental changes in the conditions for the functioning of higher educational institutions, an increase in the requirements for the quality of professional training and the emergence of new functions and responsibilities of teachers. Practice shows that innovations have both a positive and a negative impact on the educational environment and teachers themselves as key subjects in the implementation of educational activities. Based on the results of the analysis of the data collected during the field study, the author comes to the conclusion that professional burnout of a teacher as a response syndrome, manifested in exhaustion, reduced productivity, and depersonalisation, is a consequence of a system of factors. Based on the results of the study, the author considers a wide range of professional risks, highlighting the causes and managerial variables that contribute to the manifestation of professional burnout among teachers. The research tools allowed to determine the causes of professional burnout, the presence of symptoms and signs, the level of exhaustion, depersonalisation and reduction. The analysis of the data obtained led to the conclusion that the complication of the conditions of professional activity due to the action of a system of sociological factors leads to an increase in the number of teachers with a pronounced degree of professional burnout, regardless of the level of the position held, while the dependence of the degree of burnout on the experience of teaching was established. The areas of professional activity that are most vulnerable to deformations and possible measures for the prevention and overcoming of the professional burnout syndrome are also identified. It has been established that the professional burnout of teachers negatively affects the quality of the educational process, leads to problems in the staffing of universities and requires the development of managerial decisions to optimise the educational environment in order to minimise professional risks and reduce the negative impact of factors on the health and activities of university teachers.

Keywords: sociological factors, higher education, education management, university professors, organisational culture, professional burnout, risks of professional burnout, education quality

References

1. Aseeva I. A. Are the Russians ready for a new anthropotechno-reality? *Vestnik instituta sotziologii*, 2020: 11: 2: 141–156 (in Russ.). DOI: 10.19181/vis.2020.11.2.650
2. Vasil’ev I. A. The quality of school education: a subjective view of the objective process. *Sociologicheskij zhurnal*, 2013: 4: 72–88 (in Russ.). DOI: 10.19181/socjour.2013.4.437
3. Dzhejranova M. O., Zhdanova D. R., Rubizova A. A., Bogdanova T. M. Emotional burnout syndrome among teachers of medical universities. *Mezhdunarodnyj studencheskij nauchnyj vestnik*, 2018: 5. Accessed 12.06.2022. URL: <https://eduherald.ru/ru/article/view?id=19166> (in Russ.).
4. Kosharnaja G. B., Danilova E. A., Marakaeva K. M. Corporate health management system. *Siberian Socium*, 2020: 4: 2(12): 76–89 (in Russ.). DOI: 10.21684/2587-8484-2020-4-2-76-89
5. Kurganova I. Ju. Emotional burnout in the activities of a teacher. *Obrazovanie. Kar’era. Obshchestvo*, 2013: 3 (39): 24–26 (in Russ.).
6. Oprosnik «Professional’noe vygoranie» [Questionnaire “Professional burnout”]. Accessed 10.01.2022. URL: [http://imc-mosk.ru/files/Napравление%20deyatelnosti/zdorovie/oproshnik-professional-noe-vygoranie.pdf](http://imc-mosk.ru/files/Napравlenie%20deyatelnosti/zdorovie/oproshnik-professional-noe-vygoranie.pdf) (in Russ.).
7. Osuhova N. G. Professional’noe vygoranie, ili Kak sohranit’ zdorov’e i ne «sgoret’» na rabote [Occupational burnout, or How to maintain health and not “burn out” at work]. Moscow, Ped. Un-t «Pervoe sentjabrja», 2011: 56 (in Russ.).
8. Pak S. N. The main aspects of the syndrome of professional burnout of teachers. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*, 2016: 6. Accessed 12.06.2022. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=25469> (in Russ.).
9. Popova I. P. Independence in work: a look at long-term trends. *Vestnik instituta sotziologii*, 2019: 10: 4: 249–267 (in Russ.). DOI: 10.19181/vis.2019.31.4.619
10. Prokazina N. V., Lancev V. L. The role of social and professional associations of teachers in the conditions of modernization of the education system. *Vestnik instituta sotziologii*, 2020: 11: 2: 157–173 (in Russ.). DOI: 10.19181/vis.2020.11.2.651

11. Sergeeva O. N. Professional burnout and social health of the teacher: a study of the problem. *Obrazovanie. Kar'era. Obshchestvo*, 2012: 1 (33): 38–40 (in Russ.).
12. Jahno A. A. Occupational stress and emotional burnout in the healthcare system of the Russian Federation. *Al'manah sestrinskogo dela*, 2009: 2: 2: 34–39 (in Russ.).
13. Freudenberger H. J. Staff Burn-Out. *Journal of Social Issues*, 1974: 30(1): 159–165.
14. Maslach C., Leiter M. P. Chapter 43 – Burnout. In *Stress: Concepts, Cognition, Emotion, and Behavior*. Ed. by G. Fink. Academic Press, 2016: 351–357.
15. Schaufeli W. B., Leiter M. P., Maslach C. Burnout: 35 years of research and practice. *Career Development International*, 2009: 14(3): 204–220.

The article was submitted on: January 21, 2022

INFORMATIONS ABOUT THE AUTHOR

Eugeniya A. Samsonova, Postgraduate student of the Department of Human Resources Management, Siberian Institute of Management – Branch of Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation

ВЕСТНИК *Института* **СОЦИОЛОГИИ**

СЕТЕВОЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Учредитель – Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук

(117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5)

Издатель – Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук

(117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5)

Главный редактор:

Михаил Константинович Горшков

Заместители главного редактора:

Полина Михайловна Козырева,

Ольга Владимировна Аксенова

Ответственный секретарь: Кирилл Викторович Подъячев

Заведующая редакцией: Анастасия Владимировна Роговая

Разработка программного обеспечения: IT-Центр ИС ФНИСЦ РАН

Макет: Ольга Викторовна Березная

Компьютерная вёрстка: Ильдар Мансурович Ситдинов

Точка зрения авторов публикуемых материалов не обязательно отражает точку зрения редакции. При перепечатке материалов ссылка на журнал «Вестник Института социологии» обязательна.

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5

E-mail: vestnik@isras.ru

Размещение журнала: <http://www.vestnik-isras.ru>